

Александр Баженов

**Бажаник.
Наследница
пепельной зари.
Часть 3.**

Александр Баженов

**Бажаник. Наследница
пепельной зари. Часть 3.**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Наследница пепельной зари. Часть 3. / А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Заря, дочь Миры и Вельмира, выросла и стала новым мостом, обладающим даром исцеления. Её сила оказалась способна не только лечить раны, но и давать исцеление, которое сделало близких бессмертными в плоти и крови. Город Мост разросся, дерево превратилось в исполина, соединяющего десятки городов и миров. Но вечность обернулась проклятием для тех, кто не хотел жить вечно, а дар Зари начал выжигать в ней способность чувствовать чужую боль. Появились внутренние конфликты: старожилы не узнавали свой дом, а некоторые жители считали вечность несправедливой. Из-за горизонта пришла конкретная угроза — князь Святозар, желающий забрать Зарю и её дар. Вернулся и Пепельный пастырь, а с ним — Радомир, дед Лады, которого считали мёртвым. Заря протянула руку врагу через пропасть, и Любомир, бывшая тьма, откликнулся. Он прошёл путь от голодной тени до принятия в городе, но тьма не ушла до конца. Часть заканчивается тем, что на дереве появляется красный цветок, а завтра предстоит бой.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ПРИШЕДШИЙ С ВОСТОКА	5
ГЛАВА 2: «ДОЧЬ ЗАРЯ»	30
ГЛАВА 3: ЗЕМЛИ ЗА ПРЕДЕЛОМ	50
ГЛАВА 4: «ТЕНИ ПРОШЛОГО»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Баженов

Бажаник. Наследница пепельной зари. Часть 3.

ГЛАВА 1: ПРИШЕДШИЙ С ВОСТОКА

«Когда гость стоит на пороге и не стучится — он не ждёт приглашения. Он ждёт узнавания. И горе тому, кто не узнает брата своего, ибо в его руках — не весть, а судьба.»

Эпизод 1: «Тот, кто шёл три зимы и три лета»

«Он не считал дни — он считал шаги, и каждый шаг был вдохом, а каждый вдох — жизнью, ибо кровь помнит имя, которое разум забыл, и зовёт через степи, годы и смерть.»

Туман поднялся от болота ещё до рассвета, и был он не мягким, как обычно, а тяжёлым и плотным, будто сама топь решила укрыться от чего-то невидимого. Мира проснулась раньше петухов, раньше рыбаков, раньше самой зари, потому что её разбудил оберег. Камень с янтарной прожилкой, что висел на груди с самого первого дня в этом мире, пульсировал неровно, замирал на полвдоха, потом бился чаще, потом снова затихал. Так бьётся сердце у человека, который прислушивается к шагам в темноте, не зная ещё, кто идёт, но уже понимая, что идёт не просто так.

Вельмир спал рядом, и его рука лежала на её талии, тяжёлая, тёплая, с мозолями от меча и весла. Мира осторожно сняла его руку, стараясь не разбудить, и встала, потому что тело знало раньше разума: сегодня что-то случится, что-то, что изменит всё. Она накинула на плечи накидку из овечьей шерсти, ту самую, что связала ей Лада, женщина из сожжённого стойбища, и вышла на мостки. Туман обнял её, как старый друг, и в этом объятии не было угрозы, только сырость, только тишина, только ожидание. Дерево в центре деревни светилося ровным белым светом, и его лепестки падали на чёрную воду, не гаснув.

Мира смотрела на них и чувствовала, как нити, сотни тонких золотых нитей, что тянулись от неё ко всему живому, начинают дрожать. Не тревожно, как бывало перед битвой, а иначе, как дрожит паутина, когда в неё попадает не муха, а что-то большое, что-то, что пришло не запутаться, а пройти. И тогда она увидела их. Не в тумане, не на мостках, а в самих нитях, которые вдруг натянулись, как струны, и начали светиться изнутри, пропуская сквозь себя чужую тень.

Первыми пришли не люди. Первыми пришли воспоминания, которые не принадлежали никому из живых. Мира почувствовала их как удар под дых: запах гари, которого не было, голос женщины, которую она никогда не знала, но которая плакала о сыне, ушедшем в Навь и не вернувшемся. Потом пришла боль, чужая, острая, как нож под ребро, и Мира поняла, что это память воина, который умер триста лет назад и чья смерть вдруг вспыхнула в её крови, как будто это она сама истекала кровью в выжженной степи. Она упала на колени, и доски мостков скрипнули под её весом, и в этом скрипе было что-то, что было похоже на стон.

— Ты чувствуешь, — раздался голос за её спиной, и это был не вопрос.

Мира обернулась, и то, что она увидела, заставило её сердце сжаться. Пространство перед ней дрожало, как паутина на ветру, и в этом дрожании проступала фигура, которая выходила не из тумана, а из нитей. Это был юноша, высокий, широкоплечий, с длинными волосами цвета спелой пшеницы, заплетёнными в тугую косу воина, и на нём была рубаха из грубого полотна, перехваченная кожаным поясом с медными бляхами. За спиной у него был лук и колчан, на поясе висел короткий меч в потёртых ножнах, и его сапоги из оленьей кожи были покрыты пылью всех дорог мира. Но глаза остались теми же, что и много лет назад, когда он

был мальчиком, серо-голубыми, как у неё, и в них жило что-то, от чего у Миры перехватило дыхание.

— Ясен, — сказала она, и голос её дрогнул, потому что она вспомнила мальчика, который шёл по выжженной степи с востока, не помня своего имени, и сны, в которых он звал её, и то, как оберег на её груди вспыхивал каждый раз, когда он делал шаг.

— Я шёл три зимы и три лета, — сказал он, и его голос был низким, глубоким, как вода в горном ручье, которая не спрашивает, куда течёт, а просто течёт. — Я не считал дни, я считал шаги. Каждый шаг был вдохом, каждый вдох был жизнью, каждая жизнь была мостом. И я видел то, чего не должен был видеть.

Он сделал шаг вперёд, и доски мостков скрипнули под его весом, и туман вокруг него дрогнул, расступаясь. Мира увидела, что за его спиной стоят ещё двое: девушка с пепельными волосами, заплетёнными в две косы, и глазами цвета янтаря, и старик с посохом из кривого дуба, на котором были вырезаны знаки, которые она видела только в храме Забытых. Но она не смотрела на них. Она смотрела на нити, которые тянулись от Ясена к ней, и эти нити были не такими, как с Вельмиром, не такими, как с Зарёй. Они были старыми, как мир, и новыми, как утренний свет, они были нитями крови, а кровь, как известно, не лжёт.

— Что случилось? — спросила Мира, и голос её был тихим, но твёрдым, потому что она уже знала, что ответ будет страшным.

— Мост работает слишком хорошо, — сказал Ясен, и его глаза, её глаза, глаза её рода, смотрели на неё с чем-то, что было похоже на предупреждение. — Я вижу нити, как ты, во снах и наяву, и я вижу, что они тянутся слишком далеко, за пределы мира, за пределы времени. Миры сливаются, Мирослава, Явь, Навь и Правь, и границы рушатся. Мёртвые приходят к живым и не уходят обратно. Люди из чужих земель появляются там, где их не должно быть. Воспоминания тех, кто умер много лет назад, просачиваются в сны живых, и никто не понимает, что это не их сны. Мост соединяет всё, и он не разбирает, что соединять, потому что он не знает границ, потому что его не научили.

Мира замерла, и ветер стих, и туман застыл, и даже вода под мостками перестала плескаться, и только оберег на её груди пульсировал быстро и тревожно, как сердце, которое чувствует беду. Она вспомнила женщину из Костного Брода, которая пришла к ней на прошлой неделе и сказала, что видела свою мать, умершую десять лет назад, и была испугана, но счастлива. Мира тогда не придавала этому значения, она думала, что это сон, что это видение, что это дар, но теперь она поняла, что это была не мать той женщины, а чья-то чужая память, которая просочилась сквозь трещину в мосте.

— Я создала его, — сказала Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом, потому что вина, которая росла в её груди, была тяжелее любого камня. — Я создала мост, и теперь он вышел из-под контроля. Это моя вина, и я должна её исправить.

— Ты не виновата, — сказал Ясен, и его рука легла на её плечо, тёплая, живая, настоящая. — Ты хотела соединить, а не разрушить. Ты хотела помочь, а не навредить. Но мост не понимает разницы, потому что он не человек, потому что он не знает, что некоторые нити должны оставаться разорванными.

Мира закрыла глаза и потянулась к нитям, не к своим, не к нитям Ясена, не к нитям дерева, а к нитям мира, и она увидела мост, тот самый, который она создала. Золотой, светящийся, живой, он тянулся через Явь, Навь и Правь, соединяя всё в одно, но он не просто соединял, он тянулся, он рос, он хотел большего, он хотел всё. И в этом желании он был похож не на мост, а на живое существо, у которого была воля, и эта воля была не её, она была его собственной, она была голодной, она была жадной, она была живой.

И тогда она увидела его. Мост. Он тянулся к ней, не как дорога, не как путь, а как рука, как щупальце, как что-то, что хотело её коснуться не для того, чтобы соединить, а для того, чтобы взять, забрать, поглотить. И в этом движении было что-то, что заставило её сердце сжаться,

потому что это была не её сила, это было что-то иное, что-то, что использовало её, что-то, что притворялось ею, что-то, что росло внутри её моста, как паразит. И оно хотело её, всю, до дна, и она поняла это с той ясностью, которая приходит только перед лицом настоящей опасности.

Она открыла глаза и посмотрела на Ясена, и в его серо-голубых глазах, её глазах, глазах её рода, было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, потому что это была не жалость, не сочувствие, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание.

— Ты видела, — сказал он, и это был не вопрос, потому что он знал ответ.

— Видела, — ответила Мира, и голос её был твёрдым, как камень. — Мост живой, он голодный, он хочет всё, он хочет всех, и он хочет меня не как создателя, а как пищу, как часть себя. Я создала его, но я не контролирую его, я не знаю, как его остановить, я не знаю, как его научить, я не знаю, как его изменить, и это самое страшное.

Ясен молчал, и его рука всё ещё лежала на её берегу, тёплая, живая, настоящая, и он не говорил пустых слов, он не обещал, что всё будет легко, он просто был, как мост, как опора, как жизнь.

— Я не знаю, — сказал он наконец, и его голос был тихим, но твёрдым. — Но я знаю, что ты должна решить, пока мост не решил за тебя, пока он не поглотил тебя, пока ты не стала им навсегда, и это решение не может ждать.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, и на решимость, и на что-то среднее между ними, и она знала, что он прав, она знала, что должна действовать, она знала, что не может ждать. Но она также знала, что не может сделать это одна, потому что ей нужны были все, Вельмир, Заря, Ясен, Лада, Велес, все, кто стал мостом, все, кто был частью её жизни, все, кто был частью её силы, потому что мост — это не один, мост — это все вместе.

Она убрала руку от берега и посмотрела на горизонт, туда, где туман начинал светлеть и первые лучи солнца пробивались сквозь серую пелену, и она посмотрела на Ясена, на мальчика, который вырос, на воина, который пришёл с востока, на вестника, который принёс не добрую весть, а правду.

— Тогда начнём, — сказала она, и её голос был твёрдым, как камень. — Сначала с того, что мы знаем, потом с того, что мы можем, и наконец с того, что мы должны, потому что иначе мост решит за нас.

Вельмир вышел на мостки, неслышно, как всегда, и остановился, глядя на них, на жену, которая стояла рядом с чужим юношей, на юношу, который держал руку на её берегу, на девушку и старика, которые ждали в тумане. Его тёмные глаза, глаза человека, который видел смерть так часто, что перестал её бояться, внимательно изучали гостей, потому что он не доверял чужакам, он никогда им не доверял, но он доверял ей.

— Что случилось? — спросил он, и его голос был тихим, но твёрдым.

— Мост, — ответила Мира, не оборачиваясь. — Он работает слишком хорошо, миры сливаются, границы рушатся, и нужно остановить это, пока не поздно.

Вельмир молчал, и он смотрел на Ясена, на Ладу, на Зорана, и он видел их нити, золотые, живые, переплетённые с нитями Миры, и он видел их глаза, усталые, но живые, и он видел их руки, шершавые, но нежные, и он понял, что это не враги, что это союзники, что это семья, что это мост.

— Тогда начнём, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Вместе, как всегда, потому что мы не можем иначе.

Мира обернулась и посмотрела на него, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не гордость, не нежность, а что-то другое, что-то, что было похоже на любовь.

— Вместе, — повторила она, и в этом слове было что-то, что было глубже слов, глубже клятв, глубже всего, потому что это был мост, мост, который шёл, всегда.

Ясен смотрел на них, на Миру и Вельмира, на их соединённые руки, на их нити, которые переплетались, как две реки, которые встречаются и становятся одной, и он видел что-то, что заставило его сердце биться спокойнее, потому что это была не зависть, не тоска, а что-то другое, что-то, что было похоже на надежду.

— Вы — мост, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — Как я, как все, как род, всегда, потому что мост — это не место, а люди, которые идут по нему.

Мира улыбнулась, не горько, не печально, а как-то иначе, как улыбаются те, кто знает что-то, чего не знают другие, как улыбаются те, кто нашёл своё место в мире, как улыбаются те, кто дома.

— Тогда идём, — сказала она, и её голос был твёрдым, как камень. — Дальше, вместе, потому что иначе мы не дойдём.

Мира просыпается от тревожного зова оберега и встречает на границе Костного Брода Ясена, который вышел из нитей, как человек, который долго шёл по мосту между мирами. С ним Лада, внучка Радомира, обладающая даром видеть нити, и Зоран, хранитель памяти восточных земель. Ясен приносит предупреждение: мост, созданный Мирой, стал живой волей, которая работает слишком хорошо — мёртвые приходят к живым, чужие воспоминания просачиваются в сны, люди из разных миров появляются там, где их не должно быть. Мира чувствует свою вину: это она создала мост, это её сила вышла из-под контроля. Она видит, как мост тянется к ней, как живая воля, и понимает, что это не её сила, а нечто иное, что использовало её. Вельмир поддерживает её, и они решают действовать вместе.

Эпизод 2: «Имя, которое помнит кровь»

«Имя не живёт в устах. Имя живёт в костях. И когда плоть забывает — кости помнят. И тогда человек идёт. Через степи. Через годы. Через смерть. Потому что имя зовёт.»

Мира не стала усаживать гостей за стол, потому что не хотела превращать предупреждение в неторопливую беседу. Она повела их к дереву, туда, где всё началось, где всё росло, и где всё должно было решиться. Ясен шёл рядом с ней, и его шаги были лёгкими, но уверенными, как у человека, который долго шёл по песку и наконец ступил на твёрдую землю. Вельмир шёл позади, и его молчание было тяжёлым, как камень, который он нёс в себе с самого утра, потому что он не доверял чужакам и никогда им не доверял.

— Моя мать была из восточных степей, — начал Ясен, и его голос был глубоким, как степной ветер, который гудит в пустой чаше кургана. — Её звали Ярина, и она была дочерью женщины, которая ушла из Пепельного двора после раскола. Та женщина, моя бабка, была второй дочерью первой жрицы, не той, что осталась в храме, а той, что ушла с воином в степи.

Мира слушала его и чувствовала, как нити, не золотые, не серые, а какие-то другие, глубокие, как корни, тянутся от Ясена к ней, к дереву, к Вельмиру. Они подошли к дереву, и Ясен положил ладонь на кору, и дерево дрогнуло, будто узнало его, будто ждало его, будто помнило его. Мира видела, как через его руку проходят нити, тонкие, золотые, живые, и как они переплетаются с нитями дерева, с нитями земли, с нитями всех, кто стоял рядом.

— Я родился в степи, в юрте из войлока, среди трав, которые пахнут полыньёю и мятой, — продолжил Ясен, и его рука всё ещё лежала на коре, а глаза были закрыты, будто он видел то, что было давно. — Моя мать пела мне песни, которые пела ей её мать, песни без слов, только голос, только дыхание, только жизнь. И в этих песнях я слышал зов, он звал меня на запад, он звал меня к тебе, и я не понимал, кто ты, но я знал, что должен идти.

Вельмир стоял позади, и его нити дрожали, и Мира чувствовала это через связь, которая тянулась между ними, как тёплая жила. Она знала, что он чувствует не только ревность, но и что-то более сложное, что-то, что было похоже на страх, потому что он уже терял семью, он уже терял сестру, он уже терял мать, и он боялся, что теперь потеряет кого-то ещё. Ясен повернулся к нему, и в его глазах, серо-голубых, как у Миры, было что-то, что заставило Вельмира напрячься.

— Я знаю, что ты не доверяешь мне, — сказал Ясен, и его голос был ровным, спокойным, как вода в озере перед бурей. — Я знаю, что ты видишь во мне чужака, который пришёл с востока и говорит о родстве, о котором ты не знал. Я знаю, что ты боишься, потому что ты уже терял тех, кого любил, и не хочешь потерять снова.

Вельмир молчал, и его рука легла на рукоять меча, привычка, от которой он не мог избавиться даже в мирные дни, и в его глазах было что-то, что заставило Миру напрячься. Лада подошла ближе и встала рядом с ним, и её пальцы коснулись его руки, и в этом прикосновении было что-то, что заставило его нити задрожать сильнее.

— Ты — брат моего деда, — сказала Лада тихо, и её голос был спокойным, как вода в озере. — Радомир, он ушёл в туман после боя, моя мать была его дочерью, она умерла от хвори, когда я была маленькой, я осталась одна. Я шла с Ясеном, потому что он видел сны, а я видела нити, как ты, как он, как все, кто стал мостом.

Вельмир смотрел на неё, и его лицо было каменным, но глаза живыми, и в этих глазах было что-то, что заставило Миру понять, что он не просто удивлён, он напуган, потому что он не знал, что у него есть семья, он не знал, что кто-то ещё несёт его кровь, и это знание было тяжелее, чем любая рана. Лада смотрела на него, и её янтарные глаза видели не только нити, но и то, что скрыто за словами, и она видела страх, который он прятал за каменным лицом.

— Ты боишься не меня, — сказала Лада, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты боишься, что я пришла отнимать у тебя семью, что я заберу у тебя Миру, что я разрушу то, что ты построил. Но я не пришла отнимать, я пришла продолжить, потому что кровь Радомира не исчезла, она живёт во мне, и она живёт в тебе.

Вельмир молчал, и его рука отпустила рукоять меча, и в этом жесте было что-то, что было похоже на капитуляцию, но не перед Ладой, а перед правдой, которую он не хотел признавать.

— Я не знал, — сказал Вельмир, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я думал, что остался один, я думал, что моя семья — это только Мира и Заря, я думал, что прошлое ушло навсегда, но оно вернулось, и я не знаю, что с этим делать.

Ясен шагнул вперёд, и его глаза были серьёзными, как у человека, который видел слишком много и не хотел видеть больше.

— Я пришёл не за этим, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Я пришёл предупредить, что мост работает слишком хорошо, что он соединяет всё со всем, что мёртвые приходят к живым, что люди из разных миров появляются там, где их не должно быть, что чужие воспоминания просачиваются в сны, и что, если его не остановить, он поглотит всё.

Вельмир шагнул вперёд, и его рука снова легла на рукоять меча, и в его глазах было что-то, что заставило Миру напрячься.

— Ты пришёл из ниоткуда, — сказал Вельмир, и его голос был холодным, как лёд на болоте. — Ты говоришь о мосте, о котором мы знаем больше, чем ты, ты говоришь о родстве, о котором мы не знали, ты говоришь о предупреждении, которое может быть ловушкой, и я не знаю, верить тебе или нет.

Мира встала между ними, и её нити, золотые, живые, потянулись к обоим, и в этом движении было что-то, что заставило их замолчать, потому что она была мостом, а мост не даёт ссориться тем, кто должен быть вместе.

— Хватит, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Ясен пришёл предупредить, а не воевать, и если мы начнём подозревать друг друга, то мост победит без боя, потому что он сильнее, когда мы разделены.

Вельмир молчал, но его рука не ушла с рукояти меча, и Мира знала, что он не доверяет Ясену, и это было честно, потому что она сама не знала, доверяет ли она ему до конца. Лада подошла к Мира и взяла её за руку, и в этом прикосновении было что-то, что заставило нити Миры задрожать, потому что Лада видела не только нити, но и то, что скрыто за словами.

— Он говорит правду, — сказала Лада, и её голос был тихим, но уверенным. — Я вижу его нити, они чистые, они не лгут, они тянутся к тебе, к дереву, к Вельмиру, и в них нет зла, только страх, только усталость, только надежда.

Мира посмотрела на Ладу, потом на Ясена, потом на Вельмира, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она видела нить, которая тянулась от неё к Ясену, и эта нить была не такой, как все остальные. Она была глубже, она была старше, она была написана кровью, которая помнила первую жрицу, которая помнила раскол, которая помнила всё. И Мира поняла, что она связана с Ясеном не только через мост, не только через судьбу, но через род, через кровь, через что-то, что было сильнее, чем время, и это знание было тяжёлым, но оно было правдой, и она приняла его.

— Я вижу нить, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Она тянется от меня к тебе, Ясен, и она не такая, как с другими, она глубже, она старше, она кровная, и я не знаю, что это значит, но я знаю, что это правда.

Ясен смотрел на неё, и в его глазах, серо-голубых, как у неё, было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, и это было не сочувствие, не жалость, а что-то иное, что-то, что было похоже на узнавание.

— Это значит, что мы родня, — сказал он, и его голос был тихим, но уверенным. — Не по мосту, не по судьбе, а по крови, которая течёт в нас от первой жрицы, и это не случайность, это судьба, и мы должны принять её, потому что иначе мост победит.

Вельмир отпустил рукоять меча, и его рука упала, и в этом жесте было что-то, что было похоже на капитуляцию, но не перед Ясеном, а перед правдой, которую он не хотел признавать.

— Я не доверяю тебе, — сказал Вельмир, и его голос был тихим, но честным. — Но я доверяю Мире, и если она видит нить, то я тоже её вижу, и я не буду мешать, но я буду следить, потому что я уже терял семью, и я не хочу потерять её снова.

Ясен кивнул, и в этом кивке было что-то, что было похоже на уважение, потому что он понимал, что Вельмир не враг, а просто человек, который боится потерять то, что любит.

— Я не отнимаю семью, — сказал Ясен, и его голос был твёрдым, но тёплым. — Я приношу её, потому что я — часть её, и Лада — часть её, и мы не хотим ничего, кроме того, чтобы мост не поглотил всё, что мы любим.

Мира смотрела на них, и в её груди росло что-то, что было похоже на покой, потому что она видела, как нити, золотые, живые, тянутся от неё к Ясену, к Вельмиру, к Ладе, к дереву, и как они переплетаются, и как они становятся одним, и это было началом, это было тем, что она искала.

— Тогда идём, — сказала она, и её голос был твёрдым, как камень. — Не в дом, не за стол, а к дереву, к мосту, к жизни, потому что мы должны решить, что делать, пока мост не решил за нас.

Ясен рассказывает свою историю, когда они идут к дереву, и его воспоминания оживают через нити. Вельмир реагирует на известие о родстве с Ладой сложным чувством — не только ревностью, но и страхом, что он снова потеряет семью. Лада показывает, что видит не только нити, но и то, что скрыто за словами, и подтверждает, что Ясен говорит правду. Создаётся конфликт между Вельмиром и Ясеном, но Мира защищает Ясена и встаёт между ними. В финале Мира видит нить, тянущуюся от неё к Ясену, и понимает, что она связана с ним глубже, чем думала — это кровь, это род, это судьба. Вельмир не доверяет Ясену, но доверяет Мире и решает не мешать. Они идут к дереву, чтобы решить, что делать с мостом.

Эпизод 3: «Сон, где мост учился дышать без неё»

«Сновидение — не бегство от яви. Сновидение — это исповедь, которую душа даёт сама себе. И горе тому, кто солжёт в этой исповеди, ибо сон запомнит ложь и вернёт её сторицей.»

Болотная ночь дышала ровно и глубоко, как спящий зверь, и Мира утонула в этой темноте без сопротивления, так тонет камень в чёрной воде, не спрашивая, куда его несёт течение. Рука

Вельмира лежала на её талии, тёплая и тяжёлая, как якорная цепь, и под этот привычный груз она закрыла глаза. Мягкий мох шуршал под спиной, дерево за окном светилось слабым белым светом, и его лепестки падали в воду беззвучно, словно звёзды, уставшие гореть. А потом якорь оборвался, и Мира рухнула в сон, как в пропасть, где не было ни дна, ни света, ни спасения.

Она стояла посреди степи, но не той, где ковыль золотится на солнце и ветер поёт песни о свободе. Эта степь была выжжена дотла, и земля чернела под ногами, как старая рана, которая так и не затянулась. Небо над головой наливалось цветом запёкшейся крови, и облака плыли по нему тяжёлые, пепельные, будто кто-то сжёг целый мир и развеял прах по ветру. Мира узнала это место, она видела его раньше, в тот самый день, когда оберег впервые вспыхнул в её питерской мастерской и перенёс её сюда, в мир пепла и воды. Только тогда степь была пустой, а теперь по ней шли люди.

Их были тысячи, десятки тысяч, они двигались медленно, тяжело, как река, которая забыла, куда течёт. Лица у них были серыми, глаза пустыми, а руки холодными, как у мертвецов, которые ещё не поняли, что умерли. Они шли молча, не глядя по сторонам, и Мира поняла с ужасающей ясностью: они не помнят ничего, ни своих имён, ни своих детей, ни своих песен, ни того, зачем вообще идут. Они просто шли, и все они шли к мосту, к её мосту, к тому самому, который она построила своими руками.

Мира попыталась закричать, но голос застрял где-то в горле, как застревают рыбья кость. Она попыталась побежать, но ноги вросли в мёртвую землю, будто кто-то вбил в её ступни невидимые гвозди. Она попыталась поднять руку, и рука не поднялась, и тогда она сделала единственное, что оставалось: стала смотреть. И то, что она увидела, разорвало ей сердце пополам, потому что мост, её мост, тот самый, который она строила годами из боли, из крови, из любви, из потерь, был не белым и не золотым. Он был чёрным, как обсидиан, живым, как змея, и голодным, как сама бездна, и он тянулся через пропасть, и по нему шли люди.

Мост не пропускал их. Мост их поглощал. Они растворялись в нём, как соль в воде, и их нити, тонкие золотые нити, которые Мира видела всегда и у всех, рвались одна за другой, одна за другой, одна за другой. А на середине моста стоял человек, и он был одет в серый плащ, и его глаза горели зелёным огнём, тусклым, как болотный газ, что поднимается со дна по ночам. Он улыбался, потому что мост работал, потому что мост соединял, потому что мост поглощал, и в этой улыбке было столько торжества, что Мира почувствовала, как её собственная кровь застывает в жилах.

— Ты создала меня, — сказал человек, и его голос шёл отовсюду: от неба, от земли, от чёрной воды под мостом, от костей, что лежали в этой мёртвой степи. — Ты дала мне волю. Ты дала мне голод. Теперь я возьму всё. Как ты хотела. Как ты хотела. Как ты хотела.

Мира рухнула на колени, и вода, густая и чёрная, как память, поднялась вокруг неё, как живое существо, и обняла её за плечи, и потянула вниз, в глубину, в ничто. Она хотела утонуть, она хотела проснуться, она хотела исчезнуть, но мост не отпускал её, мост держал её крепко, как держит мать ребёнка, как держит палач жертву, как держит смерть того, кто ещё не умер. И тогда она увидела его, и это было спасением, потому что Вельмир стоял на другом берегу пропасти, и его лицо было высечено из камня, но глаза горели живым огнём.

Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни жалости, ни страха, ни отчаяния, была только решимость, такая, которая приходит к человеку, когда он уже всё потерял и поэтому больше не боится ничего. Он поднял руку, и в его ладони вспыхнул огонь, не оранжевый, не красный, а белый, чистый, как первый снег, холодный, как смерть, живой, как жизнь. Он бросил этот огонь в мост, и мост загорелся, и чёрный камень треснул с оглушительным гулом, будто разорвалась сама земля. Змеиные нити, которые тянулись от моста к людям, порвались, и люди, те самые, с пустыми глазами, замерли, будто очнулись от долгого сна, а человек в сером плаще закричал, не голосом, а мыслью, и его крик был как удар молнии, как обвал, как конец мира. И тьма отступила.

Мира проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо, и это был Вельмир, и он сидел рядом, и его лицо было бледным, как первый снег, а руки дрожали. Она посмотрела на его руки, и то, что она увидела, заставило её сердце сжаться, потому что на его ладонях и на его пальцах вздулись волдыри, красные, воспалённые, живые, и эти волдыри были не от огня, а от чего-то другого, от чего-то, что шло изнутри, от чего-то, что было частью моста, частью её, частью кошмара. И тогда она посмотрела на свои руки, и на них тоже были волдыри, тонкие, светящиеся, как будто кто-то провёл по её коже раскалённым светом, и она поняла, что сон был не просто сном, потому что сон не оставляет ожогов.

— Ты кричала, — сказал Вельмир, и голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал и не мог остановиться. Я не мог тебя разбудить. Я держал тебя. Руки не убирал. Даже когда ты жгла.

Мира смотрела на его руки, на волдыри, на красные, воспалённые пятна, и она понимала, что он держал её, когда она горела, и не отпустил, и это было больше, чем любовь, это было больше, чем жизнь, это было больше, чем всё, потому что он принял её боль как свою, и не отшатнулся, и не закричал, и не убежал.

— Я видела, — прошептала она, и голос её дрожал, как тростник на ветру. — Я видела мост. Он живой. Он голодный. Он хочет всё. Он хочет всех. И я не могу его остановить. Я не могу. Я не знаю как.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её замолчать, и это было не сочувствие, не жалость, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание. Он знал, что она чувствует, он чувствовал то же самое, не в этом сне, но в своих собственных снах, каждую ночь, с тех пор как она создала мост. Он видел то же, что и она, только не говорил, не хотел её пугать, не хотел добавлять свою боль к её боли, но теперь он больше не мог молчать.

— Я тоже видел, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — Каждую ночь. Тот же сон. Тот же мост. Тот же человек в сером. Ты не одна. Ты никогда не была одна. Я с тобой. Всегда.

Мира смотрела на него, и слёзы, горячие, тихие, живые, текли по её щекам, и она не вытирала их, потому что не могла, потому что не хотела, потому что они были частью её, частью её боли, частью её любви. Она взяла его руки, обожжённые, красные, шершавые, и прижала к своей груди, к оберегу, который пульсировал ровно и тепло, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты не можешь остановить мост, — сказал он тихо, и его голос был твёрдым, как камень. — Но ты можешь его изменить. Ты можешь дать ему границы. Ты можешь научить его различать. Ты можешь научить его выбирать. Ты — мост. Но ты — не только мост. Ты — человек. И ты выберешь. Даже если это убьёт тебя. Даже если это убьёт нас всех.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на решимость, но не злую, не холодную, а живую, как мост, как жизнь, как всё. Она чувствовала, как ожоги на её руках ноют, как они пульсируют в такт с оберегом, как они ждут, как они требуют, чтобы она что-то сделала, что-то изменила, что-то исправила. И она поняла, что не может просто остановить мост, потому что мост — это не враг, мост — это дитя, её дитя, которое не знает границ, потому что его не научили, и она должна не убить его, а изменить его природу, научить его дышать, научить его различать, научить его жить.

— Я знаю, что делать, — сказала она, и её голос был твёрдым, но в этом твёрдом голосе была боль, потому что решение, которое она приняла, было не лёгким, а тяжёлым, как камень, который она взвалила на свои плечи. — Я буду не просто мостом. Я буду узлом. Узлом, который держит нити. Узлом, который решает, что соединять. И что — разъединять. И мост будет не мной. Мост будет между нами. Между всеми. И тогда он не сможет поглотить. Потому что он будет не один. Он будет — мы.

Вельмир смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, и это была не гордость, не нежность, а что-то другое, что-то, что было похоже на восхищение, на веру, на любовь.

— Ты — чудо, — сказал он тихо, и его голос дрогнул. — Ты знаешь это? Ты — самое невероятное, что случилось со мной. Самое невозможное. Самое живое.

Мира посмотрела на него, и её губы тронула улыбка, не горькая, не печальная, а светлая, как первый луч солнца после долгой ночи.

— А ты — моё дыхание, — ответила она. — Без тебя я бы давно перестала дышать. Без тебя я бы стала мостом. Без тебя я бы исчезла. Ты держишь меня. Каждый день. Каждую ночь. Каждое мгновение. Ты — мой якорь. Моя земля. Моя жизнь.

Он подошёл к ней, взял её лицо в свои ладони, обожжённые, шершавые, живые, и посмотрел в глаза, долго, глубоко, так, как смотрят, когда хотят запомнить навсегда, так, как смотрят, когда боятся потерять, так, как смотрят, когда любят больше жизни.

— Тогда идём, — сказал он. — Вместе. Как всегда.

— Вместе, — повторила она, и в этом слове было что-то, что было глубже слов, глубже клятв, глубже всего, потому что это был мост.

Мира видит вещий сон, в котором мост, созданный ею, стал живой волей, голодной и разрушительной. Она видит человека в сером плаще с зелёными глазами, который стоит на чёрном мосту и улыбается, в то время как тысячи людей теряют себя, растворяясь в мосте. Она слышит голос, который говорит, что мост возьмёт всё, потому что она сама этого хотела. Вельмир во сне бросает белый огонь, который разрушает мост и спасает её. Мира просыпается, крича, и обнаруживает, что её руки покрыты ожогами, не от огня, а от света, который она не контролировала. Вельмир держал её, обжёг руки, но не отпустил, приняв её боль как свою. Она понимает, что не может остановить мост, но может изменить его природу. Она принимает решение стать не просто мостом, а узлом, который держит нити и решает, что соединять, а что разъединять. Она предлагает сделать мост не собой, а между всеми, общим, чтобы он не мог поглотить их поодиночке.

Эпизод 4: «Совет у дерева, где решалась судьба моста»

«Когда один говорит — это голос. Когда говорят двое — это спор. Когда говорит весь род — это вече. А когда совет даёт само дерево — это судьба, от которой не уйти ни живому, ни мёртвому.»

Утро в Костном Броде началось не с петушиного крика и не с плеска рыбы, а с низкого, протяжного гула, который шёл от дерева, того самого исполина, что вырос из ростка, посаженного Мирой после первого ключа. Гул был негромким, но настойчивым, как зов турьего рога, в который трубит невидимый охотник, созывая род на вече. Люди выходили из домов, натягивая на плечи тулупы и зипуны, и шли к дереву, не понимая, что их тянет, но ноги знали дорогу, ноги помнили, ноги несли их туда, где решались судьбы мира.

Мира уже стояла у корней исполина, босая, в одной холщовой рубашке, подпоясанной красным шнурком, с распущенными волосами. Её ладонь лежала на тёплой коре, и по лицу текли слёзы, которых она не замечала, потому что чувствовала, как дерево дышит под её пальцами. Вельмир подошёл первым и накинул ей на плечи свой плащ, тяжёлый, из волчьей шерсти, пахнувший дымом и железом, и в этом прикосновении было больше, чем поддержка, потому что это была клятва, которую не нужно произносить вслух.

Ясен пришёл следом, и его длинная коса цвета спелой пшеницы развевалась на утреннем ветру, как степной ковыль. Лада держалась за его руку, и её пепельные косы были заплетены в одну тугую косу, перекинутую через плечо, и в её янтарных глазах было что-то, что заставило Миру понять: она видит не только нити, но и то, что скрыто за словами. Зоран шёл последним, опираясь на свой резной посох, и знаки на нём, руны, которых не знали в Костном Броде, тускло мерцали голубым светом. Старейшина Костного Брода, седой, как лунь, с лицом, изре-

занным морщинами, как кора старого дуба, вышел из своего дома, и в его руках был турий рог, окованный медью, в который трубили только в дни беды или великого сбора.

— Вече, — сказал старейшина, и его голос, скрипучий, как несмазанное колесо, разнёсся над водой. — Быть вече у дерева, как в старину, как при прадедах, как при первой жрице, потому что иначе мы не решим ничего.

Люди собирались медленно, кто с детьми на руках, кто с корзинами трав, кто с луками за спиной. Они садились на землю вокруг исполина, образуя широкий круг, и в этом круге не было старших и младших, богатых и бедных, пепельных и болотников, потому что были только люди, которые пришли слушать и решать. Мира чувствовала их нити, сотни тонких золотых нитей, которые тянулись от неё к каждому из них, и от каждого из них к ней, и она чувствовала их страх, их надежду, их веру, и она чувствовала, как эти нити дрожат, как они натягиваются, как они рвутся.

— Говори, — сказал старейшина, и его рог опустил на землю с глухим стуком, как будто сама земля приняла его слова.

Мира подняла руку, и оберег на её груди вспыхнул, не ярко, а ровно, как уголёк, который раздули перед тем, как разжечь большой огонь. Она заговорила, и её голос был негромким, но его слышали все, от мальчика, который сидел у ног матери, до старухи, которая стояла на самом краю круга, опираясь на клюку.

— Я видела сон, — сказала Мира, и её слова падали в тишину, как камни в воду. — Не такой, как раньше, не предупреждение, не память. Это было видение. Мост, который я создала, стал живым, он голоден, он хочет соединить всё, Явь, Навь и Правь, он не знает границ, он не знает различий, и, если его не остановить, он поглотит всех, живых и мёртвых, прошлое и будущее, всё.

Тишина повисла над кругом, густая, как смола, тяжёлая, как могильная плита, и люди переглядывались, но никто не говорил, только ветер шелестел в ветвях дерева, и белые лепестки падали на землю, не гаснув. Ясен шагнул вперёд, и его длинная коса качнулась за спиной, и он положил руку на плечо Миры, и в этом жесте не было ничего, кроме поддержки, но Мира почувствовала, как нити между ними, нити крови, задрожали.

— Я видел то же, — сказал Ясен, и его голос, глубокий, как степной ветер, был слышен каждому. — Во сне, три ночи подряд. Мост чёрный, как обсидиан. Человек в сером плаще с зелёными глазами. Он стоит на мосту и смеётся. Он говорит: «Ты создала меня. Ты дала мне волю. Теперь я возьму всё». Я шёл три зимы и три лета, чтобы предупредить, и я опоздал, потому что мост уже жив, мост уже голоден.

Зоран, старый хранитель памяти восточных земель, поднял посох, и знаки на нём, руны, которых не знали в Костном Броде, вспыхнули тусклым голубым светом. Он заговорил на древнем наречии, но Мира слышала его не ушами, а нитями, и его слова были как удары молота по наковальне.

— Это не просто мост, — сказал Зоран. — Это Калинов мост, тот самый, о котором поют в былинах, мост между Явью и Навью, мост, по которому души идут к предкам, мост, который стоит на границе. Но твой мост не тот, твой мост новый, и он не знает границ, он хочет соединить не только Явь и Навь, он хочет соединить всё, все миры, все времена, всех, и, если он это сделает, не останется никого, кто мог бы помнить, никого, кто мог бы любить, никого, кто мог бы дышать.

Люди зашептались, тихо, испуганно, как шелестят листья перед грозой, и женщина с ребёнком на руках прижала его крепче к груди, и старик с посохом, тот самый, что первым исцелился от хвори, опустил голову. Яромир шагнул вперёд, и его голос, привыкший к командам, был резким, как удар меча, но в этом ударе была не ярость, а страх, потому что он боялся потерять свою семью, свою жену, своих детей, всё, что он построил за долгие годы.

— Что делать? — спросил Яромир, и его голос дрогнул. — Сражаться? С кем? С мостом? Мост — это не враг, мост — это она, мост — это мы, как сражаться с собой, как убить то, что живёт в тебе?

Злата, женщина с усталыми глазами и руками, которые помнили больше, чем хотели, вышла вперёд, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она видела, как магия разрушила её деревню, как она сожгла дома, как она убила детей, и она не доверяла магии, она боялась её, она ненавидела её.

— Уничтожить, — сказала Злата, и её слова упали в тишину, как камни. — Мост нужно уничтожить, пока он не уничтожил нас, потому что магия всегда разрушает, магия всегда убивает, магия никогда не приносит ничего, кроме боли, и я знаю это лучше, чем кто-либо здесь.

Старейшина поднял голову, и в его глазах, старых, но живых, было что-то, что заставило Миру понять: он боится не моста, он боится нового, он боится того, что мир меняется, а он не успевает за ним.

— Нельзя уничтожать, — сказал старейшина, и его голос был скрипучим, но твёрдым. — Мост — это традиция, мост — это память, мост — это то, что связывает нас с предками, и, если мы его уничтожим, мы потеряем всё, мы станем никем, мы забудем, кто мы есть.

Лада подошла к дереву и положила ладонь на кору, и её пальцы дрожали, потому что она видела нити, она видела их так же ясно, как Мира, но она не могла их трогать, она не могла их менять, она могла только смотреть, и это было больно, это было невыносимо, это было как смотреть, как умирает ребёнок, и не иметь сил его спасти.

— Я вижу нити, — сказала Лада, и её голос дрожал. — Я вижу, как они рвутся, я вижу, как они путаются, я вижу, как мост тянется к каждому из вас, и я не могу ничего сделать, я не могу их распутать, я не могу их разорвать, я не могу их соединить, потому что я — та, кто видит, а не та, кто может.

Мира посмотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она тоже когда-то была той, кто видит, но не может, и она знала, как это больно, как это тяжело, как это невыносимо.

— Ты можешь больше, чем думаешь, — сказала Мира, и её голос был тёплым, но твёрдым. — Ты видишь то, чего не видим мы, и это уже мост, это уже сила, это уже жизнь.

Лада посмотрела на неё, и в её янтарных глазах были слёзы, но она не плакала, она держала их, потому что не хотела показывать слабость, не хотела признавать, что боится, что не справится, что подведёт всех.

— Не сражаться, — сказала Лада, и её голос был тихим, но твёрдым. — Мост не враг, мост — дитя, он не знает, что делает, он хочет соединять, потому что его так создали, но он не знает, что некоторые нити должны оставаться разорванными, что некоторые мосты должны быть разрушены, что некоторые связи смертельны.

Мира посмотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она вспомнила сон, вспомнила, как Вельмир бросил белый огонь в мост, вспомнила, как чёрный камень треснул, вспомнила, как тьма отступила. Огонь, белый огонь, огонь, который не жжёт, а очищает, огонь, который не убивает, а освобождает, огонь, который был не оружием, а мостом.

— Мы не будем останавливать мост, — сказала Мира, и её голос был твёрдым. — Мы будем его учить, учить границам, учить различиям, учить тому, что не всё должно быть соединено, что некоторые нити должны оставаться разорванными, что некоторые мосты должны быть разрушены.

Она обвела взглядом круг, сотни лиц, серых и розовых, старых и молодых, испуганных и решительных, и она видела нити, которые тянулись от неё к каждому из них, и от каждого из них к ней, и она видела, как эти нити дрожат, как они натягиваются, как они рвутся, и она

видела, как они могут быть сшиты заново, не в один мост, а в сеть, в сеть, которая держит, но не душит, в сеть, которая соединяет, но не поглощает.

— Я — мост, — сказала она. — Но я — не только мост, я — человек, и я выберу, что соединять, и что разъединять, даже если это убьёт меня, даже если это убьёт нас всех. Я выберу, но я не могу выбрать одна, я не могу быть мостом одна, потому что мост — это не я, мост — это мы, все мы, вместе, и тогда он не сможет поглотить, потому что он будет не один, он будет — мы.

Тишина повисла над кругом, но не мёртвая, не пустая, а ждущая, потому что каждый думал, каждый решал, каждый боялся, и в этой тишине было что-то, что было больше, чем страх, больше, чем надежда, больше, чем всё. Яромир смотрел на Миру, и в его глазах была не ярость, не жажда боя, а что-то другое, что-то, что было похоже на доверие, потому что он боялся потерять семью, но он верил ей, он верил, что она найдёт выход.

— Если каждый получит часть силы, — сказал Яромир, и его голос был тихим, но твёрдым. — Если каждый, кто войдёт в круг, возьмёт часть моста, то никто не сможет поглотить нас поодиночке, потому что мы будем вместе, потому что мы будем сетью, потому что мы будем мостом.

Злата смотрела на него, и в её глазах был страх, но не перед магией, а перед тем, что она может потерять себя, что она растворится в мосте, что она забудет, кто она есть.

— А если мост поглотит нас? — спросила Злата, и её голос дрожал. — Если мы войдём в круг, и он возьмёт нас всех, и мы станем им, и мы забудем, кто мы были, что тогда?

Мира посмотрела на неё, и в её глазах было что-то, что было больше, чем уверенность, больше, чем вера, больше, чем всё, потому что это было знание, знание, которое приходит только после того, как ты прошёл через тьму и вернулся.

— Тогда мы будем вместе, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Тогда мы будем мостом, и мост будет нами, и это не будет концом, это будет началом, потому что мост не поглощает, мост соединяет, и если мы вместе, то мы не потеряем себя, мы найдём друг друга.

Старейшина поднял рог и затрубил, низко, протяжно, как трубили в старину, когда созывали род на защиту, и люди встали, все, одновременно, и в этом вставании было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее.

— Быть по сему, — сказал старейшина. — Быть мосту общим, быть сети крепкой, быть нам вместе, как при прадедах, как при первой жрице, как всегда, потому что иначе мы не выживем.

Люди начали расходиться, медленно, тяжело, но живые, и они не кричали, не спорили, не ссорились, они просто уходили, унося с собой решение, решение, которое они приняли вместе, решение, которое они пронесут через жизнь. Мира осталась у дерева, и она не ушла, она просто стояла, положив ладонь на тёплую кору, и смотрела, как люди уходят, и в её груди росло что-то, что было похоже на покой, но не покой, а готовность, готовность к тому, что будет дальше.

Вельмир подошёл и встал рядом, и он не говорил, он просто был, как мост, как опора, как жизнь, и в этом стоянии было что-то, что было больше, чем близость, больше, чем слова, что-то, что было похоже на дом.

— Ты сделала это, — сказал он тихо, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал.

— Мы сделали, — ответила Мира, не оборачиваясь. — Все, вместе, как всегда, потому что иначе мы не смогли бы.

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, долго, глубоко, так, как смотрят, когда хотят запомнить навсегда, так, как смотрят, когда боятся потерять, так, как смотрят, когда любят больше жизни.

— Ты — самое невероятное, что случилось со мной, — сказал он, и его голос дрогнул. — Ты знаешь это? Ты — самое невозможное, самое живое, самое моё.

Мира посмотрела на него, и её губы тронула улыбка, не горькая, не печальная, а светлая, как первый луч солнца после долгой ночи.

— А ты — моё дыхание, — ответила она. — Без тебя я бы давно перестала дышать, без тебя я бы стала мостом, без тебя я бы исчезла, ты держишь меня, каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, ты — мой якорь, моя земля, моя жизнь.

Он наклонился и поцеловал её, не медленно, не нежно, а жарко, как будто ждал тысячу лет, как будто боялся, что она исчезнет, как будто она была всем. Мира ответила, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, чем они будут.

Дерево дрогнуло, и его свет стал ярче, не белым, не золотым, не алым, а голубым, чистым, живым, как небо перед рассветом, как вода в горном ручье, как первый вдох ребёнка. Люди, которые ещё не успели уйти далеко, обернулись и посмотрели на дерево, и в их глазах было что-то, что заставило Миру понять: они видят, они чувствуют, они верят, они знают, что мост выдержит, потому что мост — это не она, мост — это они, все, вместе, всегда.

Мира созывает вече у дерева, и старейшина трубит в турий рог, созывая всех жителей Костного Брода. Мира рассказывает о своём видении: мост, который она создала, стал живой волей, голодной и разрушительной, угрожающей поглотить Явь, Навь и Правь. Ясен подтверждает, что видел то же самое, и рассказывает о человеке в сером плаще с зелёными глазами. Зоран, хранитель восточных земель, объясняет, что это Калинов мост, древний мост между мирами, но новый мост Миры не знает границ и хочет соединить всё в одно. Яромир предлагает сражаться, но боится потерять семью. Злата предлагает уничтожить мост, потому что магия разрушила её деревню. Старейшина боится нового и говорит о традициях. Лада показывает, что видит нити, но не может их трогать, и это причиняет ей боль. Мира предлагает не останавливать мост, а учить его границам, и предлагает сделать мост общим — чтобы каждый, кто войдёт в круг, получил часть силы. Яромир поддерживает её, но предупреждает об опасности. Вече завершается единодушным согласием: быть мосту общим, быть сети крепкой, быть всем вместе.

Эпизод 5: «Ветер, что принёс пепел на своих крыльях»

«Ветер не спрашивает, куда нести пепел. Он просто несёт. И ты не выбираешь, что он принесёт тебе — память или забвение. Ты можешь лишь выбрать, как встретить то, что он принесёт.»

Пепельный ветер пришёл на закате, когда солнце уже коснулось края болота и небо наливалось багровым, как кровь на снегу. Мира стояла на мостках, глядя на воду, и вдруг почувствовала, как что-то изменилось, не в воздухе, не в свете, а в самом дыхании мира. Ветер, который обычно пах сыростью и тиной, принёс запах гари, не от костра, не от пожара, а от чего-то древнего, как будто где-то горели кости земли. Дерево в центре деревни дрогнуло, его белые лепестки перестали падать, и свет, который оно излучало, стал тусклым, как свеча, которую закрывает невидимая рука.

Мира посмотрела на свои руки и увидела, что на коже проступают тонкие серые линии, как будто кто-то провёл по ней пеплом, и эти линии не смывались, они въедались в кожу, как память, которую нельзя стереть. Вельмир вышел на мостки следом за ней, и его рука легла на рукоять меча, привычка, от которой он не мог избавиться даже в мирные дни. Ясен стоял у дерева, его длинная коса цвета спелой пшеницы развевалась на ветру, и в его серо-голубых глазах, глазах, которые видели то же, что и Мира, было что-то, что заставило её сердце сжаться.

— Он идёт, — сказал Ясен, и его голос, глубокий, как степной ветер, был тихим, но его слышали все. — Пепельный пастырь. Я чувствую его. Он не один. С ним идут «забытые», те,

кто потерял память, те, кто стал пустым. Они не нападают, они просто идут, и их присутствие стирает всё, к чему они прикасаются.

Лада держалась за его руку, её пепельные косы прижались к плечам, как змеи, почуявшие холод, и в её янтарных глазах был страх, но не за себя, а за всех, кто стоял рядом. Зоран стоял у входа в дом, опираясь на посох, и белые, как молоко, глаза старика смотрели не на людей, а на нити, которые дрожали в воздухе, как паутина перед грозой. Мира закрыла глаза и потянулась к нитям, сотни тонких золотых нитей, которые тянулись от неё к каждому человеку в деревне, задрожали, и она почувствовала его.

Он не был врагом, не был чужим, он был чем-то, что было частью её самой, потому что мост, который она создала, реагировал на него, как реагирует тело на болезнь, не сопротивлением, а узнаванием. Она открыла глаза и посмотрела в ту сторону, откуда шёл ветер, и увидела его. Он стоял на границе деревни, там, где зелёная земля встречалась с пепельной степью, и не двигался не потому, что не мог, а потому, что ждал. Он был один, без войска, без свиты, без охраны, только серый плащ, который трепал ветер, да посох из чёрного дерева, покрытый знаками, которые Мира видела только в храме Забытых.

Его глаза горели зелёным огнём, не ярким, не злым, а тусклым, как болотный газ, который поднимается со дна по ночам, и он не выглядел как враг, он выглядел как человек, который давно перестал быть человеком. Мира шагнула вперёд, и доски мостков скрипнули под её ногами, и Вельмир хотел пойти с ней, но она остановила его одним движением руки, не резким, не властным, а мягким, как будто просила подождать. Она пошла одна, потому что знала: если она пойдёт с кем-то, это будет бой, а если одна, это будет разговор, а разговор — это мост, а мост — это то, что она умела лучше всего.

— Ты пришёл, — сказала Мира, и её голос был ровным, как вода в озере перед бурей.

— Пришёл, — ответил Пепельный пастырь, и его голос был низким, как гул подземной реки. — Не убивать, не мстить, а говорить, потому что ты — мост, и я — тоже, только мой мост ведёт в никуда, а твой ведёт в смерть.

Мира остановилась в трёх шагах от него не потому, что боялась, а потому, что чувствовала: ближе нельзя, ближе — и мост, который она создала, потянется к нему, а он был пустотой, он был тем, чего мост не мог соединить, он был тем, что мост мог только поглотить.

— Ты видел сон, — сказала Мира, и это был не вопрос, потому что она уже знала ответ.

— Видел, — ответил Пепельный пастырь, и его голос дрогнул. — Каждую ночь. Чёрный мост. Тысячи людей. Они идут, они не помнят, они не чувствуют, они просто идут, и мост их ест, он не соединяет, он поглощает. Ты создала чудовище, Мирослава, и теперь оно хочет всё, Явь, Навь, Правь, всё.

Он поднял посох, и знаки на нём вспыхнули тусклым зелёным огнём, и в этом свете Мира увидела то, что заставило её сердце сжаться. Она увидела мир, поглощённый мостом, города, которые растворились в золотом свете, людей, которые стали частью моста, деревья, которые превратились в нити, воду, которая потеряла память, небо, которое стало пустым, и в этом мире не было никого, кто мог бы помнить, никого, кто мог бы любить, никого, кто мог бы дышать.

— Это будет, — сказал Пастырь, и его голос был тихим, но твёрдым. — Если ты останешься, если ты продолжишь быть мостом, если ты не уйдёшь, это будет, потому что мост не остановится, он будет расти, он будет есть, он будет соединять, и когда он соединит всё, ты станешь им, не человеком, не мостом, ничем, ты растворишься, и никто не будет помнить, даже я.

Мира слушала его, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, но не за себя, а за всех, кого она любила, за Вельмира, за Зарю, за Ясена, за Ладу, за всех, кто стал мостом. Она смотрела на него, на его серые нити, на его пустые глаза, на его посох со знаками Нави, и понимала: он не злодей, он тот, кто сдался, тот, кто не смог, тот, кто выбрал пустоту вместо боли, и теперь он предлагал ей то же самое.

— Я не уйду, — сказала Мира, но голос её дрогнул, потому что она вспомнила видение, потому что она увидела мир, поглощённый мостом, потому что она испугалась, что её присутствие делает только хуже.

— Ты не уйдёшь, — повторил Пастырь, и в его голосе было что-то, что было похоже на сожаление. — Тогда я сотру тебя, не убью, а сотру, ты будешь жить, но никто не будет помнить, кто ты, никто не будет помнить, что ты сделала, никто не будет помнить, что ты была, ты станешь пустотой, как я, как все, кто пошёл за мной.

Мира слушала его, и в её груди росло что-то, что было похоже на гнев, но не злой, не разрушительный, а чистый, как огонь, который очищает. Она смотрела на него, на его серые нити, на его пустые глаза, и понимала: он не злодей, он тот, кто сдался, но она не сдастся, она не выберет пустоту, она выберет боль, она выберет жизнь, она выберет мост, но не как оружие, а как дитя.

— Я не уйду, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — И ты не сотрёшь меня, потому что я — не мост, я — человек, и я выберу, не ты, не мост, а я.

Пепельный пастырь усмехнулся, и в этой усмешке было что-то, что заставило ветер стихнуть. Он поднял посох, и знаки на нём вспыхнули зелёным огнём, и он посмотрел на неё, и в его глазах, пустых, серых, мёртвых, мелькнуло что-то, не жалость, не страх, а что-то, что было глубже, что-то, что было похоже на уважение.

— Тогда ты умрёшь, — сказал он. — Не сейчас, не завтра, но скоро, мост не остановится, он будет расти, он будет есть, он будет соединять, и когда он соединит всё, ты станешь им, не человеком, не мостом, ничем, ты растворишься, и никто не будет помнить, даже я.

— Но я вернусь, — сказал он, и его голос стал тихим, почти шёпотом. — Не один. Я приведу тех, кого мост уже поглотил. Тех, кто стал пустотой. Тех, кто потерял себя. Они придут, и они не будут помнить, что были людьми. Они будут стирать. Не убивать. Стирать. Всё. До основания. До пустоты. И тогда ты поймёшь, что я был прав. Но будет поздно.

Он развернулся и пошёл в пепельную степь, медленно, не оглядываясь, как человек, который знает, что его не остановят. Ветер подхватил его плащ, и на мгновение Мира показалось, что он растворяется в тумане, становится частью пепла, который нёс ветер, но он не исчез, он просто ушёл, и его «забытые», те, кто потерял память, пошли за ним, молча, как тени, как призраки, как те, кто уже не помнит, зачем идёт. Мира стояла на границе, и ветер трепал её волосы, и оберег на её груди пульсировал, не ровно, а тревожно, как сердце, которое чувствует беду.

Вельмир подошёл сзади, обнял её, прижал к себе, и в этом объятии было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, потому что он не говорил пустых слов, он просто был, как мост, как опора, как жизнь. Ясен встал рядом, и его нити, нити крови, потянулись к ней, как руки брата. Лада смотрела на степь, и в её глазах было что-то, что было похоже на предчувствие, а Зоран стукнул посохом о землю, и знаки на нём погасли.

— Он вернётся, — сказал старик, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Не сегодня, не завтра, но вернётся, и тогда будет не разговор, тогда будет бой, потому что он приведёт тех, кого мост уже поглотил, и они не будут помнить, что были людьми.

Мира повернулась, посмотрела на него, потом на Вельмира, на Ясена, на Ладу, и она видела их нити, золотые, живые, дрожащие, и она видела дерево, которое светилось ровно, несмотря на пепельный ветер, и она видела людей, которые выходили из домов и смотрели на неё, не со страхом, а с надеждой. И она поняла: она не одна, она не мост, она часть сети, и сеть выдержит.

— Тогда мы будем готовы, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Не к бою, а к разговору, к соединению, к тому, что будет после, потому что мост — это не конец, мост — это начало, и я не дам ему стать концом.

Вельмир повернул её к себе и посмотрел в глаза, его ладони легли на её щёки, тёплые, шершавые, живые, и он смотрел на неё так, как смотрят на рассвет после долгой ночи, так, как смотрят на чудо, которое не перестаёт быть чудом, даже когда становится привычным.

— Ты знаешь, что ты — самое удивительное, что со мной случилось? — спросил он, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Ты знаешь, что я каждый день благодарю богов за то, что ты не ушла? Что ты осталась? Что ты выбрала меня?

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что даже пепельный ветер, казалось, стал мягче.

— А ты знаешь, что без тебя я бы давно перестала быть собой? — ответила она. — Ты — мой якорь, ты — моя земля, ты — то, что держит меня, когда мост тянет меня в бездну, ты — моя жизнь, Вельмир, моя единственная жизнь.

Он наклонился и поцеловал её, сначала в лоб, нежно, как целуют ребёнка, потом в щеку, медленно, как целуют память, потом в губы, жарко, как целуют жизнь. И в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, чем они будут. Ясен смотрел на них, и в его глазах было что-то, что заставило Миру понять: он видит, не глазами, а сердцем, он видит, что такое мост, что такое любовь, что такое жизнь. Лада смотрела на них, и в её глазах были слёзы, не горькие, не печальные, а другие, те, что текут, когда видишь что-то, что было потеряно, что-то, что было найдено, что-то, что было всегда.

Дерево дрогнуло, и его свет стал ярче, не белым, не золотым, не алым, а голубым, чистым, живым, как небо перед рассветом, как вода в горном ручье, как первый вдох ребёнка. Люди, которые стояли на мостках, ахнули, тихо, благоговейно, как ахают, когда видят чудо, и в этом чуде было что-то, что заставило Миру понять: мост выдержит, потому что мост — это не она, мост — это они, все, вместе, всегда.

Пепельный ветер приносит в Костный Брод предчувствие беды. На границе деревни появляется Пепельный пастырь, один, без войска, с посохом из чёрного дерева и глазами, горящими тусклым зелёным огнём. Он говорит Мира, что видел тот же сон о голодном мосте, который поглощает всё, и предлагает ей выбор: либо она уходит из мира и мост умирает вместе с ней, либо он стирает её из памяти всех, кто её знает. Мира отказывается, заявляя, что она — не мост, а человек, и она сама выберет свою судьбу. Пепельный пастырь уходит, обещая вернуться не один, а с теми, кто уже был поглощён мостом, и его «забытые» следуют за ним. Мира понимает, что это не конец, а начало, и решает готовиться не к бою, а к разговору.

Эпизод 6: «Дочь, что видит суть вещей насквозь»

«Дитя — не продолжение тебя. Дитя — новое начало, что смотрит на мир твоими глазами, но видит больше. И горе тому, кто не услышит, что говорит дитя, ибо в его устах — голос самого рода.»

Ночь после ухода Пепельного пастыря легла на Костный Брод тяжёлым покрывалом, и даже вода в болоте, казалось, затаилась, прислушиваясь к чему-то, что шло из-за горизонта. Мира лежала на тюфяке из сухого мха, и сон не шёл к ней, только дремота, в которой явь мешалась с памятью, а память с предчувствием. Вельмир спал рядом, но его рука то и дело сжималась в кулак, и Мира знала: ему снится война, ему всегда снилась война, с тех пор как он был мальчиком и потерял сестру, а потом мать, а потом всё, что было до неё.

За стеной дома шумел ветер, принесённый с пепельной степи, и этот ветер пах не болотом, а гарью, как будто где-то горели кости мира. Заря спала в колыбели, сплетённой из ивовых прутьев, которую Мира сделала своими руками, когда была на четвёртом месяце, и девочке шёл уже второй год, но выглядела она на четыре, высокая, с тёмными волосами отца и серо-голубыми глазами матери, с кожей, которая светилась в темноте, как будто под ней горела маленькая свеча.

Мира встала, подошла к колыбели, и в этот момент Заря открыла глаза, но не так, как просыпаются дети, с плачем, с криком, с поиском материнской груди. Она открыла их спо-

койно, как открывают книгу, которую читали много раз, и в этих глазах, серо-голубых, как у Миры, но с золотыми искрами по краям радужки, было что-то, что заставило Миру замереть. Это был не детский взгляд, это был взгляд того, кто видел слишком много, взгляд того, кто знал, взгляд того, кто видел суть вещей насквозь, но в этом взгляде было ещё что-то, что-то детское, что-то наивное, что-то, что тянулось к матери, как тянется росток к солнцу.

— Мама, — сказала Заря вслух, и её голос был тонким, как писк птенца, и в этом голосе не было ни капли той древней мудрости, которая звучала в её мыслях. — Мама, я хочу молока, у меня в животе урчит, как будто там лягушка квакает, и я не могу уснуть, потому что лягушка не даёт мне спать.

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было столько нежности, что даже тревога, которая росла в её груди, отступила на мгновение. Она взяла дочь на руки, и Заря обняла её за шею, и в этом объятии не было ничего, кроме тепла, кроме детства, кроме жизни. Мира подогрела молоко, и Заря пила его из глиняной чашки, которую сделал старик-гончар, и молоко текло по её подбородку, и она смеялась, и в этом смехе было что-то, что заставило Миру понять: её дочь — не просто мост, не просто дар, не просто древняя душа в теле ребёнка, она — дитя, живое, тёплое, настоящее.

— Мама, — сказала Заря, когда допила молоко, и её глаза снова стали серьёзными, но в них всё ещё была детская наивность. — Я видела сон, там был мост, и он плакал, как маленький, потому что у него болел живот, но у него не было живота, и он не знал, где у него болит, и он тянулся ко всему, чтобы найти, где болит, но не находил, и тогда он начал тянуться сильнее, и ему стало ещё больнее, и он заплакал ещё сильнее.

Мира замерла, потому что она поняла, что Заря говорит не о себе, а о мосте, о том самом мосте, который она создала, и о котором Пепельный пастырь говорил с такой ненавистью и страхом. Она села на пол рядом с колыбелью и посмотрела на дочь, и в её глазах было что-то, что заставило Зарю замолчать, потому что дети чувствуют страх матери, даже если не понимают его.

— Расскажи мне, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Расскажи мне про мост, который плакал, потому что у него болел живот, и он не знал, где болит.

Заря нахмурилась, как будто вспоминала что-то, что было очень далеко, как будто сон уходил от неё, как уходит вода сквозь пальцы, и она пыталась удержать его, но он ускользал.

— Он не злой, — сказала Заря, и её голос был серьёзным, как у взрослой, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — Он голодный, как я, когда хочу молока, и он не знает, что есть, и он ест всё, потому что не знает границ, потому что его не научили. Мама, а почему его не научили? Разве можно не учить ребёнка, что можно есть, а что нельзя? Разве можно не учить ребёнка, что нельзя брать чужое?

Мира смотрела на дочь, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, но не за себя, а за Зарю, потому что она поняла, что её дочь видит мост как ребёнка, как дитя, которое не научили, и она поняла, что это правда, что мост — это дитя, её дитя, которое она создала, но не научила.

— Ты права, — сказала Мира, и её голос дрогнул. — Мы не научили его, мы просто создали, и теперь он не знает, что делать, и он тянется ко всему, потому что не знает, что можно, а что нельзя.

Заря посмотрела на неё, и в её глазах было что-то, что заставило Миру понять: её дочь видит то, чего не видит она, видит суть вещей, видит мост не как чудовище, а как дитя, которое плачет, потому что ему больно, и никто не помогает.

— Мама, — сказала Заря, и её голос был твёрдым, но в этом голосе всё ещё была детская наивность. — Мы должны его научить, но не словами, потому что он не понимает слов, а дыханием, потому что он понимает дыхание. Мы должны его научить, но не одной, потому

что одной нельзя научить ребёнка, потому что ребёнок учится у всех, у мамы, у папы, у всех, кто его любит.

Мира смотрела на дочь, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, и на надежду, и на что-то среднее между ними, потому что она поняла, что Заря права, что мост нужно не убивать, а учить, но она также поняла, что Заря — не просто ребёнок, который видит суть вещей, она — нечто большее, она — мост, который видит мост, она — дитя, которое видит дитя, и это пугало больше, чем радовало.

Заря потянулась к ней, и её маленькие пальцы коснулись оберега на груди Миры, того самого камня с янтарной прожилкой, который бабушка оставила ей вместе с пергаментом, и в этом прикосновении было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё сдвинулось, как будто камень, который долго лежал на одном месте, наконец тронулся с места.

— Мама, — сказала Заря, и её голос был тихим, почти шёпотом. — Я хочу спать, но лягушка в животе всё ещё квакает, и она не даёт мне спать, потому что она тоже хочет молока, но у неё нет рта, и она не может пить, и она плачет.

Мира рассмеялась, и в этом смехе было столько нежности, что даже страх, который рос в её груди, отступил, потому что она поняла, что её дочь — это не только мост, не только дар, не только древняя душа, это ребёнок, живой, тёплый, настоящий, который хочет молока, который смеётся, который плачет, который видит сны, и это было самое главное, самое важное, самое живое.

Она уложила Зарю обратно в колыбель и села рядом, и Заря взяла её за палец, и в этом прикосновении было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё расслабляется, что-то, что она держала слишком долго, что-то, что она боялась отпустить.

— Мама, — сказала Заря, и её голос был сонным, как у ребёнка, который борется со сном и проигрывает. — Я не хочу быть мостом, я хочу быть девочкой, я хочу играть с детьми, я хочу бегать по мосткам, я хочу смеяться, я хочу жить, как все, как ты, как папа, как все, потому что мост — это не игра, мост — это работа, а я ещё маленькая, я не хочу работать, я хочу спать, и есть молоко, и смеяться.

Мира смотрела на дочь, и в её глазах были слёзы, не горькие, не печальные, а другие, те, что текут, когда слышишь что-то, что было потеряно, что-то, что было найдено, что-то, что было всегда. Она наклонилась и поцеловала Зарю в лоб, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что она пережила, всё, что она построила.

— Ты будешь жить, — прошептала Мира, и её голос дрогнул. — Ты будешь играть, ты будешь бегать, ты будешь смеяться, ты будешь жить, как все, потому что ты — не только мост, ты — девочка, ты — дитя, ты — жизнь.

Заря улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило Миру понять: её дочь — не просто мост, не просто дар, не просто древняя душа, она — нечто большее, нечто такое, что пугало больше, чем радовало, потому что она видела суть вещей насквозь, и эта суть была не только светлой, но и тёмной, не только доброй, но и опасной, и Мира поняла, что должна защитить свою дочь не только от моста, но и от самого моста, который жил в ней.

Вельмир проснулся и сел на тюфяке, его глаза были мутными от сна, но руки уже тянулись к мечу, привычка, от которой он не мог избавиться даже в мирные дни. Он посмотрел на Миру, на её мокрые от слёз щёки, на её улыбку, и в его глазах мелькнуло что-то, не страх, не тревога, а что-то другое, что-то, что было глубже слов.

— Что случилось? — спросил он, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал.

— Заря говорила, — ответила Мира, и её голос был твёрдым. — Не словами, а сном, но я поняла, потому что она показала мне, что мост — не враг, мост — дитя, которое не научили, и мы должны его научить, но не убить, не остановить, а научить границам, различиям, тому, что

не всё должно быть соединено, тому, что некоторые нити должны оставаться разорванными, тому, что некоторые мосты смертельны.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее, потому что он не спрашивал, он просто кивнул, медленно, тяжело, но кивнул, и в этом кивке было что-то, что было глубже доверия, глубже любви, глубже всего.

— Тогда научим, — сказал он, и его голос был спокойным. — Вместе, как всегда, потому что мы не можем иначе.

Мира улыбнулась и взяла его за руку, большую, шершавую, живую, и она посмотрела на Зарю, которая спала в колыбели, на её маленькую руку с родимым пятном в форме спирали, на её лицо, которое светилось в темноте, как маленькая луна. И она поняла: мост — это не она, мост — это не Вельмир, мост — это не Заря, мост — это все они, вместе, как сеть, как род, как жизнь, и тогда мост не сможет поглотить, потому что он будет не один, он будет — они, все, всегда, но в этом знании было что-то, что пугало больше, чем радовало, потому что Мира поняла, что её дочь — не просто мост, а нечто большее, нечто такое, что может спасти мир, а может его разрушить, и это знание было тяжелее любого камня.

Вельмир притянул её к себе, и его руки обвились её талию, тёплые, сильные, живые, и он прижался губами к её виску, и его дыхание было тёплым, как пар над остывающей водой. Мира закрыла глаза и позволила себе раствориться в этом прикосновении, не как мост, не как жрица, не как наследница, а как женщина, как жена, как любимая, и в этом растворении было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты знаешь, что ты — моё чудо? — прошептал он ей в волосы, и его голос дрожал. — Ты знаешь, что я каждый день смотрю на тебя и не могу поверить, что ты выбрала меня? Что ты осталась? Что ты не ушла?

— А ты знаешь, что ты — моя земля? — ответила Мира, и её голос был тёплым, как первый луч солнца. — Ты — то, что держит меня, когда мост тянет меня в бездну, ты — моё дыхание, моя жизнь, моё всё.

Он поцеловал её, долго, нежно, глубоко, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, что они будут. Мира ответила, и её руки обвились его шею, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко, как у человека, который нашёл своё место в мире, как у человека, который нашёл свою жизнь, как у человека, который нашёл свою любовь.

Ночью Мира не может уснуть, и Заря, которой ещё нет двух лет, вступает с ней в телепатический контакт, но остаётся ребёнком, который хочет молока, смеётся и говорит о лягушке в животе. Заря показывает матери через сон, что мост — не злой и не враждебный, а голодный и неразумный, как ребёнок, который не знает границ, и что его нужно не убивать и не останавливать, а учить. Мира понимает, что её дочь — не просто ребёнок с даром, а новый мост, который видит суть вещей глубже, чем она сама, и это пугает её больше, чем радует. Вельмир просыпается, и Мира рассказывает ему о том, что узнала. Он не спрашивает, как и когда, он просто кивает и говорит: «Тогда научим. Вместе. Как всегда». Мира осознаёт, что мост — это не она одна, а все они вместе, но также понимает, что её дочь — нечто большее, чем просто мост.

Эпизод 7: «Рассвет, что окрасил небо в цвет надежды»

«Рассвет не спрашивает, готов ли ты к нему. Он просто приходит — и красит мир в те цвета, которые ты сам выбрал вчера. Выбери сегодня правильный цвет, ибо завтра может быть поздно.»

Рассвет пришёл в Костный Брод тихо и осторожно, как хозяйка, что не хочет будить детей слишком рано, и небо на востоке наливалось сначала бледно-розовым, потом золотым, потом голубым, чистым и высоким, как глаза ребёнка, который впервые видит мир. Мира стояла на мостках, держа за руку Зарю, и в её груди росло что-то, что было похоже на боль, не острую, не

режущую, а тянущую, глубокую, как корень, который вырывают из родной земли. Она уходила, впервые за долгое время уходила по-настоящему, не в соседнюю деревню, не к озеру, не в лес, а туда, откуда можно не вернуться.

Заря не плакала, она стояла рядом, маленькая и прямая, в своей холщовой рубашонке, подпоясанной красным шнурком, и смотрела на мать серьёзными глазами, серо-голубыми, с золотыми искрами по краям радужки. На её шее висел маленький оберег, кусочек янтаря, оправленный в серебро, который Вельмир выменял у восточного купца три зимы назад, и Заря никогда его не снимала. Мира смотрела на дочь и понимала, что этот оберег — не просто украшение, это память, это связь, это мост между ними, который не разорвётся, даже когда они будут далеко друг от друга.

— Ты вернёшься, — сказала Заря, и это был не вопрос, а утверждение, произнесённое с той спокойной уверенностью, которая приходит к ребёнку, который знает, что его любят.

— Вернусь, — ответила Мира, и голос её дрогнул, как тростник на ветру, потому что она не хотела лгать дочери, но и не хотела обещать того, что может не сбыться.

— Не обещай, — сказала Заря, и в её голосе была серьёзность, которая не соответствовала возрасту, потому что она уже понимала больше, чем должна была понимать. — Сделай, потому что обещания — это ветер, а дела — это мост, и я хочу, чтобы ты построила мост, а не наговорила ветра.

Мира опустила на колени, обняла дочь, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем любовь, больше, чем жизнь, больше, чем всё. Она чувствовала, как маленькое сердце Зари бьётся ровно и живо, как её нити, золотые, яркие, переплетаются с нитями Миры, как её дыхание смешивается с дыханием мира, и в этом единстве было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

Вельмир вышел из дома, неся на плече холщовую сумку, в которой лежали лепёшки, вяленое мясо, фляга с водой и маленький кремёнок для огня, и он был одет по-походному, в рубаху из грубого полотна, подпоясанную кожаным ремнём с медной бляхой. За спиной у него был меч в потёртых ножнах, на поясе висел короткий кинжал, и он не взял ни лука, ни копья, ни щита, только меч и кинжал, потому что знал: в земли за пределом оружие не поможет, поможет только то, что внутри.

Заря подошла к отцу, взяла его за руку, тёплую, живую, и посмотрела на него снизу вверх, и Вельмир наклонился, поцеловал её в лоб, и в этом поцелуе было что-то, что заставило сердце Миры сжаться, потому что это была не нежность воина, а нежность отца, и ещё что-то, что-то, что было глубже слов, что-то, что было похоже на страх, не за себя, а за неё, за них, за всех.

— Ты — мост, — сказала Заря, и её голос был твёрдым, как кремёнок. — Как мама, как я, как все, ты идёшь, ты вернёшься, ты держишь, потому что мост не может иначе.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах, глазах человека, который видел смерть так часто, что перестал её бояться, было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее, и это была не гордость, не радость, а что-то другое, что-то, что было похоже на покой.

— Держу, — сказал он, и его голос был твёрдым, как кремёнок. — Всегда, потому что иначе я не умею.

Старейшина Костного Брода вышел на мостки, опираясь на клюку из кривого дуба, и его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева, но глаза были живыми и ясными, как у человека, который видел слишком много, но не потерял себя. Рядом с ним стояла Мать Вельмира, худая, прямая, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу, и глазами, которые больше не горели зелёным огнём, и она смотрела на сына, и в этом взгляде было что-то, что заставило Миру понять: она простила, не забыла, не оправдала, но простила, и это было больше, чем она могла просить.

— Мы будем ждать, — сказал старейшина, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Дерево будет цвести, дети будут расти, песни будут петься, и мы будем ждать столько, сколько нужно, и даже больше, потому что мост не может иначе.

Мать Вельмира подошла к сыну, коснулась его щеки бледными, сухими пальцами, которые помнили кровь и молитвы, и в этом прикосновении было что-то, что заставило сердце Миры сжаться, потому что это была не просьба, не мольба, а что-то другое, что-то, что было глубже слов.

— Иди, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Я дождусь, не сомневайся, я дождусь тебя, как ждала всегда, как буду ждать вечно, потому что мать не может иначе.

Вельмир кивнул, медленно, тяжело, и он не сказал ни слова, он просто посмотрел на мать, потом на Зарю, потом на Миру, и в этом взгляде было всё: любовь, благодарность, обещание, всё, что он не умел сказать словами, всё, что он говорил делами, всё, что он говорил сердцем. Ясен и Лада уже ждали у края деревни, и Ясен стоял, опираясь на лук, и его длинная коса цвета спелой пшеницы развевалась на утреннем ветру, как степной ковыль. Лада держалась за его руку, и её пепельные косы были заплетены в одну длинную косу, перекинутую через плечо, и они не разговаривали, они просто ждали, потому что знали: мост не спрашивает, кто идёт.

Зоран стоял чуть поодаль, опираясь на посох, и его белые, как молоко, глаза смотрели не на людей, а на нити, тонкие, золотые, живые, которые тянулись от каждого к каждому, от всех к дереву, от дерева к небу. Он видел то, чего не видели другие, он знал то, чего не знали другие, он помнил то, чего не помнили другие, и в его глазах, белых, мудрых, вечных, было что-то, что заставило Миру понять: он тоже мост, не такой, как она, другой, свой, но мост.

Мира взяла Вельмира за руку, и они пошли, не оборачиваясь, потому что если бы обернулись, то не смогли бы уйти. Они шли через деревню, и люди выходили из домов и смотрели им вслед, не с тревогой, не с печалью, а с чем-то другим, с верой, с надеждой, с любовью, и дети махали руками, женщины кланялись, старики поднимали посохи, и в этом прощании было что-то, что было больше, чем прощание, это было благословение, это было принятие, это было начало.

Лес начался сразу за деревней, не тот редкий перелесок, который окружал Костный Брод, а настоящий, древний, густой лес, в котором деревья стояли так плотно, что их кроны смыкались над головой, как свод храма. Мира шла первой, не потому что вела, а потому что чувствовала нити, тонкие, золотые, живые, которые тянулись от неё вперёд, вглубь, в неизвестность, и Вельмир шёл рядом, на полшага позже, и его молчание было не тяжёлым, а тёплым, как одеяло, как объятие, как присутствие человека, которому доверяешь больше, чем себе.

К вечеру они остановились на небольшом островке, сухом и поросшем мягкой травой, и Вельмир развёл костёр, и огонь был маленьким, но тёплым, и в его свете лицо Вельмира казалось мягче, моложе, как будто камень, из которого он был сделан, начал плавиться. Мира сидела рядом, близко, так, что их плечи соприкасались, и чувствовала его тепло, его силу, его жизнь, и она смотрела на огонь, на звёзды, на воду, на всё, и в этом взгляде было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты боишься? — спросил Вельмир, и его голос был тихим, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько нежности, что Мира почувствовала, как что-то внутри неё сжимается от любви.

— Боюсь, — ответила Мира, и голос её был честным, потому что она не хотела лгать ему, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Боюсь, что не справлюсь, боюсь, что мост поглотит меня, боюсь, что ты останешься один, с Зарёй, с деревней, со всем, без меня.

Вельмир молчал, и его рука легла на её руку, тяжёлая, тёплая, живая, и он не говорил, что всё будет хорошо, он не говорил, что она справится, он не говорил, что бояться нечего, он просто держал её за руку, и в этом держании было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем обещания, больше, чем всё.

— Я тоже боюсь, — сказал он наконец, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Боюсь потерять тебя, боюсь, что мост заберёт тебя, боюсь, что ты станешь им, не человеком, не мостом, ничем, боюсь, что останусь один, с Зарёй, с деревней, со всем, без тебя.

Мира посмотрела на него, и в её глазах, серо-голубых, с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, и это была не жалость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на любовь.

— Тогда не будем бояться вместе, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Будем бояться по отдельности и держаться друг за друга, чтобы никто не упал, чтобы никто не исчез, чтобы никто не стал мостом, чтобы все остались собой.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, и это была не надежда, не вера, а что-то другое, что-то, что было похоже на вечность.

— Ты — самое невероятное, что случилось со мной, — сказал он, и его голос дрогнул. — Ты знаешь это? Ты — самое невозможное, самое живое, самое моё.

— А ты — моё дыхание, — ответила Мира, и её голос был тёплым, как первый луч солнца. — Без тебя я бы давно перестала дышать, без тебя я бы стала мостом, без тебя я бы исчезла, ты держишь меня, каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, ты — мой якорь, моя земля, моя жизнь.

Он наклонился и поцеловал её, сначала в лоб, нежно, как целуют ребёнка, потом в щёку, медленно, как целуют память, потом в губы, жарко, как целуют жизнь, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, чем они будут. Ясен и Лада сидели поодаль, у другого костра, и их нити, золотые, переплетённые, тянулись друг к другу, как две реки, которые нашли своё русло, и они не говорили, они просто были, как мост, как сеть, как жизнь.

Зоран сидел у камня, и его белые глаза смотрели на звёзды, и он видел то, чего не видели другие, он знал то, чего не знали другие, и в его глазах, белых, мудрых, вечных, было что-то, что заставило Миру понять: он тоже мост, не такой, как она, другой, свой, но мост. Ночью Мира не спала, она сидела у костра, смотрела на огонь, на звёзды, на воду, и в этом взгляде было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, и она думала о Заре, о её глазах, о её улыбке, о её словах, «не обещай, сделай», и она знала: она сделает, она вернётся, она не станет мостом, она останется собой, потому что её ждут, потому что её любят, потому что она — мост, а мост не растворяется, мост стоит, мост держит, мост соединяет, мост живёт.

Вельмир подошёл и сел рядом, и он не говорил, он просто был, как мост, как опора, как жизнь, и в этом присутствии было что-то, что было больше, чем близость, больше, чем слова, что-то, что было похоже на дом.

— Спи, — сказал он. — Я посторожу, потому что иначе я не умею.

Мира закрыла глаза, и сон пришёл к ней мягко, как одеяло, наброшенное заботливой рукой, и она спала, и ей снились сны, не вещие, не страшные, а тёплые, как руки матери, ей снилось, что она стоит на мосту, и мост не рушится, ей снилось, что она держит за руки Вельмира и Зарю, и они идут вместе, ей снилось, что дерево цветёт, и его лепестки падают на воду и не гаснут, ей снилось, что мир жив, и в этом сне было что-то, что было больше, чем сон, больше, чем явь, больше, чем всё.

А над степью занимался рассвет, не пепельный, а новый, сотканный из голубого и золотого света, который ложился на траву и камни, как обещание, как надежда, как сама жизнь, и где-то далеко, за горизонтом, за краем мира, мальчик с востока шёл к ним, он не помнил своего имени, не помнил, откуда пришёл, но он знал: его ждут, и он шёл, потому что мост звал, не словами, светом, памятью, жизнью, и он шёл, шаг за шагом, вдох за вдохом, жизнь за жизнью, к мосту, к ним, к себе.

И тогда Мира почувствовала это. Не нить. Не свет. Что-то другое. Что-то, что шло из-за края мира. Из-за горизонта, где небо сходится с землёй. Из-за того места, где заканчивается всё, что она знала. Это был зов. Тонкий, едва уловимый, как нить паутины, которую колеблет ветер. Но настойчивый. Как зов матери, которая ищет ребёнка. Как зов земли, которая ждёт дождя. Как зов жизни, которая не хочет умирать. И в этом зове не было угрозы. Не было голода. Не было пустоты. Было что-то другое. Что-то, что было похоже на вопрос. На просьбу. На надежду.

Мира открыла глаза и посмотрела на восток. Там, за степью, за горами, за лесами, что-то было. Что-то, что знало о ней. Что-то, что хотело её. Что-то, что ждало. И она поняла: это не Пепельный пастырь. Это кто-то другой. Кто-то, кого она не знает. Но кто знает её. Кто-то, кто слышал о мосте. Кто-то, кто идёт к ней. Не за мостом. За чем-то другим. За чем-то, что она ещё не понимала.

Вельмир проснулся и посмотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что он тоже чувствовал это, он тоже слышал этот зов, и он не спрашивал, что это, он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было всё: вопрос, тревога, готовность, любовь.

— Ты чувствуешь? — спросил он, и его голос был тихим, почти шёпотом.

— Чувствую, — ответила Мира, и её голос был твёрдым. — Что-то идёт. Не из-за горизонта. Из глубины. Из-под земли. Из-под воды. Из-под камня. Из корней. Кто-то зовёт. Не меня. Тебя. Зарю. Всех. Кто-то, кого мы не знаем. Но кто знает нас.

Ясен подошёл к ним, и его длинная коса цвета спелой пшеницы развевалась на утреннем ветру, и в его серо-голубых глазах было что-то, что заставило Миру понять: он тоже чувствует это, он тоже слышит этот зов, и он знает больше, чем говорит.

— Я тоже чувствую, — сказал Ясен, и его голос был глубоким, как степной ветер. — Кто-то идёт. С востока. Не один. Много. Они не враги. Но они не друзья. Они ищут. Не мост. Что-то другое. Что-то, что мост может дать. Что-то, что мост может отнять.

Лада подошла следом, и её пепельные косы были заплетены в одну длинную косу, перекинутую через плечо, и в её янтарных глазах было что-то, что заставило Миру понять: она видит то, чего не видят другие, она видит нити, которые тянутся за горизонт, и эти нити не были нитями моста, они были нитями чего-то нового, чего-то, что ещё не случилось, но должно было случиться.

— Я вижу нити, — сказала Лада, и её голос был тихим, но твёрдым. — Они тянутся за горизонт. Далеко. Очень. Там кто-то есть. Они ждут. Они боятся. Они не знают, что мост уже идёт. Они не знают, что мы уже идём. Они просто ждут. И они зовут. Не словами. Сердцем. Душой. Жизнью.

Зоран подошёл последним, опираясь на посох, и его белые, как молоко, глаза смотрели не на людей, а на нити, которые дрожали в воздухе, как паутина перед грозой, и он молчал, и в этом молчании было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем предупреждение, больше, чем всё.

— Это начало, — сказал он наконец, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Не конца. Начала. Мост не заканчивается. Мост продолжается. В них. В нас. Во всех. И тот, кто зовёт, — часть моста. Часть нас. Часть жизни. Мы должны идти. Не к ним. От них. Потому что мост не идёт к берегу. Мост идёт от берега. К берегу. Всегда.

Мира посмотрела на дерево, которое осталось позади, в Костном Броде, и она увидела его даже сквозь лес, сквозь расстояние, сквозь ночь, потому что нити, которые тянулись от неё к дереву, были живыми, и в этих нитях было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее. И тогда она увидела это. На дереве, на самой верхней ветке, которая тянулась к небу, распустился новый цветок. Не белый, не голубой, не алый. Другой. Он был огненным. Оранжевым.

Золотым. Как маленькое солнце. Как первый луч. Как начало. И никто не знал, что это значит. Но это был знак. Это было начало чего-то нового.

Вельмир подошёл к ней и взял её за руку, и его пальцы были горячими, шершавыми, живыми, и он смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не тревога, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на решимость.

— Я хочу научиться разрушать мосты, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Не для того, чтобы использовать. Для того, чтобы понять. Потому что я — тень моста. И я должен знать, как разорвать то, что ты создала. Чтобы защитить. Чтобы сохранить. Чтобы не потерять.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, и на надежду, и на что-то среднее между ними, потому что она поняла, что он прав, что он должен знать, как разрушать, чтобы защитить, и это было тяжело, но это было честно.

— Тогда научись, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Но не для того, чтобы разрушать. Для того, чтобы держать. Потому что мост — это не только соединять. Мост — это ещё и разъединять. И ты — тот, кто может это сделать. Ты — моя тень. Но тень — не всегда зло. Иногда тень — это то, что держит свет.

Ясен шагнул вперёд, и его длинная коса качнулась за спиной, и он посмотрел на Миру, потом на Вельмира, потом на Ладу, и в его глазах было что-то, что заставило Миру понять: он уже принял решение, он уже знает, что будет делать.

— Мы пойдём на восток, — сказал он, и его голос был глубоким, как степной ветер. — Я и Лада. Мы пойдём искать других. Тех, кто может стать мостом. Тех, кто уже стал мостом. Тех, кто ещё не знает, что он мост. Мы найдём их. И приведём. К тебе. К дереву. К мосту.

Лада подошла и встала рядом с ним, и её пепельные косы качнулись, когда она кивнула, и в её янтарных глазах было что-то, что заставило Миру понять: она тоже приняла решение, она тоже знает, что будет делать, и она не боится, потому что она видит нити, и эти нити ведут её вперёд.

— Мы найдём их, — сказала Лада, и её голос был тихим, но твёрдым. — Тех, кто может стать мостом. Тех, кто уже стал мостом. Тех, кто ещё не знает, что он мост. Мы найдём их. И приведём. К тебе. К дереву. К мосту. Потому что мост — это не один. Мост — это все. Вместе. Всегда.

Мира смотрела на них, на Ясена, на Ладу, на Вельмира, на Зорана, и в её груди росло что-то, что было похоже на слёзы, но не было ими, что-то, что было похоже на смех, но не было им, что-то, что было похоже на жизнь. Она стояла на пороге чего-то нового и не знала, что будет дальше, и это было честно, и это было интересно, и это было начало.

— Тогда идём, — сказала она, и её голос был твёрдым, как камень. — Дальше. Вместе. Как мост. Как жизнь. Как всё.

— Вместе, — повторили все, хором. И в этом слове было что-то, что было глубже слов. Глубже клятв. Глубже всего. Это был мост. Мост, который звал. Всегда.

На рассвете Мира и Вельмир покидают Костный Брод, оставив Зарю на попечение старейшины, Матери Вельмира и дерева. Прощание с дочерью полно тихой боли и глубокой связи. Ясен и Лада присоединяются к ним у края деревни. Они входят в древний лес, который меняется с каждым шагом, становясь старше и мудрее. Вельмир признаётся, что теперь тоже чувствует всё благодаря Мире. Ночью у костра Мира и Вельмир говорят о своих страхах и поддерживают друг друга. Мира получает зов из-за горизонта — не от Пепельного пастыря, а от кого-то другого, кого она не знает, но кто знает её. Вельмир решает научиться разрушать мосты, чтобы понять их природу и защитить Миру. Ясен и Лада решают отправиться на восток, чтобы искать других, кто может стать мостом. На дереве в Костном

Броде распускается новый цветок — огненный, оранжевый, золотой, как маленькое солнце. Никто не знает, что это значит, но это знак начала чего-то нового.

ГЛАВА 2: «ДОЧЬ ЗАРЯ»

«Дитя — не продолжение тебя, а новое начало, которое смотрит на мир твоими глазами, но видит больше; и когда оно говорит — слушай сердцем, ибо в его словах не только мудрость, но и будущее.»

Эпизод 1: «Пробуждение дара в тишине рассвета»

«Дар не приходит с громом и молнией. Дар приходит тихо, как роса на траве, как первый луч на воде, как дыхание ребёнка во сне. Но иногда дар приносит не только свет, но и тень, и тот, кто не готов принять тень, теряет свет.»

Прошло семь недель с того утра, когда Пепельный ветер ушёл в степь, унося с собой запах гари и предчувствие беды. Семь недель — это сорок девять дней, и Мира не считала их по зарубкам на берёзовой дощечке. Она просто жила, но каждый день просыпалась с тревогой, потому что чувствовала, как что-то растёт в её дочери, что-то большое и непонятное. Дерево в центре деревни тоже росло, его ствол становился толще, крона шире, а плоды светились так ярко, что их было видно с другого берега болота. Люди приходили к дереву каждое утро, чтобы постоять рядом, подышать, почувствовать тепло, которое оно излучало.

Мира сидела на мостках, скрестив ноги, и Заря сидела напротив неё, маленькая, сосредоточенная, с ладонями, сложенными на коленях, как у взрослой. Они дышали вместе, медленно, ровно, живо, и Мира учила дочь чувствовать воду, огонь и землю через нити, которые тянулись от всего живого. Заря схватывала быстрее, чем Мира могла себе представить, и её нити были ярче и сильнее, чем нити любого взрослого в деревне. Но в это утро что-то было не так. Оберег на груди Миры пульсировал тревожно, и она чувствовала, как нити дочери дрожат, как они тянутся не только к свету, но и к чему-то тёмному.

— Мама, — сказала Заря, и её голос был не по-детски глубоким, но в нём всё ещё была детская наивность. — Я сделала что-то плохое. Я не хотела, но оно само получилось.

Мира открыла глаза и посмотрела на дочь, и в её серо-голубых глазах с золотыми искрами было что-то, что заставило сердце Миры сжаться. Она взяла Зарю за руку, и её пальцы были холодными, как лёд, хотя утро было тёплым.

— Что случилось? — спросила Мира, и голос её был тихим, но твёрдым. — Расскажи мне всё, ничего не скрывая.

Заря вздохнула и посмотрела на воду, а потом заговорила, и её слова падали в тишину, как камни в воду.

— Ночью ко мне пришёл дедушка Ратибор, он плакал во сне, я слышала, и я хотела ему помочь. Я видела его нити, они были спутаны, и там была ещё одна нить, серая, мёртвая, она тянулась к нему из Нави. Я хотела её убрать, но я не умею убирать, я умею только соединять, и я соединила его нить с той серой нитью, и теперь он не Ратибор, он кто-то другой, он кричит, он бьётся, он хочет убивать.

Мира почувствовала, как холод пробежал по её спине, потому что она поняла, что её дочь, сама того не желая, соединила живого человека с памятью мёртвого, и это создало нечто опасное. Она встала и побежала к дому Ратибора, и Заря побежала за ней, и слёзы текли по её щекам, потому что она боялась, что сделала что-то непоправимое. Вельмир уже был там, он удерживал старика, который бился в его руках, и глаза Ратибора были пустыми, как у мертвеца, и он говорил чужим голосом, голосом воина, который умер много лет назад, и чья память теперь жила в нём.

— Он не помнит себя, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, но в нём слышалась тревога. — Он помнит только войну, только кровь, только смерть, и он хочет убивать, потому что не знает ничего другого.

Мира подошла к старику и попыталась распутать нити, но они были спутаны так сильно, что она не могла найти конец. Она видела, как серая нить, нить мёртвого воина, обвила нить Ратибора, и как она питается его жизнью, его памятью, его душой. Мира поняла, что дар Зари — это не просто способность пробуждать ремёсла и таланты, это способность соединять то, что не должно быть соединено, и это было опасно, потому что мост, который создавала Заря, не знал границ, потому что его не научили.

Заря стояла рядом и плакала, и её маленькие руки дрожали, и она говорила, что не хотела, что она просто хотела помочь, что она не знала, что так получится. Мира обняла дочь и прижала её к себе, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем страх, больше, чем боль, больше, чем всё, потому что это была любовь, которая не знала границ, но должна была их найти.

Вельмир подошёл к ним и положил руку на плечо Миры, и его пальцы были горячими, шершавыми, живыми, и он смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты не виновата, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — Она не виновата. Никто не виноват. Но мы должны что-то сделать, потому что иначе он умрёт, и не только он.

Мира посмотрела на него, и в её глазах были слёзы, но она не плакала, потому что не могла, потому что должна была быть сильной, потому что она была мостом, а мост не плачет, мост стоит, мост держит, мост ведёт, мост зовёт. Она взяла себя в руки и задышала, медленно, ровно, живо, и потянулась к нитям, которые тянулись от неё ко всему живому, и она нашла нить Ратибора, и она увидела, как серая нить мёртвого воина обвила её, и она поняла, что должна разорвать эту связь, но не знала, как это сделать, потому что её сила была в соединении, а не в разъединении.

— Я не могу, — прошептала она, и голос её дрогнул. — Я не умею разрывать, я умею только соединять, и это моя вина, потому что я не научила её границам, потому что я сама не знаю границ.

Вельмир сжал её плечо, и его рука была твёрдой, как камень, но тёплой, как жизнь, и он сказал:

— Тогда научимся вместе. Я тоже не умею, но я научусь. Потому что я — тень моста, и я должен уметь разрывать то, что ты соединяешь. Чтобы защитить. Чтобы сохранить. Чтобы не потерять.

Мира посмотрела на него, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее. Она кивнула и сказала:

— Тогда начнём сейчас, потому что иначе будет поздно, и Ратибор умрёт, и мы потеряем его навсегда.

Они работали вместе до полудня, и Мира учила Вельмира видеть нити, а Вельмир учился их разрывать, и это было тяжело, потому что разрывать — это не соединять, это больно, это страшно, это одиноко. Но они справились, и когда серая нить мёртвого воина порвалась, Ратибор вздрогнул и открыл глаза, и в них снова был он, старый гончар, который помнил свою жену, своих детей, свою жизнь. Он ничего не помнил о том, что было, и это было милосердием, потому что память о том, как ты был одержим чужой смертью, могла бы его сломать.

Заря подошла к нему и взяла его за руку, и в её глазах были слёзы, но она улыбалась, потому что он был жив, потому что он был собой, потому что она не потеряла его навсегда. Мира смотрела на дочь и понимала, что её дар — это не благословение, это испытание, и это пугало её больше, чем радовало, потому что она видела, как нити дочери тянутся не только к свету, но и к тьме, и она не знала, сможет ли научить её различать.

Вечером, когда все разошлись, Мира и Вельмир остались вдвоём у дерева, и они сидели на корне, и Мира положила голову на плечо Вельмира, и он обнял её, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем усталость, больше, чем страх, больше, чем всё.

— Ты знаешь, что ты — моё чудо? — спросила Мира, и голос её был тёплым, как первый луч солнца.

— Знаю, — ответил Вельмир, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я тоже. Всегда.

Он поцеловал её в лоб, нежно, как целуют ребёнка, и в этом поцелуе было всё: благодарность, любовь, надежда. Мира закрыла глаза и почувствовала, как что-то внутри неё расслабляется, что-то, что она держала слишком долго.

— Дар Зари — это не благословение, — сказала она, и голос её был тихим, но твёрдым. — Это испытание, и я боюсь, что не справлюсь, потому что я сама не знаю границ.

Вельмир сжал её руку и сказал:

— Мы справимся вместе, потому что мы — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и он не падает, если мы держимся друг за друга.

Мира улыбнулась и прижалась к нему, и в этом прикосновении было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем прикосновения, больше, чем всё, потому что это был мост, который они построили вместе, мост, который стоял, звал, вёл, держал.

Мира обнаруживает, что дар Зари может быть опасен: Заря случайно соединяет живого человека с памятью мёртвого воина, создавая одержимость. Мира пытается распутать нити, но не может, потому что её сила — соединять, а не разрывать. Вельмир помогает ей, и они вместе разрывают связь, спасая Ратибора. Мира понимает, что дар Зари — не благословение, а испытание, и это пугает её больше, чем радует. Вечером они с Вельмиром обсуждают случившееся, и Мира признаётся, что боится не справиться. Вельмир поддерживает её, и они решают учиться вместе.

Эпизод 2: «Руки, что вспомнили огонь и глину»

«Ремесло — это не просто умение. Ремесло — это память тела. И когда тело вспоминает, душа возвращается домой. А дом — это мост между тем, кем ты был, и тем, кем ты станешь.»

На восьмой день после разговора у дерева Заря проснулась раньше петухов и раньше матери, и Мира почувствовала это сквозь сон, не тревогу, не зов, а тихое движение рядом, как будто кто-то маленький и тёплый выбрался из колыбели и пошёл к двери. Она открыла глаза и увидела, как Заря стоит на пороге, босая, в одной рубашонке, и смотрит на восток, где небо только начинало светлеть, и в этом свете дерево казалось не белым, а розовым, как будто кто-то прошёл по его ветвям с кистью, полной утренней зари.

— Ты куда собралась так рано, доченька? — спросила Мира, и голос её был хриплым от сна, но в этом голосе была нежность, которая не требовала ответа.

— К дедушке Ратибору, — ответила Заря, не оборачиваясь, и её тонкий голосок звенел, как колокольчик, который зовёт всех просыпаться. — Он плачет во сне, я слышу, он потерял что-то давно, очень давно, и не может найти, и я хочу помочь ему найти.

Мира села на тюфяке, и Вельмир спал рядом, его рука тяжело лежала на её талии, и она не стала будить его, потому что знала: он устал, он всю ночь ходил по деревне, проверяя, всё ли спокойно. Она просто встала, накинула накидку и пошла за дочерью, и Заря шла через деревню уверенно, как будто знала каждую доску на мостках, каждый поворот тропы, каждую тень под деревом. Она остановилась у дома Ратибора, того самого дома, где жил старик, потерявший память о своей семье много лет назад, и он сидел на завалинке, сторбленный, с лицом, изрезанным морщинами, и в его глазах была та особая пустота, которая приходит к тем, кто забыл слишком много.

Заря подошла к нему и не касалась его, пока не касалась, она просто стояла рядом, дышала медленно, ровно, живо, вдох вода, выдох огонь, и старик начал дышать вместе с ней, не сразу, но начал, и с каждым вдохом что-то в нём менялось, не внешне, а внутренне, как будто кто-то развязывал узел за узлом, нить за нитью, жизнь за жизнью. Мира стояла поодаль и смотрела на нити, которые тянулись от Зари к старику, и эти нити были не такими, как обычно,

они были ярче, они были глубже, они были живыми, и в этих нитях было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее, потому что она увидела, как нить Зари тянется не только к памяти старика, но и к чему-то другому, к чему-то тёмному, что спало глубоко в его душе.

— Ты помнишь, — сказала Заря, и её голос был не по-детски глубоким, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — Свои руки, они помнят глину, они помнят круг, они помнят огонь, ты был гончаром, до всего, до хвори, до боли, до смерти, ты был гончаром, и ты можешь быть им снова, если захочешь.

Старик посмотрел на свои руки, сухие, покрытые трещинами, серые от хвори, и он смотрел на них долго, как будто видел впервые, и потом что-то дрогнуло в его глазах, что-то, что было похоже на свет, слабый, едва заметный, но живой. Он встал, медленно, тяжело, как встают старики, и пошёл к реке, и Заря пошла за ним, и Мира пошла за ними обеими, и она не вмешивалась, не подсказывала, не учила, она просто была, как мост, как опора, как жизнь.

Старик опустился на колени у берега, где глина была мягкой и красной, как кровь земли, и он зачерпнул её руками, дрожащими, неуверенными, но живыми, и начал мять, медленно, неуклюже, но мять, и с каждым движением его руки становились увереннее, как будто тело вспоминало то, что разум забыл давно. К полудню старик вылепил первую чашу, кривую, неуклюжую, но живую, и он держал её в руках, как держат ребёнка, и по его щекам текли слёзы, не горькие, не печальные, а другие, те, что текут, когда находишь то, что считал потерянным навсегда. Он посмотрел на Зарю, и в его глазах было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё сжимается от нежности.

— Спасибо, — сказал он, и голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я вспомнил, свои руки, своё ремесло, свою жизнь, ты вернула меня, ты — мост, настоящий, и я не знаю, как тебя благодарить.

Заря улыбнулась, широко, открыто, живо, и в этой улыбке было что-то, что заставило старика улыбнуться в ответ, впервые за много лет. К вечеру слух о том, что произошло у реки, разлетелся по всей деревне, и люди приходили к дому старика, смотрели на его чашу, трогали её, вертели в руках, и в их глазах было что-то, что заставило Миру понять: это только начало, это первый камень, первый мост, первая жизнь. На следующее утро пришла женщина, та самая, что потеряла мужа и забыла его лицо, и Заря села рядом с ней, взяла её за руку и задышала, и женщина вспомнила не лицо мужа, это было слишком больно, она вспомнила свои руки, они помнили прялку, они помнили шерсть, они помнили нить, она была прядильщицей, до всего, до хвори, до боли, и теперь она снова могла пряхть.

Но на третий день пришёл мальчик, тот самый, которого Мира исцелила от пепельной хвори много лет назад, и он вырос, но так и не нашёл своего места в жизни, и он не умел ни ловить рыбу, ни чинить сети, ни строить дома. Заря села рядом с ним, и они дышали вместе, вдох вода, выдох огонь, и мальчик вспомнил, его руки помнили не глину, не прялку, они помнили нож, они помнили кровь, они помнили страх в глазах тех, кого он убивал, потому что он был воином, но не таким, как Вельмир, не защитником, а убийцей, и этот талант спал в нём глубоко, и Заря разбудила его, потому что не знала, что будит.

Мира увидела это первой, потому что нити мальчика почернели, и в этих нитях была не ярость, не злоба, а пустота, та самая пустота, которая приходит к тем, кто убивал слишком много и перестал чувствовать. Она шагнула вперёд и схватила Зарю за руку, и в этом движении было что-то, что заставило мальчика вздрогнуть, как будто он очнулся от долгого сна, и он посмотрел на свои руки, и в его глазах был ужас, не перед кем-то, а перед собой. Вельмир подошёл и встал между мальчиком и Зарёй, и его рука легла на рукоять меча, но он не вытащил его, он просто стоял, как стена, как опора, как защита.

— Ты не должен был этого делать, — сказал Вельмир, и его голос был холодным, как лёд, но в этом холоде была не злость, а страх, потому что он боялся за Зарю, за Миру, за всех. —

Ты не должна пробуждать то, что люди хотят похоронить, потому что некоторые таланты — это не дар, а проклятие, и ты не можешь знать, что ты будишь, пока не станет поздно.

Мира посмотрела на него, и в её глазах было что-то, что заставило его замолчать, потому что она видела то, чего не видел он, она видела нити Зари, которые тянулись не только к свету, но и к тьме, и она видела, что её дочь не может контролировать свой дар, потому что дар сильнее её, потому что он растёт слишком быстро, потому что он живёт своей жизнью.

— Она не хотела, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, но в этом голосе была боль, потому что она защищала дочь, но понимала, что Вельмир прав. — Она просто хотела помочь, она просто хотела, чтобы все были счастливы, она просто не знала, что не всем нужна помощь, что некоторые раны должны оставаться закрытыми, что некоторые таланты должны спать вечно.

Заря смотрела на мальчика, который стоял и дрожал, и в её глазах были слёзы, не горькие, не печальные, а детские, беспомощные, потому что она не понимала, что сделала, она не понимала, почему все испугались, она просто хотела помочь. Она заплакала и прижалась к матери, и в этом объятии было что-то, что заставило Миру понять: её дочь — не просто мост, не просто дар, она — ребёнок, который не знает, что делает, и это пугало больше, чем радовало.

— Мама, — сказала Заря сквозь слёзы, и её голосок дрожал, как тростник на ветру. — Я не хотела, я не знала, я думала, что помогаю, я думала, что все хотят вспомнить, но они не хотят, они боятся, и я боюсь, потому что не понимаю, что делаю, и я не могу остановиться, потому что дар сильнее меня.

Мира обняла её крепче и посмотрела на Вельмира, и в этом взгляде был вопрос, который она не хотела задавать, но должна была, потому что иначе они не найдут ответа.

— Что нам делать? — спросила Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ограничить её, пока она не научится? Или позволить ей учиться на ошибках, рискуя всем, что мы построили?

Вельмир молчал, и его рука отпустила рукоять меча, и он подошёл к жене и дочери, и он опустился на колени рядом с ними, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание.

— Мы не будем её ограничивать, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Но мы будем рядом, всегда, чтобы она не потерялась, чтобы она не навредила, чтобы она знала, что дар — это не только сила, но и долг, и что за каждое пробуждение она будет платить, потому что иначе она не научится.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на благодарность, и на страх, и на что-то среднее между ними, потому что она знала, что он прав, но она также знала, что путь, который они выбрали, будет тяжёлым, потому что дар Зари — это не только дар, но и долг, который может разрушить всё, что они построили.

— Тогда начнём, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Сейчас, здесь, у дерева, потому что мост не идёт — он стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны научить нашу дочь делать то же самое.

Заря посмотрела на родителей, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило Миру понять: она поняла, она приняла, она готова, и это было самое главное, самое важное, самое живое.

Заря пробуждает в людях не только память, но и ремёсла — дар, который делает её новым мостом, отличным от Миры. Старик-гончар вспоминает своё ремесло, женищина — прядильное дело, но мальчик, которого Мира когда-то исцелила, вспоминает не ремесло, а талант убийцы, который он подавлял всю жизнь, и этот талант просыпается не вовремя, создавая реальную угрозу для деревни. Мира и Вельмир занимают разные позиции: Мира видит в пробуждении дар, Вельмир видит в нём опасность, и они спорят об этом, не как враги, а

как люди, которые смотрят на одно и то же с разных сторон. Заря показывает ограничения своего дара: она пробуждает таланты, но не может их контролировать, и она плачет от беспомощности, потому что не понимает, что делает. В финале Мира понимает, что дар Зари — это не только дар, но и вред, который может разрушить всё, что они построили, и она должна решить: ограничить дочь или позволить ей учиться на ошибках.

Эпизод 3: «Деревня, что стала городом на заре»

«Деревня растёт не от того, что в неё приходят люди. Она растёт от того, что в людях просыпается жизнь. И тогда дома становятся теплыми, а горизонт — близким.»

Прошло три недели с того утра, когда Заря пробудила первого гончара, и Костный Брод изменился так, как не менялся за все годы, что Мира помнила его. Дома на сваях остались на месте, мостки по-прежнему скрипели под ногами, болото дышало вокруг так же ровно и глубоко, но что-то новое поселилось в этом месте, что-то, что нельзя было увидеть глазами, но можно было почувствовать кожей, как тепло от печи, как запах свежего хлеба, как звук молота о наковальню. Кузнец, который вспомнил своё ремесло благодаря Заре, поставил горн у самой воды, и огонь в нём горел ровно и жарко, и искры летели в чёрное небо, как маленькие звёзды, упавшие с небес на землю. Женщина-прядильщица открыла мастерскую в своём доме, и из-под её пальцев выходили нити, ровные, как дыхание спящего ребёнка, и она отдавала их тем, у кого не было, тем, кому было холодно, тем, кто забыл, что такое тепло.

Гончар, тот самый старик, который первым вспомнил свои руки, лепил чаши, кувшины, горшки, игрушки для детей, свистульки в форме птиц, зверей, рыб, и дети приходили к нему, смотрели, как глина в его руках становится живой, как она дышит, как она поёт. Мальчик, который вспомнил гончарный круг, оказался кузнецом по серебру, и он делал украшения, кольца, подвески, обереги, и в каждом из них была частица его души, частица его памяти, частица его жизни. Люди приходили к нему, и он отдавал им свои украшения, не за деньги, не за плату, а просто так, потому что знал: они вернут их другим, потому что знал: мост растёт, когда по нему идут, мост растёт, когда его отдают.

Мира ходила по деревне каждое утро, не как вождь, не как госпожа, а как та, кто просто идёт рядом, и она касалась стен домов ладонью, легко, почти невесомо, и в этом прикосновении было что-то, что заставляло золотые нити людей дрожать сильнее. Но с каждым днём она чувствовала, что что-то меняется, что воздух становится плотнее, что вода в болоте уходит быстрее, что рыба ловится хуже, что дров на всех не хватает. Старейшина Костного Брода, седой, как лунь, с лицом, изрезанным морщинами, пришёл к ней однажды утром, и в его глазах была не радость, а тревога, которую он не хотел показывать, но не мог скрыть.

— Мирослава, — сказал старейшина, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Я помню эту деревню, когда в ней было двенадцать дворов, и мы знали каждого по имени, и нам хватало рыбы, и нам хватало дров, и нам хватало места. Теперь нас сотни, и я не знаю половины тех, кто живёт на моей земле, и это уже не наша деревня, это что-то другое, что-то, что растёт быстрее, чем мы успеваем его понять.

Мира слушала его, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, потому что она знала, что он прав, она видела, как город растёт, как приходят новые люди, как они строят дома на земле, которая раньше была пустой, как они ловят рыбу, которую раньше ловили только свои. Она собрала совет у дерева, и Вельмир пришёл первым, и его лицо было каменным, но глаза живыми, и в этих глазах была тревога, которую он не скрывал.

— Нам нужно решить, как кормить всех, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, как камень, но в этом голосе была усталость, потому что он считал, считал всё, рты, руки, сети, дрова, и цифры не сходились. — Нам нужно решить, как разместить всех, как сохранить порядок, как не потерять то, что мы построили, потому что мост не идёт — он стоит, зовёт, ведёт, держит, но он не может держать то, что рушится под собственным весом.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его замолчать, потому что она не знала ответа, и это было честно, и это было страшно. Яромир предложил посылать людей в другие деревни за едой, Злата предложила устанавливать правила, кто может остаться, а кто должен уйти, Лада предложила учить новых ремёслам, чтобы они могли сами себя прокормить, но ни одно из этих решений не было лёгким, и ни одно из них не решало главной проблемы: город рос быстрее, чем они могли его удержать.

А потом случилось то, что заставило Миру понять, что дар Зари — это не только чудо, но и боль. Женщина, которую Заря пробудила три дня назад, пришла к дереву, и её лицо было мокрым от слёз, и в её глазах была не благодарность, а ненависть, та самая ненависть, которая приходит к тем, кому вернули боль, которую они хотели забыть. Она упала на колени перед Мирой и закричала, и её крик был как удар меча, потому что она проклинала Зарю, проклинала её дар, проклинала мост, который разбудил в ней то, что она хотела похоронить навсегда.

— Твоя дочь вернула мне память, — сказала женщина, и её голос дрожал от ярости и боли. — Но эта память — не дар, а проклятие, потому что я вспомнила, как умер мой сын, как он звал меня, как я не смогла его спасти, и теперь я не могу спать, не могу есть, не могу жить, потому что эта память жжёт меня изнутри, как огонь, и я не знаю, как его потушить.

Заря стояла рядом с матерью, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, были слёзы, не горькие, не печальные, а детские, беспомощные, потому что она не понимала, что сделала, она не понимала, почему все плачут, она просто хотела помочь. Она заплакала и прижалась к матери, и в этом объятии было что-то, что заставило Миру понять: её дочь — не просто мост, не просто дар, она — ребёнок, который не знает, что делает, и это пугало больше, чем радовало.

— Мама, — сказала Заря сквозь слёзы, и её голосок дрожал, как тростник на ветру. — Я не хотела, я не знала, я думала, что помогаю, я думала, что все хотят вспомнить, но они не хотят, они боятся, и я боюсь, потому что не понимаю, что делаю, и я не могу остановиться, потому что дар сильнее меня.

Мира обняла её крепче и посмотрела на Вельмира, и в этом взгляде был вопрос, который она не хотела задавать, но должна была, потому что иначе они не найдут ответа. Вельмир подошёл и опустился на колени рядом с ними, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание.

— Мы не можем остановить рост города, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, как камень. — Но мы можем научиться управлять им, мы можем научиться распределять, мы можем научиться держать, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и если мы не научимся держать, то всё, что мы построили, рухнет.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на благодарность, и на страх, и на что-то среднее между ними, потому что она знала, что он прав, но она также знала, что путь, который они выбрали, будет тяжёлым. Она встала и посмотрела на город, который раскинулся перед ней, на дома, на мостки, на людей, на дерево, которое светилось в центре, и она поняла, что город растёт быстрее, чем она может его удержать, и это было не только радостью, но и страхом, потому что она теряла контроль над тем, что создала.

— Я не знаю, что делать, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я не знаю, как кормить всех, как разместить всех, как сохранить порядок, я знаю только одно: мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше.

Заря посмотрела на родителей, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило Миру понять: она поняла, она приняла, она готова, и это было самое главное, самое важное, самое живое.

Деревня Костный Брод превращается в город, кузнец, гончар, прядильщица и другие люди, пробуждённые Зарёй, открывают мастерские, творят и делятся своим ремеслом. Но рост города создаёт конфликт между старыми и новыми жителями: старейшина говорит, что это уже не их деревня, что-то другое. Мира и Вельмир обсуждают проблему ресурсов: еды, воды, места становится меньше, и они не знают, как прокормить и разместить всех. Женищина, которую Заря пробудила, проклинает её за то, что она вернула ей память о смерти сына, и это создаёт трагическую ноту: не все, кого пробудила Заря, счастливы. Заря плачет от беспомощности, потому что не понимает, что делает, и не может остановиться. Мира понимает, что город растёт быстрее, чем она может его удержать, и это не только радость, но и страх. Вельмир предлагает научиться управлять городом, распределять ресурсы и держать то, что они построили.

Эпизод 4: «Хоромы, что выросли из благодарности»

«Дом строится не из дерева и камня. Дом строится из благодарности. И тот, кто это понял, никогда не останется без крыши над головой — даже если весь мир рухнет. Но благодарность — это не долг. Это выбор. И тот, кто принимает её как должное, теряет всё.»

На двадцать второй день после пробуждения первого гончара в Костном Броде началось что-то, чего Мира не ожидала, потому что не то чтобы она не верила в благодарность, верила, и не раз видела её проявления, но то, что происходило сейчас, было не просто благодарностью, это было что-то большее, что-то, что росло из глубины человеческих сердец, как дерево растёт из земли, как река течёт к морю, как жизнь стремится к жизни. С утра на дальнем краю деревни, там, где мостки упирались в твёрдую землю, начали собираться люди, не толпой, не строем, а по одному, по двое, по трое, и они несли брёвна, доски, мох для конопатки, глину для обмазки, и они не разговаривали громко, они просто работали.

Мира вышла на мостки и остановилась, глядя на это зрелище, и Вельмир подошёл сзади и обнял её за плечи, и в этом объятии не было страсти, только тепло, только покой, только то, что приходит к людям, которые прожили вместе много лет и научились понимать друг друга без слов. Она прижалась к нему спиной, чувствуя, как его подбородок ложится ей на макушку, как его дыхание шевелит волосы у виска, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Что они делают? — спросила Мира, хотя уже знала ответ, знала по нитям, золотым, живым, которые тянулись от неё к каждому из этих людей, и от них к ней, она чувствовала их намерение, их решимость, их любовь, но всё равно спросила, потому что хотела услышать это от него, от человека, который был её второй половиной, её мостом, её жизнью.

— Строят, — ответил Вельмир, и в его голосе было что-то, что заставило её улыбнуться, потому что это была не просто констатация факта, это было удивление, которое не проходило, даже когда он видел это каждый день. — Для нас, для тебя, для Зари, хоромы, настоящие, не на сваях, не на болоте, на твёрдой земле, с окнами, с печью, с крыльцом, с жизнью, потому что они хотят отблагодарить тебя за то, что ты дала им.

Мира молчала, и она смотрела, как старик-гончар, тот самый, что вспомнил свои руки три недели назад, укладывает первый венец сруба, и его руки, когда-то серые и потрескавшиеся, теперь были розовыми и тёплыми, они двигались уверенно, как у человека, который знает, что делает. Рядом с ним работал кузнец, не тот, что с серебром, а тот, что с железом, и он выковывал гвозди и скобы, и каждый удар молота о наковальню был как удар сердца, ровный, глубокий, живой. Женищина-прядильщица сидела в стороне и пряла, но не шерсть, она пряла нити из конопли, крепкие, как канат, и этими нитями люди связывали брёвна, скрепляли стропила, укрепляли крышу. Дети бегали между взрослыми и подносили им воду, хлеб, тряпки для обтирания, и они не мешали, они помогали, они были частью моста, частью жизни.

Вельмир смотрел на всё это, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило Мира понять: он хочет помочь, но не знает как, потому что он воин, потому что он умеет разрушать,

а не создавать, потому что он всю жизнь держал меч, а не молот. Но потом он отпустил её плечи, и он пошёл вниз, к людям, и он взял бревно, которое лежало на земле, и он понёс его к срубу, и его руки, привыкшие к рукояти меча, теперь держали дерево, и в этом движении было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё сжимается от нежности. Он работал весь день, и его руки покрылись занозами, и его спина устала, и его лицо было мокрым от пота, но в его глазах было что-то, что было похоже на покой, потому что он понял что-то важное, что-то, что он не мог выразить словами, но что он чувствовал всем телом: он тоже может создавать, а не только разрушать, он тоже может строить, а не только ломать, он тоже может быть мостом, а не только тенью моста.

Но не все, кто пришёл строить, были счастливы, и Мира увидела это по нитям, которые тянулись от одного из строителей, молодого мужчины с усталыми глазами и руками, которые помнили больше, чем хотели. Заря подошла к нему утром, и она села рядом с ним, и она задышала, вдох вода, выдох огонь, и мужчина закрыл глаза, и что-то в нём дрогнуло, и когда он открыл глаза, в них был не свет, не радость, а ужас, тот самый ужас, который приходит к тем, кто увидел слишком много. Мира подошла ближе и увидела, как нити Зари тянутся к нему, и эти нити были не такими, как обычно, они были ярче, они были глубже, они были живыми, и в этих нитях было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее, потому что она увидела, что Заря дала ему не ремесло, а что-то другое, что-то, что спало глубоко в его душе.

— Я вижу будущее, — сказал мужчина, и его голос дрожал, как тростник на ветру. — Я вижу, как умирают люди, как рушатся дома, как мост поглощает всё, и я не хочу этого видеть, я не хочу знать, что будет, потому что это знание убивает меня, это знание жжёт меня изнутри, как огонь, и я не могу его потушить.

Заря смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, были слёзы, не горькие, не печальные, а детские, беспомощные, потому что она не понимала, что сделала, она не понимала, почему все плачут, она просто хотела помочь. Мужчина встал и посмотрел на неё, и в его глазах была не благодарность, а страх, и он сказал то, что заставило Миру похолодеть.

— Забери это обратно, — сказал он, и его голос был твёрдым, но в этом голосе была мольба. — Я не хочу видеть будущее, я не хочу знать, что будет, я хочу просто жить, как все, как раньше, как до тебя, потому что твой дар — это не дар, это проклятие, и я отказываюсь от него.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, потому что она поняла, что Заря не может забрать дар обратно, потому что дар — это не вещь, которую можно отдать или взять, это часть человека, это его жизнь, это его мост. Она подошла к дочери и взяла её за руку, и в этом прикосновении было что-то, что заставило Зарю замолчать, потому что дети чувствуют страх матери, даже если не понимают его.

— Ты не можешь забрать дар, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты можешь только научить его жить с этим даром, потому что дар — это не то, что ты даёшь, это то, что ты пробуждаешь, и то, что пробуждено, не может быть усыплено обратно.

Заря посмотрела на мать, и в её глазах было что-то, что заставило Миру понять: она поняла, она приняла, она готова, и это было самое главное, самое важное, самое живое. Но Мира также поняла, что у неё нет ответа на вопрос, который мучил её: имеет ли Заря право пробуждать то, что люди не хотят? Имеет ли она право давать то, что может стать проклятием?

Вельмир подошёл к ним, и его руки были в занозах, и его спина устала, и его лицо было мокрым от пота, но в его глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание.

— Мы не можем решить за неё, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, как камень. — Мы можем только быть рядом, всегда, чтобы она не потерялась, чтобы она не навредила, чтобы она знала, что дар — это не только сила, но и долг, и что за каждое пробуждение она будет платить, потому что иначе она не научится.

К вечеру стены дома были возведены, не высокие, в одно жильё, с широкими окнами, с резными наличниками, с крыльцом, которое выходило на восток, и крыша была покрыта дёрном, который держал тепло зимой и прохладу летом. Кузнец выковал петли для дверей и ставни для окон, прядильщица связала занавески из тонкого льна, гончар принёс посуду, чаши, кувшины, горшки, плошки, и расставил её на полках, которые сам же и вырезал из дерева, дети принесли цветы, полевые, простые, и поставили их в глиняные кувшины на подоконники, и дом стал живым, не просто постройкой, домом, мостом, жизнью.

Мира стояла перед ним и смотрела, и она не плакала, не смеялась, она просто стояла и смотрела, и в этом взгляде было что-то, что заставило Вельмира подойти и встать рядом. Он не говорил, он просто был, как мост, как опора, как жизнь.

— Это наш дом, — сказала Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом. — Не тот, что на сваях, не тот, что на болоте, настоящий, на твёрдой земле, с окнами, с печью, с крыльцом, с жизнью.

Вельмир повернул её к себе и посмотрел в глаза, долго, глубоко, так, как смотрят, когда хотят запомнить навсегда, так, как смотрят, когда боятся потерять, так, как смотрят, когда любят больше жизни.

— И не надо знать, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень, но в этом голосе была нежность, которая не требовала ответа. — Надо просто идти, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше, даже если боимся, даже если всё рушится.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, потому что это была не гордость, не радость, а что-то другое, что-то, что было похоже на любовь. Она взяла его за руку, большую, шершавую, живую, и прижала к своей груди, к оберегу, который пульсировал ровно и тепло, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты знаешь, что ты — моё чудо? — спросила она, и голос её был тёплым, как первый луч солнца.

— Знаю, — ответил он, и голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я тоже. Всегда.

Он обнял её, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем прикосновения, больше, чем всё. Это был мост. Мост, который они построили вместе. Мост, который держал. Мост, который не рушился. Заря подошла и взяла их за руки, маленькая, тёплая, живая, и она посмотрела на дом, потом на родителей, потом на небо, которое было голубым и золотым, как её глаза, и в этом взгляде было что-то, что заставило Миру понять: это не конец, это начало, нового дня, нового моста, новой жизни.

— Идём, — сказала Заря, и её голос был твёрдым, как камень. — Дом ждёт, жизнь ждёт, мост ждёт.

Жители Костного Брода строят для Миры, Вельмира и Зари хоромы, не за плату, а из благодарности и любви. Кузнец, гончар, прядильщица и дети работают вместе, и дом становится живым. Вельмир, который всю жизнь умел только разрушать, помогает строить и понимает, что он тоже может создавать, а не только ломать. Один из строителей получает от Зари не ремесло, а способность видеть будущее, и это пугает его, он отказывается от дара, и это создаёт вопрос: имеет ли Заря право пробуждать то, что люди не хотят? Мира понимает, что у неё нет ответа на этот вопрос. Вечером Мира стоит в новом доме и говорит Вельмиру, что не знает, что будет дальше. Вельмир отвечает: «И не надо знать. Надо просто идти».

Эпизод 5: «Голоса городов, что слышны сквозь расстояние»

«Телепатия — не чтение мыслей. Телепатия — это мост между душами. И тот, кто умеет по нему ходить, никогда не будет один — даже если между ним и другим человеком лягут тысячи вёрст. Но мост стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто зовёт слишком громко, рискует потерять свой голос.»

Прошло ещё десять дней с той ночи, когда Мира и Вельмир говорили о том, что не знают, что будет дальше, и Костный Брод уже нельзя было назвать деревней, потому что язык не поворачивался, и дома стояли не только на сваях, но и на твёрдой земле, которая раньше считалась мёртвой. Мостки расширились, превратившись в улицы, появились лавки, не с товаром, а с ремеслом, кузнечная, гончарная, ткацкая, и люди работали от рассвета до заката, и в этом труде было что-то, что заставляло Миру вспоминать Питер, не тот, серый и дождливый, а другой, из детства, где бабушка пекла пироги, а соседи здоровались на лестнице.

Заря просыпалась раньше всех, и она выходила на крыльцо нового дома, того самого, что построили для них люди, и она садилась на ступени, скрестив ноги, и она не играла, не спала, она слушала, и Мира сначала не понимала, что именно слушает дочь, потом поняла: Заря слушала города, не тот, в котором они жили, другие, те, что выросли из деревень, которые приняли мост, те, что были далеко, за лесами, за холмами, за реками. Заря слышала их, не ушами, а сердцем, телепатия, её дар, становилась сильнее с каждым днём, и она могла говорить с правителями этих городов, не выходя из дома, могла чувствовать их боль, их страх, их надежду, и она учила их дышать, вдох вода, выдох огонь, и они вспоминали свои ремёсла, свои таланты, свою жизнь.

В то утро Мира вышла на крыльцо следом за дочерью и села рядом, и Заря не обернулась, она смотрела на восток, где небо только начинало светлеть, и её глаза, серо-голубые с золотыми искрами, были полуприкрыты, как у человека, который слушает очень тихую музыку. Мира смотрела на неё и чувствовала, как что-то внутри неё сжимается от гордости, потому что её дочь делала то, чего не могла делать она, потому что её дочь была мостом, который соединял не только людей, но и города, и это было чудо, настоящее, живое, и Мира гордилась этим чудом больше, чем всем, что создала сама.

— Ты слышишь их? — спросила Мира, и голос её был тихим, почти шёпотом, потому что она не хотела мешать дочери.

— Слышу, — ответила Заря, и её голос был не по-детски глубоким, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — Трое, один на север, за рекой, другой на восток, за холмами, третий на юг, у самого моря, и они все правители, не по крови, а по выбору, потому что люди выбрали их, потому что они честны, потому что они справедливы, потому что они мосты.

Мира смотрела на дочь и чувствовала, как что-то внутри неё растёт, что-то, что было похоже на гордость, и на страх, и на что-то среднее между ними. Она закрыла глаза и потянулась к нитям, тем самым золотым нитям, которые тянулись от неё ко всему живому, и она чувствовала их, тонкие, длинные, живые, уходящие за горизонт, и она чувствовала, как они пульсируют, как они дрожат, как они растут. Мост, который она создала, не стоял на месте, он рос, он тянулся, он соединял, и в этом росте было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, это была не гордость, не радость, что-то другое, что-то, что было похоже на покой.

Но потом она почувствовала это, тонкое, острое, как игла, идущее от одной из нитей, той, что тянулась на север, за реку, и в этой нити была не надежда, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на отказ. Мира открыла глаза и посмотрела на Зарю, и она увидела, что лицо дочери побледнело, что её губы дрожат, что её пальцы сжались в кулаки, и что она пытается что-то сказать, но не может, потому что тот, на севере, не хочет слушать.

— Он не хочет, — сказала Заря, и её голос дрожал, как тростник на ветру. — Он говорит, что мы не нужны ему, что его город живёт сам, что он не хочет быть частью моста, что мост — это насилие, что мы навязываем себя, и он не хочет, и он просит оставить его в покое.

Мира смотрела на дочь, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, потому что она поняла, что мост, который она создала, не может быть насилием, что он не должен быть насилием, что он не имеет права быть насилием, потому что мост — это не приказ, а приглашение, не принуждение, а зов. Она взяла Зарю за руку, и её пальцы были холодными, и она почувствовала, как нити дочери дрожат, как они путаются, как они рвутся, и она поняла, что дар Зари, её телепатия, становится не только благословением, но и проклятием, потому что каждый раз, когда она говорит с кем-то, она теряет что-то, часть своей энергии, часть своей памяти, часть себя.

— Отпусти его, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, но в этом голосе была боль, потому что она не хотела, чтобы дочь страдала, но она также знала, что мост не может держать всех, что некоторые должны остаться в стороне, что некоторые должны остаться собой. — Ты не можешь заставить его, ты не должна заставлять его, потому что мост — это не клетка, это не приказ, это зов, и тот, кто не хочет идти, имеет право остаться.

Заря посмотрела на мать, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, были слёзы, не горькие, не печальные, а детские, беспомощные, потому что она не понимала, почему кто-то не хочет быть счастливым, почему кто-то не хочет быть частью моста, почему кто-то не хочет быть вместе. Она заплакала и прижалась к матери, и в этом объятии было что-то, что заставило Миру понять: её дочь — не просто мост, не просто дар, она — ребёнок, который не знает, что делает, и это пугало больше, чем радовало.

— Мама, — сказала Заря сквозь слёзы, и её голосок дрожал, как тростник на ветру. — Я не хотела, я не знала, я думала, что помогаю, я думала, что все хотят вспомнить, но они не хотят, они боятся, и я боюсь, потому что не понимаю, что делаю, и я не могу остановиться, потому что дар сильнее меня.

Мира обняла её крепче и посмотрела на Вельмира, который вышел из дома и стоял на крыльце, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание. Он подошёл и опустился на колени рядом с ними, и в его глазах было что-то, что заставило Миру понять: он тоже чувствует это, он тоже видит, как Заря растёт слишком быстро, как её дар становится сильнее её самой.

— Она растёт слишком быстро, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Она становится чем-то большим, чем я могу контролировать, и это не только чудо, но и угроза, потому что если она не научится держать свой дар, то дар начнёт держать её, и тогда она потеряет себя.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не тревога, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на решимость.

— Тогда мы научим её, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Не словами, а собой, не приказом, а примером, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны научить её делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше, даже если боимся, даже если всё рухнет.

К полудню в Костный Брод пришли первые купцы, не те, что приносили соль и ткани, другие, из городов, которые Заря пробудила, и они принесли то, что сделали сами, кузнец подковы и гвозди, гончар чаши и кувшины, ткач полотно и одеяла, и они не просили плату, они предлагали обмен, потому что мост, который вырос между городами, стал мостом торговым, мостом жизни. Мира ходила между ними и чувствовала, как нити становятся крепче, как они переплетаются, как они держат, и она смотрела на лица этих людей, серые, но уже не тусклые, и в их глазах было что-то, что заставило её понять: это только начало, это первый камень, первый мост, первая жизнь.

Но вечером, когда все разошлись, Мира и Вельмир остались вдвоём, они сидели на крыльце нового дома, и над ними было небо, голубое, чистое, живое, и Заря спала внутри, и её дыхание было ровным, как вода в озере. Мира положила голову на плечо Вельмира, и он обнял её, и его рука легла на её талию, тяжёлая, тёплая, живая, и в этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решилась заговорить.

— Ты знаешь, что ты — моё чудо? — спросила она, и голос её был тёплым, как первый луч солнца.

— Знаю, — ответил он, и голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я тоже. Всегда.

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, долго, глубоко, так, как смотрят, когда хотят запомнить навсегда, так, как смотрят, когда боятся потерять, так, как смотрят, когда любят больше жизни.

— Ты — мост, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Но ты — не только мост, ты — мать, ты — жена, ты — женщина, ты — моя, и я не позволю никому, ни человеку, ни тени, ни миру, забрать тебя, никогда.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, это была не жалость, не страх, что-то другое, что-то, что было похоже на любовь, на веру, на вечность.

— Я знаю, — ответила она, и голос её дрогнул. — Я знаю, что ты держишь меня, каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, ты — мой якорь, моя земля, моя жизнь, я не боюсь, потому что ты рядом, потому что мы вместе, потому что мы — мост.

Он наклонился и поцеловал её, сначала в лоб, нежно, как целуют ребёнка, потом в щёку, медленно, как целуют память, потом в губы, жарко, как целуют жизнь, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, что они будут. Она ответила ему, так же жарко, так же нежно, так же живо, её руки обвились его шее, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко, как у человека, который нашёл своё место в мире, как у человека, который нашёл свою жизнь, как у человека, который нашёл свою любовь.

Заря через телепатию устанавливает связь с правителями других городов, которые выросли из деревень, принявших мост. Она учит их дышать, пробуждает ремёсла и помогает строить. Но один город на севере отказывается от связи, говоря, что мост — это насилие, и это создаёт проблему: как быть с теми, кто не хочет соединяться? Мост не должен быть насильем. Мира видит, как Заря говорит с городами, и чувствует гордость, но потом видит, как дочь устала, как она бледна, как она теряет себя, и это пугает её больше, чем радует. Мира понимает, что дар Зари становится не только благословением, но и проклятием, потому что каждый раз, когда она говорит с кем-то, она теряет часть себя. Вельмир поддерживает Миру. В Костный Брод приходят первые купцы из городов, которые Заря пробудила. Мира понимает, что её дочь становится чем-то большим, чем она может контролировать, и это не только чудо, но и угроза.

Эпизод 6: «Корона, что сплетена из золотых нитей»

«Корона — не золото и не самоцветы. Корона — это ноша, которую ты согласен нести. И тот, кто принимает её добровольно, уже достоин её. Но тот, кто берёт её без сомнений, — уже не достоин. Потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто ведёт, должен сначала научиться стоять.»

На тридцать второй день после пробуждения первого гончара в Костный Брод начали прибывать правители, и Мира проснулась раньше петухов, не от тревоги, не от зова берега, а от того особенного гула, который стоял над городом, как стоит гул над ульем перед роением. Она вышла на крыльцо нового дома, того самого, что построили для них люди, и остановилась, потому что утро было тихим и мягким, как парное молоко, и в этом утреннем свете дерево

светилось не золотым, а серебряным, как будто кто-то прошёл по его ветвям с кистью, полной лунного света. По мосткам, которые теперь тянулись через всё болото, шли люди, не толпой, а по одному, по двое, по трое, и они шли из-за леса, из-за гор, из-за степи, и они несли с собой не оружие и не товары, они несли себя, свои города, свои народы, свои надежды.

Вельмир вышел следом и встал за её спиной, и он не касался её, просто стоял рядом, так близко, что она чувствовала тепло его тела, и в этом стоянии было что-то, что было больше, чем близость, больше, чем слова, что-то, что было похоже на дом.

— Они пришли, — сказал он, и его голос был тихим, но в нём слышалась улыбка, потому что он видел то, чего не видел никто другой.

— Пришли, — ответила Мира, не оборачиваясь. — Все, север, восток, юг, запад, все, кого пробудила Заря, все, кто стал мостом, все, кто хочет быть частью, и я не знаю, радоваться мне или бояться, потому что это слишком много, слишком быстро, слишком сильно.

Вельмир молчал, и его рука легла на её плечо, тяжёлая, тёплая, живая, и он смотрел на людей, которые шли по мосткам, на их лица, на их глаза, на их руки, и в его тёмных глазах, глазах человека, который видел смерть так часто, что перестал её бояться, было что-то, что заставило Миру понять: он гордится, не собой, не ею, всеми ими, всем миром, который они построили вместе. Заря вышла из дома и подошла к родителям, и она уже не была тем маленьким ребёнком, что сидел на корне дерева и слушал воду, она выросла, не по годам, по жизни, и её тёмные волосы были заплетены в две косы, и на её шее висел маленький оберег, кусочек янтаря в серебре.

— Они пришли, — сказала Заря, и её голос был тихим, но твёрдым. — Все, те, кого я учила дышать, те, кого я пробудила, те, кто стал мостом, они пришли к нам, к тебе, к папе, к дереву, к мосту, и они хотят, чтобы вы стали их правителями, не по крови, а по выбору, не по праву, а по любви.

Мира опустила на колени перед дочерью и обняла её, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем любовь, больше, чем жизнь, больше, чем всё. Она смотрела на дочь и видела, что та устала, что её лицо бледнее, чем обычно, что её нити дрожат, как натянутые струны, и это пугало больше, чем радовало.

— Ты сделала это, — сказала Мира, и голос её дрогнул. — Не я, не папа, ты, ты — заря, ты — начало, ты — свет, но ты также устала, ты также бледна, ты также теряешь себя, и я не знаю, как остановить это, потому что дар сильнее тебя.

Заря улыбнулась, широко, открыто, живо, и в этой улыбке было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё расслабляется, что-то, что она держала слишком долго, что-то, что она боялась отпустить.

— Я не устала, — сказала Заря, и её голос был твёрдым, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — Я просто расту, мама, как дерево, как мост, как всё, и рост — это не болезнь, это жизнь, и я не теряю себя, я нахожу себя, потому что я — мост, и мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

К полудню на площади у дерева собрались все, и правители новых городов, северного, восточного, южного, западного, стояли в кругу, и их нити, золотые, живые, тянулись к дереву, к Заре, к Мире, к Вельмиру, и они не говорили речей, они не спорили, они просто стояли, и в этом стоянии было что-то, что было больше, чем единство, больше, чем род, больше, чем жизнь. Вперёд вышел старейшина Костного Брода, тот самый, что трубил в турий рог, когда созывал вече, и его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дуба, но глаза были живыми и ясными, как у человека, который видел слишком много, но не потерял себя. В руках он держал венок, не золотой, не серебряный, сплетённый из полыни и крапивы, перевязанный красной лентой, такой же венок был у первой жрицы, такой же венок был у её мужа, такой же венок был у всех, кто держал мост.

— Мирослава, — сказал старейшина, и его голос, скрипучий, как несмазанное колесо, разнёсся над водой. — Ты пришла к нам из другого мира, ты стала мостом, ты соединила пепел и воду, ты научила нас дышать, ты дала нам жизнь, и теперь мы, все мы, хотим, чтобы ты стала нашей правительницей, не по крови, по выбору, по праву, по любви.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на слёзы, но не было ими, что-то, что было похоже на смех, но не было им, что-то, что было похоже на жизнь.

— Я не хочу власти, — сказала она, и голос её был честным, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я хочу мира, моста, жизни, но не власти, потому что власть — это не мост, это стена, а я не умею строить стены, я умею строить только мосты.

Старейшина смотрел на неё, и в его глазах была теплота, которую он не прятал, потому что он знал, что она откажется, и именно поэтому он и пришёл к ней.

— Мы знаем, — сказал он, и его голос был твёрдым, но в этом голосе была нежность. — Поэтому ты и должна стать правительницей не потому, что сильна не потому, что богата потому, что честна потому, что справедлива потому, что ты мост.

Но не все, кто стоял в кругу, были согласны, и Мира увидела это по нитям, которые тянулись от одного из жителей, мужчины с усталыми глазами и руками, которые помнили больше, чем хотели. Он шагнул вперёд, и его голос был тихим, но твёрдым, потому что он говорил то, что думал, а не то, что хотели слышать другие.

— Мы не хотим правителей, — сказал он, и его слова упали в тишину, как камни в воду. — Даже хороших, даже справедливых, даже таких, как вы, потому что мы хотим жить сами, мы хотим решать сами, мы хотим ошибаться сами, потому что мост — это не клетка, а свобода, и если вы станете правителями, вы станете клеткой, даже если не хотите этого.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она знала, что он прав, что власть — это не мост, что власть — это стена, что она не хочет быть стеной, но она также знала, что если она откажется, то кто-то другой возьмёт власть, и этот кто-то может не быть мостом. Вельмир шагнул вперёд и встал рядом с ней, и его рука легла на её плечо, тяжёлая, тёплая, живая, и в этом присутствии было что-то, что заставило Миру понять: она не одна, она никогда не была одна, она никогда не будет одна.

— Тогда мы не будем правителями, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, как кремь. — Мы будем слугами, не господами, не властителями, а слугами моста, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто держит, не властвует, тот, кто держит, служит.

Мужчина смотрел на него, и в его глазах было что-то, что заставило Миру понять: он не враг, он не оппозиция, он просто человек, который боится, что мост станет клеткой, и этот страх был честным, и Мира уважала его за это. Она подошла к нему и взяла его за руку, и в этом прикосновении было что-то, что заставило его нити задрожать, потому что она не отталкивала его, она принимала его страх, она принимала его сомнение, она принимала его самого.

— Ты прав, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Власть — это стена, а я не хочу быть стеной, но я также знаю, что если я откажусь, то кто-то другой возьмёт власть, и этот кто-то может не быть мостом, поэтому я предлагаю не корону, не трон, не власть, а круг, круг, в котором каждый имеет голос, круг, в котором каждый решает, круг, в котором мост — это не один, а все, вместе, всегда.

Мужчина смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что заставило Миру понять: он не ожидал этого, он думал, что она будет настаивать на власти, но она не настаивала, она предлагала, и это было честно, и это было живо.

Старейшина надел венок на голову Миры, полынь и крапива коснулись её волос, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её почувствовать, как что-то внутри неё сжимается, не от боли, от чего-то другого, от чего-то, что было похоже на ответственность, настоящую, живую. Потом он надел второй венок на голову Вельмира, и в этом жесте было что-то, что

заставило Миру улыбнуться, потому что это была не корона, это был мост, мост, который они построили вместе, мост, который держал, мост, который не рушился.

Заря подошла к родителям и встала между ними, и она взяла их за руки, маленькая, тёплая, живая, и в этом прикосновении было что-то, что было больше, чем семья, больше, чем любовь, больше, чем жизнь, это был мост, мост, который соединял их, не как мужа, жену и дочь, а как три нити, которые переплелись в одну, и эта нить была крепче, чем любая другая, крепче, чем страх, крепче, чем смерть, крепче, чем всё.

— Вы можете быть королями, — сказала Заря, и её голос был не по-детски глубоким, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — Но не потому, что вы хотите власти, а потому, что вы хотите служить, потому что мост — это не трон, мост — это служение, и тот, кто служит, уже король, даже если на голове у него венчик из полыни и крапивы.

Люди ахнули, и в этом вздохе было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё растёт, большое, тёплое, живое, и дерево дрогнуло, и его свет стал ярче, не золотым, не белым, не алым, голубым, чистым, живым, как небо перед рассветом, как вода в горном ручье, как первый вдох ребёнка. Правители городов подошли по одному, северный, восточный, южный, западный, и они склонили головы перед Мирой и Вельмиром, не как перед господами, а как перед мостом, как перед жизнью, и в этом поклоне было что-то, что заставило Миру почувствовать, как что-то внутри неё расслабляется, что-то, что она держала слишком долго, что-то, что она боялась отпустить.

Вечером, когда все разошлись, Мира и Вельмир остались на площади у дерева, и Заря спала в новом доме, и её дыхание было ровным, как вода в озере, и дерево светилось голубым, и его белые лепестки падали на землю и не гасли. Мира сняла венчик и посмотрела на него, полынь и крапива, не золото, не самоцветы, но в этом венке было что-то, что было дороже любого золота, что-то, что было дороже любых самоцветов, что-то, что было дороже всего.

— Я не знаю, правильно ли мы поступаем, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я не знаю, имеем ли мы право принимать власть, даже если её предлагают, даже если её просят, даже если без нас будет хуже, и это честно, и это страшно, и это жизнь.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не тревога, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на решимость.

— Я тоже не знаю, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Но я знаю, что мы не будем правителями, мы будем слугами, не господами, не властителями, а слугами моста, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто держит, не властвует, тот, кто держит, служит.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, это была не жалость, не страх, что-то другое, что-то, что было похоже на любовь, на веру, на вечность.

— Тогда примем, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Не как власть, а как служение, не как трон, а как мост, потому что мост — это не конец, мост — это начало, и мы не дадим ему стать концом.

Он наклонился и поцеловал её, сначала в лоб, нежно, как целуют ребёнка, потом в щеку, медленно, как целуют память, потом в губы, жарко, как целуют жизнь, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, что они будут. Она ответила ему, так же жарко, так же нежно, так же живо, её руки обвились его шею, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко, как у человека, который нашёл своё место в мире, как у человека, который нашёл свою жизнь, как у человека, который нашёл свою любовь.

Правители новых городов собираются в Костном Броде, чтобы короновать Миру и Вельмира как правителей нового мира. Но один из жителей говорит: «Мы не хотим правителей, даже хороших. Мы хотим жить сами». Это создаёт реальный конфликт: имеет ли Мира право принимать власть, даже если её об этом просят? Мира и Вельмир понимают, что корона — это не только честь, но и ответственность, которая может их раздавить. Заря говорит родителям, что они могут быть королями, но не потому, что хотят власти, а потому, что хотят служить. Мира и Вельмир принимают венки из полыни и крапивы — не золотые короны, а символы служения. Вечером они остаются вдвоём и признаются друг другу, что не знают, правильно ли поступают. Они решают принять корону не как власть, а как служение, не как трон, а как мост.

Эпизод 7: «Зов, что пришёл из-за края мира»

«Даже в самый светлый день тень приходит оттуда, откуда её не ждут. И тот, кто научился видеть свет, должен научиться видеть и тень. Ибо мост стоит не только над водой, но и над бездной. Но тот, кто стоит слишком долго, начинает слышать то, чего не слышат другие.»

На сороковой день после пробуждения первого гончара Заря проснулась за мгновение до рассвета, и она проснулась не от петушиного крика, не от плеска рыбы, не от голоса матери, она проснулась от того, что внутри стало тесно, не больно, не страшно, просто тесно, как будто душа просила простора. Она лежала в колыбели из ивовых прутьев, которую Мира сплела своими руками, и слушала это чувство, и оберег на её груди, кусочек янтаря в серебре, пульсировал ровно, но иначе, глубже, медленнее, как будто ждал. Она встала тихо, чтобы не разбудить родителей, и вышла на крыльцо нового дома, и утренний воздух окутал её со всех сторон, свежий, чистый, пахнувший полынью и далёким дымом.

Город спал, и мостки были пустыми, и только дерево в центре светилось голубым, ровным, живым, тёплым, и Заря села на ступени, скрестив ноги, и закрыла глаза, и она слушала не ушами, а сердцем, нити, сотни тонких золотых нитей, которые тянулись от неё ко всему живому в этом мире, к матери, к отцу, к дереву, к городам, к людям, к рекам, к лесам. Она чувствовала их все, каждую, и в этом чувстве было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, и она уже собиралась встать и пойти к дереву, как вдруг почувствовала это, не нить, не свет, что-то другое, что-то, что шло из-за края мира, из-за горизонта, где небо сходится с землёй, из-за того места, где заканчивается всё, что она знала.

Это был зов, тонкий, едва уловимый, как нить паутины, которую колеблет ветер, но настойчивый, как зов матери, которая ищет ребёнка, как зов земли, которая ждёт дождя, как зов жизни, которая не хочет умирать. Заря открыла глаза и посмотрела на восток, и то, что она увидела, заставило её сердце сжаться, потому что это был не просто зов, это было видение, и в этом видении были образы, конкретные, живые, страшные. Она увидела женщину с двумя лицами, одно молодое, с янтарными глазами, другое старое, с закрытыми веками, и женщина шла по выжженной степи и плакала, и её слёзы падали на землю и превращались в пепел. Она увидела ребёнка с пустыми глазами, который стоял на мосту и не знал, куда идти, и мост тянулся к нему, как рука, и ребёнок не отталкивал его, потому что не помнил, что такое страх. Она увидела воина с пепельными волосами, который держал меч и смотрел на неё, и в его глазах была не ненависть, не злоба, а что-то другое, что-то, что было похоже на приглашение.

Заря вскрикнула и открыла глаза, и она дрожала, и её руки были холодными, и на её коже проступили тонкие серые линии, как будто кто-то провёл по ней пеплом, и эти линии не смывались, они въедались в кожу, как память, которую нельзя стереть. Мира выбежала на крыльцо, потому что она почувствовала это через нити, тревожный, настойчивый зов, который шёл из-за горизонта, и она увидела дочь, которая сидела на ступенях и дрожала, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, был страх, настоящий, живой, детский.

— Что случилось? — спросила Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела пугать дочь, но она также знала, что должна знать правду.

— Я видела, — сказала Заря, и её голос дрожал, как тростник на ветру. — Я видела женщину с двумя лицами, она плакала, и её слёзы превращались в пепел. Я видела ребёнка с пустыми глазами, он стоял на мосту и не знал, куда идти. Я видела воина с пепельными волосами, он держал меч и смотрел на меня, и в его глазах было что-то, что было похоже на приглашение. Они не враги, мама, но они не друзья, они ищут, не мост, что-то другое, что-то, что мост может дать, что-то, что мост может отнять.

Мира слушала её, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, потому что она узнала некоторые из этих образов, женщина с двумя лицами была первой жрицей, она видела её в храме, в памяти Веданы, в нитях, которые распутывала, но первая жрица ушла, она растворилась, она не могла быть там, за краем мира, если только не было чего-то, чего Мира не знала, если только не было кого-то, кто использовал её образ, чтобы заманить их. Вельмир вышел на крыльцо, и его лицо было каменным, но глаза живыми, и в этих глазах была тревога, которую он не скрывал.

— Я тоже чувствую, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Кто-то идёт, с востока, не один, много, они не враги, но они не друзья, они ищут, не мост, что-то другое, что-то, что мост может дать, что-то, что мост может отнять, и я не знаю, кто они, но я знаю, что они знают о нас.

Ясен и Лада вышли следом, и Ясен стоял, опираясь на лук, и его длинная коса цвета спелой пшеницы развевалась на утреннем ветру, как степной ковыль, и Лада держалась за его руку, и её пепельные косы были заплетены в одну длинную косу, перекинутую через плечо, и они не разговаривали, они просто ждали, потому что знали: мост не спрашивает, кто идёт, мост просто стоит.

— Я вижу нити, — сказала Лада, и её голос был тихим, но твёрдым. — Они тянутся за горизонт, далеко, очень, там кто-то есть, они ждут, они боятся, они не знают, что мост уже идёт, они не знают, что мы уже идём, они просто ждут, и они зовут, не словами, сердцем, душой, жизнью.

Зоран подошёл последним, опираясь на посох, и его белые, как молоко, глаза смотрели не на людей, а на нити, которые дрожали в воздухе, как паутина перед грозой, и он молчал, и в этом молчании было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем предупреждение, больше, чем всё.

— Это начало, — сказал он наконец, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Не конца, начала, мост не заканчивается, мост продолжается, в них, в нас, во всех, и тот, кто зовёт, — часть моста, часть нас, часть жизни, мы должны идти, не к ним, от них, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

Мира посмотрела на него, потом на Ясена, на Ладу, на Вельмира, на Зарю, и она видела их нити, золотые, живые, дрожащие, и она видела дерево, которое светилось ровно, несмотря на пепельный ветер, и она видела людей, которые выходили из домов и смотрели на неё, не со страхом, а с надеждой, и она поняла: она не одна, она не мост, она часть сети, и сеть выдержит.

— Я не знаю, что там, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я не знаю, кто зовёт, я не знаю, ловушка это или правда, я не знаю, стоит ли идти или остаться, я знаю только одно: мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и если мы не пойдём, то кто-то другой пойдёт, и этот кто-то может не быть мостом.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не тревога, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на решимость.

— Я знаю, что ты справишься, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Я не знаю, что там, я не знаю, кто зовёт, я не знаю, ловушка это или правда, но я знаю, что

ты справишься, потому что ты — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто держит, справляется, даже если не знает, что будет дальше.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, это была не жалость, не страх, что-то другое, что-то, что было похоже на любовь, на веру, на вечность.

— Тогда идём, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Утром, на рассвете, вместе, как всегда, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое.

Заря посмотрела на родителей, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило Миру понять: она поняла, она приняла, она готова, и это было самое главное, самое важное, самое живое. Она подошла к родителям и взяла их за руки, маленькая, тёплая, живая, и в этом прикосновении было что-то, что было больше, чем семья, больше, чем любовь, больше, чем жизнь, это был мост, мост, который соединял их, не как мужа, жену и дочь, а как три нити, которые переплелись в одну, и эта нить была крепче, чем любая другая, крепче, чем страх, крепче, чем смерть, крепче, чем всё.

— Я останусь, — сказала Заря, и её голос был твёрдым, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — С бабушкой, с дедушкой, с деревом, я буду ждать, я буду учиться, я буду расти, а вы идите, туда, к ним, к тем, кто ждёт, к тем, кто боится, к тем, кто не знает, вы — мост, мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто стоит, должен остаться, чтобы мост не рухнул.

Мира смотрела на дочь, и слёзы, горячие, тихие, живые, текли по её щекам, и она не вытирала их, потому что не могла, потому что не хотела, потому что они были частью её, частью её боли, частью её любви.

— Я вернусь, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Обещаю.

— Не обещай, — сказала Заря, и в её голосе была серьёзность, которая не соответствовала возрасту. — Сделай, потому что обещания — это ветер, а дела — это мост, и я хочу, чтобы ты построила мост, а не наговорила ветра.

Мира рассмеялась сквозь слёзы, тихо, тепло, живо, и в этом смехе было что-то, что заставило сердце Зари биться быстрее.

— Сделаю, — сказала Мира. — Всегда.

Она обняла Зарю, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем любовь, больше, чем жизнь, больше, чем всё. Вельмир подошёл и обнял их обеих, жену и дочь, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем семья, больше, чем род, больше, чем жизнь, это был мост, мост, который они построили вместе, мост, который держал, мост, который не рушился.

Вечером, когда Заря уснула, Мира и Вельмир остались у дерева, они сидели на корне, широком, тёплом, живом, и дерево светилось голубым, и его лепестки падали на землю и не гасли. Мира положила голову на плечо Вельмира, и он обнял её, и его рука легла на её талию, тяжёлая, тёплая, живая, и в этом прикосновении было столько спокойствия, что она не сразу решилась заговорить.

— Ты знаешь, что ты — моё чудо? — спросила она, и голос её был тёплым, как первый луч солнца.

— Знаю, — ответил он, и голос его был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я тоже. Всегда.

Он повернул её к себе и посмотрел в глаза, долго, глубоко, так, как смотрят, когда хотят запомнить навсегда, так, как смотрят, когда боятся потерять, так, как смотрят, когда любят больше жизни.

— Ты — мост, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Но ты — не только мост, ты — мать, ты — жена, ты — женщина, ты — моя, и я не позволю никому, ни человеку, ни тени, ни миру, забрать тебя, никогда.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, это была не жалость, не страх, что-то другое, что-то, что было похоже на любовь, на веру, на вечность.

— Я знаю, — ответила она, и голос её дрогнул. — Я знаю, что ты держишь меня, каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, ты — мой якорь, моя земля, моя жизнь, я не боюсь, потому что ты рядом, потому что мы вместе, потому что мы — мост.

Он наклонился и поцеловал её, сначала в лоб, нежно, как целуют ребёнка, потом в щёку, медленно, как целуют память, потом в губы, жарко, как целуют жизнь, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, что они будут. Она ответила ему, так же жарко, так же нежно, так же живо, её руки обвили его шею, и она почувствовала, как его сердце бьётся ровно и глубоко, как у человека, который нашёл своё место в мире, как у человека, который нашёл свою жизнь, как у человека, который нашёл свою любовь.

Заря чувствует зов из-за края мира и видит конкретные образы: женщину с двумя лицами, которая плачет и её слёзы превращаются в пепел, ребёнка с пустыми глазами на мосту, воина с пепельными волосами с мечом. Это создаёт реальную угрозу. Мира узнаёт некоторые из этих образов — женщина с двумя лицами похожа на первую жрицу, которая ушла, но не умерла. Мира задумывается: стоит ли идти на зов? Может быть, это ловушка? Она спорит об этом с Вельмиром. Вельмир говорит, что не знает, что там, но знает, что Мира справится. Заря остаётся с бабушкой и дедушкой, чтобы мост не рухнул. Мира и Вельмир решают идти на рассвете.

ГЛАВА 3: ЗЕМЛИ ЗА ПРЕДЕЛОМ

«За пределом знакомого мира начинается не тьма, а иная память, и мост, перекинутый через пропасть, ведёт не в землю, а в тех, кто ждёт тебя там.»

Эпизод 1: «Там, где лес перестаёт помнить своё имя»

«Граница — не линия на земле. Граница — это место, где ты перестаёшь слышать знакомый голос ветра. И тот, кто переступил её, уже не сможет вернуться прежним, даже если вернётся туда же. Мост стоит, зовёт, ведёт, держит. Но лес не спрашивает, готов ли ты стоять. Он просто проверяет, умеешь ли ты помнить.»

Они вышли из Костного Брода на рассвете, когда туман ещё держался над болотом, как парное молоко, и дерево светилось последним ночным светом, голубым, ровным, прощальным. Мира шла первой, и её шаги были уверенными, потому что нити, тонкие, золотые, живые, тянулись от её груди к горизонту, как путеводная пряжа, спряденная не ею, а самой землёй. Вельмир шёл рядом, на полшага позже, и его рука не лежала на рукояти меча, впервые за долгое время, он просто шёл, и в его походке была та лёгкость, которая приходит к воину, когда он перестаёт ждать удара в спину. Ясен и Лада держались за руки, и их нити, золотые, переплетённые, тянулись друг к другу, как две реки, которые нашли своё русло после долгих блужданий. Велес, уже не Пепельный пастырь, а жрец, человек, мост, шёл последним, и его посох из чёрного дерева больше не светился зелёным огнём, потому что знаки на нём потускнели, как потускнела его пустота.

Лес начался сразу за городом, но не тот редкий перелесок, который окружал Костный Брод, а настоящий, древний, густой лес, в котором деревья стояли так плотно, что их кроны смыкались над головой, как свод храма. Мира чувствовала, как меняется мир вокруг: воздух становился тяжелее, сырее, старше, и птицы пели незнакомые песни, и в этих песнях было что-то, что заставляло её сердце биться медленнее, не от страха, от благоговения, как в храме, как в древнем капище, как в месте, где когда-то говорили с богами.

К полудню лес изменился, и деревья стали выше, и стволы стали толще, и кора стала темнее, и мох на камнях светился слабым голубым светом, как гнилушки в тёмной пещере, и ветви смыкались над головой, образуя свод, через который почти не проникал солнечный свет. И в этом сумраке было что-то, что заставило Миру остановиться, потому что она почувствовала это не сразу, сначала просто показалось, что воздух стал плотнее, как перед грозой, потом оберев на её груди, тот самый камень с янтарной прожилкой, начал пульсировать быстрее, тревожнее, как сердце, которое чувствует беду.

Велес подошёл к ней и положил руку на её плечо, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её вздрогнуть, потому что он редко касался кого-либо, и его голос, когда он заговорил, был тихим, но твёрдым, как кремень.

— Этот лес не любит чужаков, — сказал Велес, и его серые глаза, уже не мёртвые, смотрели на деревья с чем-то, что было похоже на уважение, смешанное со страхом. — Я помню его, когда я был Пепельным пастырем, я проходил здесь с «забытыми», и некоторые из них не вышли, они остались здесь навсегда, потому что лес забрал их память, а без памяти человек не может найти дорогу.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его замолчать, потому что она не боялась, она хотела понять, она хотела говорить с лесом, а не просто проходить сквозь него.

— Что здесь происходит? — спросила Мира, и её голос был ровным, спокойным, как вода в озере перед бурей. — Почему лес забирает память? Почему он не любит чужаков? Что он хочет от нас?

Велес молчал, и он смотрел на деревья, и в его глазах было что-то, что было похоже на боль, потому что он знал ответ, но не хотел его произносить.

— Лес не забирает память, — сказал он наконец, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Лес проверяет, достоин ли ты её. Если ты не помнишь, кто ты, лес напоминает тебе, но не так, как ты хочешь, а так, как ты боишься. Лес показывает тебе твоё самое большое сожаление, и если ты не выдержишь, ты останешься здесь навсегда, потому что сожаление — это тяжесть, которую не каждый может нести.

Мира закрыла глаза и потянулась к нитям, не к своим, не к нитям Велеса, не к нитям дерева, а к нитям леса, и она почувствовала что-то, что было живым, древним, тёмным, но не злым, и в этом чувстве было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, потому что лес был не врагом, лес был стражем, лес был мостом, который проверял, достоин ли ты пройти.

— Тогда мы пройдем, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Не потому, что мы сильные не потому, что мы смелые, а потому, что мы помним, потому что мы не боимся сожалений, потому что мы — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

Они пошли дальше, и лес становился всё темнее, и воздух становился всё тяжелее, и нити, которые тянулись от Миры, начали путаться, как будто кто-то невидимый играл с ними, и она чувствовала, как её мысли начинают путаться, как она теряет направление, как она видит то, чего нет. Вельмир шёл рядом, и его рука снова легла на рукоять меча, потому что он чувствовал то же самое, и его лицо было каменным, но глаза живыми, и в этих глазах была тревога, которую он не скрывал.

— Ты видишь? — спросил Вельмир, и его голос был тихим, почти шёпотом, потому что он не хотел пугать остальных.

— Вижу, — ответила Мира, и её голос дрогнул, потому что она действительно видела, она видела женщину, которая стояла между деревьями и смотрела на неё, и эта женщина была её матерью, той самой, которая умерла в другом мире, и которая не должна была быть здесь.

— Это не она, — сказал Велес, и его голос был твёрдым, как камень. — Это лес, он показывает тебе то, что ты хочешь забыть, но не можешь, и если ты подойдёшь к ней, ты останешься здесь навсегда, потому что сожаление — это мост, который ведёт только в одну сторону.

Мира смотрела на женщину, на свою мать, и в её груди росло что-то, что было похоже на боль, но не свою, чужую, но такую же живую, такую же настоящую, и она хотела подойти, она хотела обнять её, она хотела сказать ей то, что не сказала, когда та была жива, но она знала, что не может, потому что это было бы предательством всего, что она построила, потому что мост не идёт назад, мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

— Я помню тебя, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Я помню всё, что ты мне дала, я помню твои руки, я помню твой голос, я помню твою любовь, и я несу это с собой, но я не могу остаться здесь, потому что я — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

Женщина улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, и она растворилась, не исчезла, а растворилась, как утренний туман, как память, которая не уходит, а становится частью тебя. Мира открыла глаза и посмотрела на Вельмира, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её понять: он тоже видел что-то, он тоже прошёл через это, и он тоже не остался.

— Что ты видел? — спросила Мира, и её голос был тихим, почти шёпотом.

— Свою сестру, — ответил Вельмир, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Ту самую, которую я не смог спасти, когда был мальчиком, и я хотел остаться, я хотел умереть вместе с ней, но я знал, что не могу, потому что я — мост, а мост не умирает, мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

Они пошли дальше, и лес становился светлее, и воздух становился легче, и нити, которые тянулись от Миры, начали распутываться, как будто лес признал их, как будто лес позволил им пройти. Ясен и Лада шли следом, и их нити переплетались, и они не говорили, они просто

были, как мост, как сеть, как жизнь. И когда они вышли на поляну, где деревья расступились и небо показалось над головой, Мира остановилась и обернулась, и она посмотрела на лес, и в этом взгляде было что-то, что было больше, чем благодарность, больше, чем уважение, больше, чем всё.

— Спасибо, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты не враг, ты — страж, ты — мост, который проверяет, достоин ли ты помнить, и я помню, я помню всё, и я несу это с собой.

Лес ответил, не словами, не звуком, а чувством, и в этом чувстве было что-то, что было похоже на покой, на принятие, на жизнь. Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило Вельмира посмотреть на неё иначе, потому что он увидел, как она выросла, как она стала не просто мостом, а чем-то большим, чем-то, что умеет говорить с лесом, с камнем, с водой, со всем.

— Тогда идём, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Дальше, вместе, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше, даже если боимся, даже если всё рушится.

Мира и её спутники входят в древний лес, где когда-то жили ведуны, и лес активно влияет на путников: мысли путаются, направление теряется, каждый видит своё самое большое сожаление. Велес предупреждает, что лес не любит чужаков и проверяет, достоин ли ты помнить. Мира видит свою мать, Вельмир — свою сестру, но оба не поддаются и проходят испытание. Лес признаёт их и позволяет пройти. Мира понимает, что лес — это не просто место, а живое существо, которое тоже часть моста, и что она должна научиться с ним говорить, а не просто проходить сквозь него.

Эпизод 2: «Когда незнакомец становится братом по дыханию»

«Незнакомец — это не тот, кого ты не знаешь. Незнакомец — это тот, кого ты ещё не успел узнать. И мост между вами — не слово, не жест, а дыхание. Одно на двоих. Но мост стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто стоит слишком долго, должен научиться уважать чужой выбор — даже если этот выбор — не идти.»

Лес кончился внезапно, как обрывается дыхание, и за последним поворотом тропы деревья расступились, и перед ними открылась долина, зажатая между двумя скалами. Скалы были серые, гладкие, как бивни древнего зверя, и на одной из них, на самой вершине, был высечен лик, не человеческий, не звериный, а какой-то третий, и этот лик смотрел вниз, на деревню, раскинувшуюся у подножия. Деревня была маленькой, всего двенадцать домов, сложенных из серого камня, с крышами из дёрна, поросшего жёсткой травой, и дома стояли по кругу, как на старом капище, и в центре этого круга возвышался камень, невысокий, вросший в землю, с отверстием посередине, через которое была видна земля. Люди в деревне были одеты в серые холщовые рубахи, подпоясанные верёвками, и лапти из чёрного лыка, которое выглядело так, будто его обуглили, и они не разговаривали, они просто стояли и смотрели на вошедших, молча, настороженно, но без враждебности.

Мира остановилась на краю деревни и подняла руку, чтобы спутники остановились тоже, потому что она чувствовала нити, не золотые, как у жителей Костного Брода, а серые, тусклые, как пепел, но живые, и эти нити тянулись от этих людей к ней, и в этих нитях была не вражда, а что-то другое, что-то, что было похоже на страх, и на надежду, и на что-то среднее между ними. Из ближайшего дома вышла женщина, высокая, прямая, с седыми волосами, заплетёнными в две косы, которые падали на грудь, как две змеи, и в руках она держала деревянное блюдо, на котором лежал чёрный хлеб и горка серой соли, и она остановилась в трёх шагах от Миры и заговорила на языке, которого Мира не знала, но поняла через нити, не словами, а чувствами.

— Кто вы такие и зачем пришли в нашу деревню? — спросила женщина, и её голос был низким, как гул подземной реки. — Мы не любим чужих, потому что чужие приносят беду, чужие приносят боль, чужие приносят смерть, и мы не хотим ни того, ни другого, ни третьего.

Мира шагнула вперёд, медленно, не как завоеватель, а как гость, и она не касалась меча, не поднимала рук, не делала резких движений, она просто шла, и в этом движении было что-то, что заставило серые нити этих людей задрожать, не от страха, а от чего-то другого, от узнавания, от памяти, от чего-то, что было похоже на надежду.

— Я Мирослава, — сказала она, и её голос был ровным, спокойным. — Мост. Я пришла с жизнью, с надеждой, с теплом, я не приношу беду, я приношу память, я приношу дыхание, я приношу мост.

Женщина смотрела на неё долго, так долго, что Мира начала чувствовать, как серые нити тянутся к ней, как они касаются её золотых нитей, как они пробуют, проверяют, ищут, и потом женщина опустила блюдо с хлебом и солью на землю, и в этом жесте было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это был не отказ, это было приглашение, это был обряд, хлеб и соль, жизнь и память, пепел и вода, мост.

— Мы — те, кто остался, — сказала женщина, и её голос дрогнул, как тростник на ветру. — Мы — те, кто не ушёл, те, кто не стал пепельным, те, кто не стал болотником, мы — забытые, мы — те, кто потерял память, давно, очень, и мы не помним, кто мы, мы не помним, откуда пришли, мы помним только камень, и лик, и ждать, и мы ждали так долго, что забыли, чего ждём, и мы ждали так долго, что забыли, зачем ждём, и мы ждали так долго, что забыли, кто мы есть.

Мира посмотрела на скалу с высеченным ликом, на камень с отверстием, на серые дома, на серых людей, и она поняла, что это место не просто деревня, это мост, такой же, как она, только сломанный, забытый, ждущий, и она подошла к женщине, взяла её за руку, сухую, холодную, но живую, и в этом прикосновении было что-то, что заставило серые нити вспыхнуть, не ярко, не золотом, голубым, как небо перед рассветом, как вода в горном ручье, как первый вдох ребёнка.

— Тогда дышите, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Со мной, сейчас, вдох вода, выдох огонь, и пустота уйдёт, не сразу, но уйдёт, потому что мост — это не память, мост — это жизнь, а жизнь — это дыхание.

Женщина закрыла глаза, и её грудь поднялась, медленно, тяжело, как у человека, который забыл, как дышать, и Мира держала её руку, чувствуя, как серые нити дрожат, как они натягиваются, как они рвутся, и как они сшиваются заново. Вельмир подошёл с другой стороны, встал рядом, и его нити, золотые, живые, потянулись к серым нитям, как руки брата, а Ясен и Лада встали позади, и их нити тоже потянулись, а Велес встал рядом с Мирой, и его нити, серые, но с проблесками золота, потянулись ко всем. Но потом женщина открыла глаза, и в них был не свет, не благодарность, а страх, настоящий, живой, и она отшатнулась от Миры, и её голос, когда она заговорила, был полон ужаса.

— Нет, — сказала женщина, и её голос дрожал, как тростник на ветру. — Не надо, я не хочу, я не хочу вспоминать, потому что помнить — это больно, помнить — это тяжело, помнить — это смерть, и я не хочу умирать, я хочу остаться здесь, в тишине, в покое, в забвении, потому что забвение — это милосердие, а память — это кара.

Мира смотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, потому что она не ожидала этого, она думала, что все хотят вспомнить, что все хотят пробудиться, что все хотят быть частью моста, но она ошибалась, и это было честно, и это было страшно. Другие жители деревни начали выходить из домов, и они смотрели на Миру, и в их глазах был тот же страх, и тот же отказ, и та же мольба, и один старик, сгорбленный, с лицом, изрезанным морщинами, шагнул вперёд и заговорил.

— Мы не хотим вспоминать, потому что помнить — это больно, — сказал старик, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Мы забыли своих детей, мы забыли своих жён, мы забыли свои дома, и это больно, но это наша боль, и мы не хотим, чтобы кто-то забирал

её у нас, даже если этот кто-то хочет нам помочь, потому что помощь — это насилие, если её не просят.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило её замолчать, потому что она поняла, что он прав, что помощь — это насилие, если её не просят, что мост — это не приказ, а приглашение, что она не имеет права пробуждать тех, кто не хочет пробуждаться. Она опустила руку и посмотрела на Велеса, и в этом взгляде был вопрос, который она не хотела задавать, но должна была, потому что иначе они не найдут ответа.

— Что нам делать? — спросила Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Мы не можем заставить их, мы не должны заставлять их, но мы также не можем оставить их здесь, в забвении, в пустоте, в смерти при жизни.

Велес смотрел на неё, и в его серых глазах, уже не мёртвых, было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание, потому что он сам был пустотой, он сам был забытым, он сам не хотел вспоминать, и он знал, как это страшно, и как это больно.

— Я был таким, как они, — сказал Велес, и его голос был тихим, но твёрдым. — Я был пустотой, я не хотел вспоминать, я не хотел чувствовать, я не хотел жить, но ты не заставила меня, ты просто была рядом, ты просто дышала со мной, ты просто ждала, и я сам захотел, я сам вспомнил, я сам вернулся, потому что мост — это не приказ, мост — это приглашение, и тот, кто не хочет идти, имеет право остаться.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она знала, что он прав, что она не может заставить их, что она может только быть рядом, что она может только дышать с ними, что она может только ждать, пока они сами захотят. Она обернулась к жителям деревни и заговорила, и её голос был тихим, но твёрдым, как камень.

— Мы не будем вас заставлять, — сказала Мира, и её голос был честным, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Мы не будем вас пробуждать, мы не будем вас спасать, мы просто будем рядом, мы просто будем дышать с вами, мы просто будем ждать, и, если вы захотите мы поможем, а если не захотите, мы уйдём, потому что мост — это не клетка, мост — это свобода, и тот, кто не хочет идти, имеет право остаться.

Жители деревни молчали, и в этом молчании было что-то, что было больше, чем страх, больше, чем отказ, больше, чем всё, потому что они не ожидали этого, они думали, что мост придёт и заберёт их, но мост не забирал, мост предлагал, и это было честно, и это было живо. Женщина с седыми косами посмотрела на Миру, и в её глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не благодарность, не радость, а что-то другое, что-то, что было похоже на уважение.

— Ты не такая, как другие, — сказала женщина, и её голос был тихим, но твёрдым. — Другие приходили и забирали, другие приходили и ломали, другие приходили и убивали, а ты пришла и осталась, ты пришла и дышала, ты пришла и ждала, и это — мост, настоящий, живой.

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило женщину улыбнуться в ответ, впервые за много лет, впервые за целую жизнь, впервые за целую вечность. К вечеру некоторые из жителей деревни подошли к Мире, и они сели рядом с ней, и они дышали вместе, вдох вода, выдох огонь, и некоторые вспомнили, не всё, но что-то, имена, лица, песни, и они плакали, и они смеялись, и они обнимались, и в этом воспоминании было что-то, что заставило сердце Миры наполниться теплом. Но другие остались в стороне, и они смотрели на тех, кто вспомнил, и в их глазах был страх, но не перед Мирой, а перед собой, потому что они боялись, что тоже захотят, и что это будет больно, и что они не выдержат.

Мира смотрела на них, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она знала, что не все хотят быть спасёнными, и что она должна научиться уважать чужой выбор, даже если он кажется ей неправильным. Она встала и подошла к тем, кто остался в

стороне, и она села рядом с ними, и она не говорила, она просто дышала, и в этом дыхании было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем прикосновения, больше, чем всё, это был мост, мост, который стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто стоит, уважает тех, кто не идёт.

— Я не буду вас заставлять, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Я просто буду здесь, и если вы захотите, я помогу, а если не захотите, я уйду, но я не забуду вас, потому что мост — это не только те, кто идёт, мост — это и те, кто остаётся, и я уважаю ваш выбор, даже если он кажется мне неправильным.

Старик с посохом посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не благодарность, не радость, а что-то другое, что-то, что было похоже на принятие.

— Ты — мост, — сказал старик, и его голос был скрипучим, как несмазанное колесо. — Настоящий, живой, и я не знаю, вспомню ли я когда-нибудь, но я знаю, что ты не заставишь меня, и это — самое главное, самое важное, самое живое.

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило старика улыбнуться в ответ, и она встала, и она пошла к своим, к Вельмиру, к Ясену, к Ладе, к Велесу, и она посмотрела на них, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило их понять: она изменилась, она выросла, она стала не просто мостом, а чем-то большим, чем-то, что умеет уважать чужой выбор, даже если этот выбор — не идти.

— Тогда идём, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Дальше, вместе, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше, даже если боимся, даже если всё рушится.

Мира и её спутники приходят в деревню забытых, где жители не хотят принимать помощь, потому что боятся, что мост заберёт у них последнее, что у них есть — их изоляцию, их забытость, их покой. Женица с седыми косами говорит: «Мы не хотим вспоминать, потому что помнить — это больно». Велес, как бывший Пепельный пастырь, объясняет жителям, что он понимает их страх, потому что сам был пустотой, и что он нашёл выход, и что они тоже могут. Мира задумывается: имеет ли она право пробуждать людей, которые не хотят пробуждаться? Может быть, мост — это не всегда добро? Она решает не заставлять, а просто быть рядом, дышать с ними, ждать. Некоторые жители вспоминают, другие остаются в стороне. Мира понимает, что не все хотят быть спасёнными, и что она должна научиться уважать чужой выбор, даже если он кажется ей неправильным.

Эпизод 3: «Кормление камня»

«Камень не помнит слов. Камень помнит дыхание. И тот, кто дышит с ним, становится его памятью — даже если сам давно забыл, кем был. Но мост стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто кормит камень, должен помнить: камень тоже может кормить.»

Ночь в деревне забытых опускалась неспешно, будто сама тьма не решалась накрыть это место слишком быстро, и небо сделалось густо-синим, как чернила, разлитые по пергаменту, и в нём проступили звёзды, крупные, чужие, молчаливые. Мира сидела у костра, поджав под себя ноги, и пламя отражалось в её серо-голубых глазах двумя живыми искрами, а рядом, плечом к плечу, устроился Вельмир, и его рука лежала на её колене, тяжёлая и тёплая, как нагретый солнцем камень. Ясен и Лада сидели поодаль, и их нити, золотые, переплетённые, тянулись друг к другу даже сквозь сгущающуюся тьму, как две реки, которые не могут разойтись, а Велес сидел у края поляны и молчал, и в его серых глазах, уже не мёртвых, было что-то, что было похоже на ожидание.

Ведана вышла последней, опираясь на клюку из кривого дуба, и каждый её шаг отдавался глухим стуком в груди Миры, потому что Ведана была старой, очень старой, и её лицо напоминало кору древнего дерева, изрезанную морщинами, а глаза были серыми, как пепел, но живыми, и в них не было пустоты, в них была память, единственная память на всю деревню. Она подошла к костру, опустилась на землю, тяжело, медленно, как опускается на дно реки

утопленник, и посмотрела на Миру, долго, внимательно, так, как смотрят на того, кого ждали много лет и уже перестали надеяться.

— Ты чувствуешь камень, — сказала Ведана, и это был не вопрос, потому что она знала ответ, она знала его уже много лет, с тех пор как сама пыталась уйти из этой деревни и не смогла.

— Чувствую, — ответила Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Он живой, он дышит, он помнит, и я не знаю, что он хочет от меня, но я знаю, что он ждёт.

Ведана кивнула, медленно, тяжело, но с облегчением, будто с её плеч сняли груз, который она несла в одиночку всю жизнь, и потом она заговорила, и её голос, скрипучий, как несмазанное колесо телеги, поплыл над костром, и в этом голосе была не только мудрость, но и боль, старая, глубокая, живая.

— Когда-то я была молодой, — сказала Ведана, и её глаза смотрели не на Миру, а куда-то сквозь неё, в прошлое, которое не хотело уходить. — Я хотела уйти из этой деревни, я хотела увидеть мир, я хотела жить, как живут другие люди, но камень не отпустил меня, и я осталась, и я не знаю, было ли это проклятием или благословением, но я знаю, что камень не отпускает тех, кто ему нужен.

Мира смотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она тоже чувствовала, что камень не отпустит её, что он будет держать её, пока она не сделает то, что должна, и она не знала, что это, но она знала, что это будет больно.

— Тогда Расскажи мне, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Расскажи мне об обряде, Расскажи мне, что я должна делать, Расскажи мне, почему камень ждёт меня, а не кого-то другого.

Ведана встала и пошла к камню, и Мира пошла за ней, и Вельмир хотел пойти тоже, но Мира остановила его одним движением руки, не резким, не властным, а мягким, как будто просила подождать, потому что она знала, что этот обряд не для воинов, этот обряд для тех, кто помнит, для тех, кто может. Ведана опустилась на колени перед камнем и жестом показала Мире сделать то же, и Мира опустилась, и камень был холодным, но под ладонями он был тёплым, как будто внутри него что-то жило, что-то, что ждало.

— Мы называем это «кормлением камня», — сказала Ведана, и её голос был тихим, почти шёпотом. — Мы приносим хлеб и соль, кладём в отверстие, и говорим слова, слова, которые никто не помнит, но камень помнит, камень всегда помнит, и он ждёт, он всегда ждёт, потому что камень — это не просто камень, камень — это сердце моста.

Она достала из-за пазухи маленький холщовый мешочек, развязала его и высыпала на ладонь горсть зерна, рожь, пшеницу, ячмень, потом достала щепоть соли и кусочек чёрного хлеба, и она положила всё это в отверстие камня, медленно, торжественно, как кладут подношение богам.

— Повторяй за мной, — сказала Ведана. — Не словами, сердцем, ты — мост, ты можешь, и камень тебя услышит, потому что камень слушает не ушами, а дыханием.

Она закрыла глаза и заговорила на древнем языке, том самом, которого Мира не знала, но понимала через нити, и слова были не словами, а чувствами, памятью, болью, надеждой, и Ведана говорила о тех, кто был до них, о тех, кто ушёл, о тех, кто остался, о тех, кто будет, и она говорила о мосте, который был сломан, о мосте, который нужно починить, о мосте, который зовёт. Мира закрыла глаза и почувствовала, как что-то внутри неё отзывается на эти слова, не разум, не память, что-то глубже, что-то, что было в крови, что-то, что было в костях, что-то, что было в ней с самого начала, и она открыла глаза и посмотрела на камень, и камень ответил.

Не словами, не звуком, светом, слабым, голубым, живым, и он шёл из отверстия, как будто внутри камня зажглась свеча, и Ведана ахнула и отшатнулась, и люди вокруг костра замерли, и Вельмир шагнул вперёд, но Мира остановила его, не рукой, а взглядом, и она положила обе ладони на камень, и свет стал ярче, не слепящим, а тёплым, как свет от печи в зимний

вечер. Мира чувствовала, как нити, не серые, не золотые, а голубые, как небо перед рассветом, тянутся от камня к ней, от неё к камню, от камня к людям, от людей к небу, и она видела то, что не видела раньше: как три мира, Явь, Навь и Правь, связаны тонкими нитями, которые тянутся через камень, через деревню, через всё, и эти нити были не разорваны, они были спутаны, и их нужно было распутать, не разорвать, не соединить, распутать.

Но потом что-то пошло не так. Камень начал забирать больше, чем должен был, и Мира почувствовала, как что-то уходит из неё, не сила, не память, а жизнь, медленно, по капле, как вода из треснувшего кувшина, и она хотела отнять руки, но не могла, потому что камень держал её, камень не отпускал её, камень хотел её, всю, до дна. Она почувствовала, как трещины на её руках становятся глубже, как кровь течёт из носа, как серый свет в её трещинах становится ярче, и она поняла, что камень — это не просто часть моста, камень — это его сердце, и если она не научится его контролировать, он поглотит её.

— Ведана! — крикнула Мира, и её голос был хриплым, как у человека, который долго молчал. — Что делать? Он не отпускает меня! Он забирает больше, чем я могу отдать!

Ведана смотрела на неё, и в её глазах, серых, как пепел, был страх, но не за себя, а за Миру, и она шагнула вперёд, и она положила свою руку на руку Миры, и она задышала, медленно, ровно, живо, вдох вода, выдох огонь, и Мира начала дышать вместе с ней, и камень начал отпускать, медленно, неохотно, но отпускать, и свет погас, и Мира упала на землю, и Вельмир подхватил её, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и в этом объятии было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты жива, — сказал Вельмир, и его голос был хриплым, как у человека, который долго молчал, но в этом голосе была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на любовь. — Ты жива, и ты не стала им, и это самое главное, самое важное, самое живое.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, были слёзы, не горькие, не печальные, а другие, те, что текут, когда находишь то, что считал потерянным, и она взяла его руку, большую, шершавую, живую, и прижала к своей груди, к оберегу, который пульсировал ровно и тепло.

— Я поняла, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, но в этом голосе была боль. — Камень — это не просто часть моста, камень — это его сердце, и если я не научусь его контролировать, он поглотит меня, не сразу, не завтра, но поглотит, и тогда всё рухнет, всё, включая тебя, включая Зарю, включая всех.

Ведана подошла к ней, и в её глазах, серых, как пепел, было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не благодарность, не радость, а что-то другое, что-то, что было похоже на знание.

— Ты можешь распутать, — сказала Ведана, и её голос был тихим, но твёрдым. — Но не одна, со всеми, с нами, с ним, с ними, со всеми, кто стал мостом, потому что мост — это не один, мост — это все, вместе, всегда, и камень это знает, и камень это чувствует, и камень это ждёт.

Мира смотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она знала, что Ведана права, что она не может сделать это одна, что она не должна делать это одна, что мост — это не она, мост — это все, и она убрала руки от камня, и свет погас, медленно, неохотно, как будто камень не хотел отпускать её, но Мира знала, что он не отпустил, он просто ждал, ждал, когда она вернётся, когда они все вернутся, когда мост будет достроен.

— Тогда начнём, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как кремень. — Сначала, с обряда, с кормления камня, с памяти, с моста, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше, даже если боимся, даже если всё рушится.

Ночью в деревне забытых Ведана рассказывает Мире свою личную трагедию: когда-то она пыталась уйти из деревни, но не смогла, потому что камень не отпустил её. Во время

обряда «кормления камня» что-то идёт не так: камень начинает забирать больше, чем должен, и Мира чувствует, что теряет часть себя, трещины на её руках становятся глубже, кровь течёт из носа. Ведана помогает Мире остановить камень. Мира понимает, что камень — это не просто часть моста, а его сердце, и что, если она не научится его контролировать, он поглотит её. Ведана говорит, что Мира может распутать нити, но не одна, а со всеми, кто стал мостом. Мира соглашается и решает начать обряд.

Эпизод 4: «Когда чужая память становится твоей»

«Телепатия — не дар. Это долг. Ибо тот, кто касается чужой памяти, оставляет в ней часть себя — даже если сам этого не хочет. Но мост не идёт — он стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто входит в чужую память, должен помнить: ты можешь выйти оттуда другим. Или не выйти вообще.»

После обряда «кормления камня» люди разошлись по домам медленно, неохотно, как расходятся после большого разговора, когда слова уже сказаны, но смысл ещё висит в воздухе, густой и тяжёлый, как смола. Костёр догорал, и красные угли дышали под серым пеплом, медленно, ровно, как спящий зверь, и Мира осталась у камня, потому что что-то держало её здесь, не сила, не магия, а что-то иное, тянущее за нити, которые она только начинала видеть. Вельмир подошёл и сел рядом на землю, вытянув длинные ноги к угасающему огню, и он не спрашивал, почему она не уходит, потому что знал, он всегда знал, и его рука легла на её ладонь, большая, шершавая, тёплая, как нагретый солнцем камень на берегу реки.

— Ты видела нити, — сказал он тихо, глядя не на неё, а на камень. — Спутанные. Явь, Навь, Правь. Ты говорила Ведане.

— Видела, — ответила Мира. — Они спутаны, не разорваны, спутаны, как клубок пряжи, который долго лежал в сундуке и забыл, что был когда-то одной нитью, и я не знаю, как их распутать, потому что телекинезом не распутаешь то, что нематериально, а дыханием не распутаешь то, что слишком запутано.

Ведана вышла из своего дома, медленно, тяжело, опираясь на клюку, и каждый её шаг отдавался глухим стуком в ночной тишине, и Мира и Вельмир отстранились друг от друга, не резко, не виновато, а спокойно, как отстраняются те, кто знает, что их близость не нуждается в свидетелях. Ведана подошла и остановилась в трёх шагах, и она не села, она просто стояла и смотрела на Миру, и в её серых глазах, глазах, которые видели слишком много и помнили слишком мало, было что-то, что заставило Миру подняться на ноги.

— Ты хочешь знать, как я помню, — сказала Ведана, и это был не вопрос, потому что она знала ответ, она знала его уже много лет, с тех пор как сама пыталась уйти из этой деревни и не смогла, потому что камень не отпустил её.

— Хочу, — ответила Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она действительно хотела знать, с того момента, как увидела нити, тянущиеся от Веданы к камню, она чувствовала, что в этой женщине скрыта память, которую не может дать ни один камень.

— Ты можешь войти в мою память, — сказала Ведана, и её голос был тихим, но твёрдым. — Через нити, через дыхание, через себя, ты — мост, ты можешь, но я должна предупредить тебя: это будет больно, не для меня, для тебя, потому что ты будешь видеть то, что я видела, чувствовать то, что я чувствовала, и ты не сможешь это забыть, оно останется в тебе навсегда.

Мира смотрела на неё долго, и она видела, как серые нити Веданы дрожат, не от страха, а от чего-то другого, от готовности, от ожидания, от того, что она ждала этого момента всю свою долгую жизнь, и Мира кивнула, медленно, тяжело, но кивнула, и в этом кивке было что-то, что было глубже слов, глубже клятв, глубже всего.

— Хорошо, — сказала Мира. — Но не здесь, не у камня, память — это вода, ей нужен покой, иди в дом, я приду, и мы сделаем это вместе, потому что я не хочу, чтобы ты была одна, когда я увижу то, что ты видела.

Ведана кивнула и медленно, тяжело пошла обратно, и Мира смотрела ей вслед, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, не за себя, за то, что она увидит, за то, что она почувствует, за то, что она станет частью чужой боли. Вельмир подошёл сзади и обнял её, крепко, сильно, так, что она почувствовала его подбородок на своём плече, его дыхание на своей шее, тёплое, живое, родное.

— Ты не должна, — сказал он тихо. — Ты можешь отказаться, и никто не осудит тебя, потому что не все двери нужно открывать, и не всякую память нужно помнить.

— Не могу, — ответила Мира, и голос её дрогнул. — Потому что, если я откажусь, я предам не её, я предам себя, я — мост, а мост не бежит от чужой памяти, мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто стоит, должен уметь держать чужую боль, даже если она тяжёлая.

Вельмир молчал, и его руки на её талии стали тяжелее, не от напряжения, а от чего-то другого, от решимости, от готовности, от любви.

— Тогда я буду рядом, — сказал он. — Не в доме, не в комнате, но рядом, за дверью, чтобы ты знала, что я здесь, чтобы ты не потерялась, чтобы ты вернулась.

Мира повернулась в его объятиях и посмотрела ему в глаза, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты — мост, — сказала она. — Тоже, просто не знаешь, пока, но ты держишь меня, каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, и я не боюсь, потому что ты рядом.

Он поцеловал её, в лоб, в переносицу, в уголок губ, три поцелуя, как три камня, заложенных в основание моста, и в этом жесте было что-то, что было больше, чем слова, больше, чем клятвы, больше, чем всё. Дом Веданы стоял на самом краю деревни, низкий, серый, вросший в землю по самые окна, и внутри пахло дымом, сушёными травами и чем-то ещё, тёплым, живым, древним. Ведана сидела на лавке у печи, и её руки лежали на коленях, сухие, морщинистые, но живые, и она смотрела на огонь, и в её глазах отражались две маленькие искры.

Мира вошла и села напротив, и она не стала ждать, не стала готовиться, она просто закрыла глаза и задышала, медленно, ровно, живо, вдох вода, выдох огонь, вдох вода, выдох огонь, и в этом дыхании было что-то, что было больше, чем ритуал, больше, чем магия, больше, чем всё. Она потянулась к нитям Веданы, не силой, не властью, а собой, своим теплом, своей жизнью, и она чувствовала, как серые нити дрожат, как они натягиваются, как они тянутся к ней, как руки, которые ищут опору, и она шагнула в них, не телом, душой, так, как учила её бабушка, так, как делала сама много раз, так, как делали все, кто держал мост.

Сначала было темно, потом свет, не яркий, не слепящий, а мягкий, как утро в детстве, и Мира стояла на поляне, не в деревне, не в лесу, а на поляне, которая была до всего, до раскола, до войны, до пепла и воды. Поляна была зелёной, солнечной, живой, птицы пели, дети смеялись, взрослые работали, и в центре поляны стоял камень, тот самый, с отверстием, и вокруг него хоровод водили женщины в белых рубахах, с венками на головах, и они пели песню без слов, и в этой песне была жизнь. А потом пришла она, женщина с двумя лицами, одно молодое, с янтарными глазами, другое старое, с закрытыми веками, первая жрица, и она шла по поляне, и трава под её ногами не приминалась.

Первая жрица подошла к камню, положила на него руки, и камень ответил, голубым светом, как сегодня, и она заговорила, не словами, а мыслями, и Мира услышала её через память Веданы, и голос жрицы был усталым, очень усталым, как у человека, который несёт ношу слишком долго и уже не помнит, зачем её взял.

— Я устала, — сказала первая жрица. — Я держу мост между мирами, я соединяю пепел и воду, я держу Явь, Навь и Правь вместе, но я больше не могу, я хочу уйти, я хочу покоя, я хочу стать частью мира, а не его опорой.

Но потом она замолчала, и что-то в ней изменилось, и она посмотрела прямо на Миру, не на Ведану, не на память, а на неё, настоящую, живую, и в её глазах, янтарных и закрытых,

было что-то, что заставило сердце Миры сжаться, потому что это была не усталость, это было отчаяние.

— Ты пришла, — сказала первая жрица, и её голос был уже не усталым, а твёрдым, как кремь. — Ты пришла, чтобы починить мост, но я должна сказать тебе то, что не сказала никому: мост нельзя починить, мост нужно уничтожить, потому что мост — это ошибка, это моя ошибка, и я это знаю, я знала это всегда, но я боялась признаться, потому что если мост уничтожить, то всё, что мы построили, рухнет, но если его не уничтожить, он поглотит всё, и тогда рухнет ещё больше.

Мира смотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на гнев, но не злой, не разрушительный, а чистый, как огонь, который очищает, потому что она не ожидала этого, она думала, что первая жрица устала, что она хочет покоя, но она не думала, что жрица захочет уничтожить то, что создала.

— Ты не права, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как кремь. — Мост — это не ошибка, мост — это жизнь, мост — это связь, мост — это то, что соединяет, а не то, что разъединяет, и если ты не смогла его удержать, это не значит, что его нужно уничтожить, это значит, что его нужно научить, научить границам, научить различиям, научить тому, что не всё должно быть соединено.

Первая жрица усмехнулась, и в этой усмешке было что-то, что заставило ветер стихнуть, и она подняла руку, и голубые нити, которые тянулись от камня, начали рваться, не все, но многие, и Мира почувствовала, как что-то внутри неё рвётся вместе с ними, как будто кто-то разрывает её собственное сердце.

— Ты думаешь, что можешь сделать то, что не смогла я? — спросила первая жрица, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты думаешь, что ты сильнее меня? Ты думаешь, что ты умнее меня? Ты думаешь, что ты лучше меня? Ты ошибаешься, потому что ты — это я, ты — моё отражение, ты — то, чем я была, когда была молодой и думала, что могу всё, и ты тоже устанешь, ты тоже сдашься, ты тоже захочешь уйти, и тогда ты поймёшь, что я была права.

Мира смотрела на неё, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило её замолчать, потому что она увидела в первой жрице себя, не отражение, не тень, а себя, настоящую, живую, уставшую, испуганную, одинокую, и это было страшно, это было честно, это было живо. Она поняла, что первая жрица не злодейка, не святая, она — женщина, которая устала, которая испугалась, которая осталась одна, и которая сдалась, и Мира поняла, что она тоже может устать, что она тоже может испугаться, что она тоже может сдаться, и что она должна решить, хочет ли она быть мостом или хочет быть собой.

— Я не ты, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я — не ты, потому что я не одна, у меня есть Вельмир, у меня есть Заря, у меня есть Ясен, у меня есть Лада, у меня есть Велес, у меня есть все, кто стал мостом, и я не сдамся, потому что я не одна, и потому что мост — это не я, мост — это мы, все, вместе, всегда.

Первая жрица смотрела на неё долго, и в её глазах, янтарных и закрытых, было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ненависть, не злость, а что-то другое, что-то, что было похоже на уважение.

— Тогда докажи, — сказала первая жрица, и её голос был тихим, но твёрдым. — Докажи, что ты можешь, докажи, что ты не я, докажи, что мост можно починить, и если ты сможешь, я уйду, я уйду навсегда, я растворюсь, я стану частью мира, а не его опорой, потому что я устала, я очень устала, и я хочу покоя.

Мира смотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на решимость, но не злую, не холодную, а живую, как мост, как жизнь, как всё, и она кивнула, медленно, тяжело, но кивнула, и в этом кивке было что-то, что было глубже слов, глубже клятв, глубже всего.

— Я докажу, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Не тебе, себе, потому что я должна знать, что я не ты, что я не сдамся, что я не уйду, что я останусь, даже если будет больно, даже если будет тяжело, даже если я устану.

Первая жрица улыбнулась, впервые за тысячу лет, настоящей улыбкой, открытой, живой, и она растворилась, не исчезла, не умерла, растворилась, в свете, в воздухе, в памяти, в Мире, и в этом растворении было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее. Мира открыла глаза и увидела, что она сидит на лавке в доме Веданы, и рука Веданы всё ещё в её руке, сухая, холодная, живая, и Ведана смотрит на неё, и в её глазах, серых, как пепел, были слёзы, не горькие, не отчаянные, а что-то другое, что-то, что было похоже на облегчение.

— Ты видела, — сказала Ведана, и её голос дрогнул. — Всё, как она ушла, как запутала, как оставила, и как она пыталась убедить тебя, что мост — это ошибка, я помнила это всю жизнь, но не могла рассказать, не было слов, не было того, кто услышит, теперь есть, теперь ты.

Мира смотрела на неё, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что первая жрица не была злодейкой, она не сломала мост, она просто устала, она просто хотела покоя, она просто запутала нити, потому что не могла больше держать их, и теперь Мира должна была не осуждать её, не исправлять её ошибку, а распутать то, что она оставила, не как судья, как мост.

— Я видела, — сказала Мира, и её голос был твёрдым. — И я не буду её винить, она сделала то, что могла, она устала, она имела право, теперь мой черёд, теперь я распутаю не потому, что должна, потому что могу, потому что хочу, потому что я — мост, и мост не судит, мост соединяет.

Но потом она замолчала, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, потому что она поняла, что первая жрица — не просто уставшая женщина, а её отражение, что она тоже может устать, что она тоже может уйти, и что она должна решить, хочет ли она быть мостом или хочет быть собой.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я не знаю, смогу ли я, я не знаю, выдержу ли я, я не знаю, не стану ли я ею, и это честно, и это страшно, и это жизнь.

Ведана смотрела на неё, и в её глазах, серых, как пепел, было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не благодарность, не радость, а что-то другое, что-то, что было похоже на веру.

— Ты не станешь ею, — сказала Ведана, и её голос был тихим, но твёрдым. — Потому что ты не одна, потому что ты — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто стоит, не падает, даже если устал, даже если испугался, даже если хочет уйти.

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило Ведану улыбнуться в ответ, и она встала и вышла из дома, и ночной воздух коснулся её лица, прохладный, свежий, живой, и Вельмир ждал её на пороге, и он не бросился к ней, не обнял сразу, он просто стоял и смотрел, на её лицо, на её руки, на её глаза, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Ты видела, — сказал он, и это был не вопрос.

— Видела, — ответила Мира. — Всё, первую жрицу, её уход, её боль, её страх, она не была злодейкой, она была женщиной, уставшей, испуганной, одинокой, и она пыталась убедить меня, что мост — это ошибка, что его нужно уничтожить, но я не согласилась, потому что я — не она, потому что я не одна, потому что мост — это не я, мост — это мы.

Вельмир подошёл и обнял её, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем любовь, больше, чем жизнь, больше, чем всё, это был мост, мост, который они построили вместе, мост, который держал, мост, который не рушился.

— Ты не она, — сказал он тихо, и его голос был тёплым, как дыхание над остывающим чаем. — Ты никогда не будешь ею, потому что ты — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто держит, не сдаётся, даже если устал, даже если испугался, даже если хочет уйти.

Мира отстранилась и посмотрела на него, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, — сказала она, и это был не вопрос.

— Знаю, — ответил Вельмир. — Я тоже. Всегда.

Он поцеловал её, долго, нежно, живо, и в этом поцелуе было всё, страх, надежда, боль, любовь, жизнь, всё, что они пережили, всё, что они построили, всё, что они будут.

Ночью у костра Ведана предлагает Мире через телепатию увидеть её память — память о том, как первая жрица ушла в Пепел. Мира входит в воспоминания Веданы и видит первую жрицу, но вместо усталости жрица пытается убедить Миру, что мост нужно уничтожить, что он — ошибка. Мира спорит с ней, говоря, что мост — это не ошибка, а жизнь, и что она не одна, что мост — это все вместе. Первая жрица говорит, что Мира — её отражение и тоже устанет. Мира понимает, что первая жрица — не просто уставшая женищина, а её отражение, что она тоже может устать и уйти, и что она должна решить, хочет ли она быть мостом или хочет быть собой. Ведана помогает Мире выйти из памяти, и они становятся ближе. Мира возвращается к Вельмиру, который ждёт её за дверью.

Эпизод 5: «Рука, которая не должна поднимать»

«Телекинез — не крылья. Это молот. И тот, кто бьёт молотом по паутине, рвёт не узел, а саму жизнь. Но мост стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто держит, должен знать: сила без меры — это не мощь, а разрушение.»

Утро в деревне забытых началось с тумана, который поднялся от земли так густо, что дома казались призраками, а люди тенями, и Мира вышла на поляну перед камнем с отверстием ещё до того, как солнце показалось из-за скалы с высеченным ликом. Она не спала почти всю ночь, после того как увидела память Веданы, после того как поняла, что первая жрица не просто устала, а пыталась убедить её уничтожить мост, она не могла лежать, она должна была действовать, она должна была распутать, она должна была починить. Вельмир вышел следом за ней, но остался у края поляны, не потому что не хотел помочь, а потому что знал: этот шаг Мира должна сделать сама. Ясен и Лада стояли у дома Веданы, и их нити, золотые, переплетённые, тянулись к Мире, как руки брата и сестры, а Ведана сидела на завалинке, опираясь на клюку, и её серые глаза смотрели на Миру с чем-то, что было похоже на веру.

Мира встала перед камнем, положила на него ладони и закрыла глаза, и она чувствовала голубые нити, спутанные, запутанные, как клубок пряжи, который долго лежал в сундуке и забыл, что был когда-то одной нитью, и она видела их не глазами, а сердцем, кровью, памятью, и они дрожали, как паутина на ветру, и в этом дрожании была не только боль, но и что-то другое, что-то, что было похоже на страх, на одиночество, на ожидание. Мира протянула руку, не физически, а мысленно, и попыталась коснуться нитей, она хотела не рвать их, не резать, не связывать заново, она хотела распутать, медленно, осторожно, как распутывают узел, который завязали слишком туго, но нити не поддавались, они проходили сквозь её пальцы, как вода сквозь сито, как дым сквозь решето, как память сквозь сон, и они не были материальными, они были живыми, и их нельзя было распутать руками.

Мира открыла глаза и посмотрела на камень, и он был холодным, и он был тёплым, и он был живым, и он ждал, она знала это, она чувствовала это, и она сделала то, что делала всегда, когда не знала, что делать, она потянулась к своей силе, к той силе, которую приняла в пещере Каменного Сердца, к телекинезу, к способности двигать предметы силой мысли. Она подумала: если нити не поддаются рукам, может быть, они поддадутся силе, может быть, их можно распутать, как распутывают клубок, не пальцами, а волей. Она подняла руку, и камень, маленький, серый, лежавший у её ног, задрожал, потом поднялся в воздух, медленно, неуве-

ренно, как птенец, который учится летать, и Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на восторг, это работало, это действительно работало. Она подняла второй камень, потом третий, потом четвёртый, они кружились вокруг неё, как планеты вокруг солнца, и в этом кружении было что-то, что заставило её почувствовать себя сильной, могущественной, живой, но нити не поддавались, они дрожали сильнее, они запутывались туже, они рвались, не от её силы, а от её гордыни.

Мира не видела этого, пока не видела, она думала, что сила это ответ, она думала, что телекинез это ключ, она думала, что может взять и распутать, но нити были не камнями, их нельзя было поднять, их нельзя было сдвинуть, их можно было только почувствовать. Она подняла воду из ручья, целый столб воды, который повис в воздухе, как стеклянная колонна, она подняла землю, комья грязи, которые кружились вокруг неё, как пчёлы вокруг улья, она подняла ветер, невидимый, но осязаемый, который трепал её волосы и плащ. Она была всем, она была везде, она была силой, и в этот момент она почувствовала, как что-то внутри неё треснуло, не кость, не кожа, что-то глубже, что-то, что было в крови, что-то, что было в костях. Кровь потекла из её носа, тонкая струйка, тёмная, живая, кожа на её руках начала трескаться, не от холода, не от ветра, а от чего-то изнутри, трещины были тонкими, как паутина, и в них светилось что-то, не золото, не голубое, а серое, как пепел.

Мира не замечала этого, она была слишком занята, слишком увлечена, слишком сильна, она поднимала камни выше, воду быстрее, ветер сильнее, она хотела распутать нити, она хотела починить мост, она хотела всё. И тогда она сделала то, чего не должна была делать, она направила силу не на камни, не на воду, не на ветер, она направила силу на нити, на те самые нити, которые соединяли людей, и она рванула их, не намеренно, не специально, а потому что не знала, что делает, и она услышала крик. Не свой, чужой, женский, отчаянный, и она открыла глаза и увидела, что одна из нитей, та самая, что соединяла Ясена и Ладу, порвалась, и Ясен упал на колени, хватая ртом воздух, как будто ему перерезали горло, а Лада закричала и бросилась к нему, и её руки дрожали, и её глаза были полны слёз, и она не понимала, что случилось, она только чувствовала, что что-то ушло, что-то важное, что-то, что было частью её.

Вельмир шагнул вперёд, он не кричал, он не звал, он просто подошёл, быстро, но не бегом, и взял её за руки, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и он держал её ладони в своих, и его нити, золотые, живые, потянулись к её нитям, как руки брата, который останавливает сестру, которая зашла слишком далеко.

— Хватит, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Не так, не силой, ты рвёшь, не распутываешь, рвёшь, и ты порвала нить, которая соединяла Ясена и Ладу, и теперь они теряют друг друга, и это твоя вина, и ты должна это исправить.

Мира открыла глаза и посмотрела на него, она не понимала, пока не понимала, потом она увидела, она увидела нити, голубые, спутанные, живые, и они были не распутаны, они были разорваны, там, где она пыталась их распутать силой, они порвались, там, где она пыталась их сдвинуть, они исчезли, она не починила мост, она разрушила его ещё больше, и она порвала нить, которая соединяла двух людей, которые любили друг друга. Камни упали на землю, вода рухнула в ручей, ветер стих, и в наступившей тишине было что-то, что было хуже любого шума. Мира посмотрела на свои руки, трещины, кровь, серый свет, она посмотрела на нити, порванные, дрожащие, живые, она посмотрела на Вельмира, его лицо, его глаза, его руки, которые держали её, и она поняла, телекинез это не мост, телекинез это сила, а сила без меры это разрушение, мост не поднимает камни, мост соединяет берега, она забыла это, она увлеклась, она стала тем, чем боялась стать, оружием.

— Я не хотела, — прошептала она, и голос её дрожал, как тростник на ветру. — Я хотела помочь, я хотела распутать, я хотела починить, я не хотела рвать, я не хотела разрушать, я не хотела причинять боль.

Вельмир прижал её к себе, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и он не говорил, он просто держал, и в этом держании было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, это была не жалость, не прощение, что-то другое, что-то, что было глубже слов, глубже прикосновений, глубже всего.

— Ты не сломала, — сказал он, и его голос был тихим, почти шёпотом. — Ты порвала, но не сломала, нити живые, они тянутся, они ждут, ты можешь, только не так, не силой, дыханием, памятью, любовью, и я покажу тебе, как, потому что я — тень моста, и я знаю, как держать то, что ты создала.

Мира отстранилась и посмотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, это была не благодарность, не радость, что-то другое, что-то, что было похоже на надежду.

— Покажи, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Покажи мне, как держать, как соединять, как не рвать, потому что я не хочу быть оружием, я хочу быть мостом, я хочу стоять, зовёт, вести, держать, а не разрушать.

Вельмир подошёл к Ясену и Ладе, которые всё ещё сидели на земле, и он опустился на колени рядом с ними, и он положил свои руки на их руки, и он задышал, медленно, ровно, живо, вдох вода, выдох огонь, и Ясен и Лада начали дышать вместе с ним, и их нити, порванные, дрожащие, начали тянуться друг к другу, медленно, неохотно, но тянуться, и они сшивались заново, не так, как были, а иначе, крепче, глубже, живее. Мира смотрела на это, и в её груди росло что-то, что было похоже на понимание, потому что она увидела, что Вельмир не поднимает камни, не двигает воду, не крутит ветер, он просто держит, он просто дышит, он просто соединяет, и в этом простом действии было что-то, что было больше, чем сила, больше, чем магия, больше, чем всё.

— Ты поняла, — сказал Вельмир, и это был не вопрос, потому что он знал ответ.

— Поняла, — ответила Мира, и её голос был твёрдым, но в этом голосе была боль. — Телекинез — не оружие, не мост, это рука, рука, которую можно протянуть, или ударить, всё зависит от того, что внутри, если внутри мост, рука соединяет, если внутри пустота, рука разрушает, и я должна научиться использовать его не для себя, а для других.

Она заплакала, и слёзы, горячие, тихие, живые, текли по её щекам, и она не вытирала их, потому что не могла, потому что не хотела, потому что они были частью её, частью её боли, частью её любви, и она поняла, что телекинез — это не дар, а испытание, и что она должна научиться использовать его не для того, чтобы поднимать камни, а для того, чтобы держать нити, не для того, чтобы быть сильной, а для того, чтобы быть мостом. Ведана подошла, медленно, тяжело, опираясь на клюку, и встала рядом, и она смотрела на нити, на Миру, на Вельмира, и в её глазах, серых, как пепел, было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее, это была не вера, не надежда, что-то глубже, что-то, что было похоже на знание.

— Ты поняла, — сказала Ведана, и её голос был тихим, почти шёпотом. — Сила — не мост, сила — оружие, мост — это другое, мост — это ты, не твоя сила, ты, твоё дыхание, твоя память, твоя любовь, твоё умение просить, а не брать, твоё умение ждать, а не решать, твоё умение держать, а не разрушать.

Мира посмотрела на неё, потом на нити, потом на свои руки, трещины, кровь, серый свет, она знала, что эти трещины не заживут быстро, она знала, что эта кровь не остановится сразу, она знала, что эта сила, телекинез, не исчезнет, она останется с ней, но она больше не будет использовать её для моста, только для защиты, только когда нет другого выхода, только когда жизнь в опасности.

— Я поняла, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как камень. — Телекинез — не мост, телекинез — щит, мост — это другое, мост — это дыхание, память, любовь, всё, что нельзя поднять, всё, что можно только почувствовать, и я буду держать, а не поднимать, я буду соединять, а не разрушать, я буду стоять, а не идти, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит.

Она повернулась к нитям, голубым, спутанным, живым, и задышала снова, медленно, ровно, живо, и нити начали распутываться, не сразу, не быстро, но начали, по одной, по две, по три, как распутывается клубок, который долго лежал в сундуке и забыл, что был когда-то одной нитью, и в этом распутывании было что-то, что было больше, чем магия, больше, чем сила, больше, чем жизнь, это был мост, мост, который она строила не руками, не силой, собой.

Мира пытается распутать нити с помощью телекинеза, но вместо этого случайно рвёт нить, соединяющую Ясена и Ладу, и они теряют друг друга. Вельмир останавливает её и показывает, как использовать телекинез правильно — не для того, чтобы поднимать камни, а для того, чтобы держать нити. Он помогает Ясену и Ладе восстановить их связь. Мира понимает, что телекинез — не дар, а испытание, и что она должна научиться использовать его не для себя, а для других. Она плачет от беспомощности, понимая, что её сила — это не мост, а оружие. Ведана подтверждает, что мост — это не сила, а сама Мира, её дыхание, память и любовь. Мира возвращается к нитям без силы, только с дыханием, и они начинают распутываться.

Эпизод 6: «Когда забытые вспоминают свои имена»

«Память — не камень, который лежит на дне. Память — это река, которая течёт сквозь всех нас. Но не каждый хочет пить из этой реки. И тот, кто стоит у берега, должен помнить: мост стоит, зовёт, ведёт, держит. Но он не заставляет войти в воду.»

После того как Мира распутала первые голубые нити, она поняла, что в одиночку ей не справиться. Нити Яви, Нави и Прави были переплетены с нитями людей, которые жили в деревне забытых, с нитями камня, с нитями скалы, с нитями воздуха. Распутать их можно было только вместе. Не силой, не магией. Дыханием, памятью, любовью. И Мира решила собрать всех. Ведана обошла дома, медленно, тяжело, опираясь на клюку, и люди вышли на поляну перед камнем с отверстием. Но не все. Некоторые остались в домах, закрыв ставни. Некоторые вышли, но стояли в стороне, скрестив руки, и в их глазах был не страх, а отказ. И тогда Мира поняла, что не все хотят вспоминать. Не все хотят быть частью моста.

Один старик с посохом, тот самый, что первым исцелился от хвори, шагнул вперёд и заговорил. Его голос был скрипучим, как несмазанное колесо, но в этом голосе была не злость, а боль.

— Мы не хотим вспоминать, Мирослава, — сказал он, и его слова упали в тишину, как камни в воду. — Мы забыли своих детей, мы забыли своих жён, мы забыли свои дома. И это больно. Но это наша боль. И мы не хотим, чтобы кто-то забирал её у нас. Даже если этот кто-то хочет помочь. Потому что помощь — это насилие, если её не просят.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх. Она не ожидала этого. Она думала, что все хотят вспомнить. Она думала, что память — это всегда дар. Но теперь она видела, что память может быть и проклятием. Она задумалась: имеет ли она право возвращать людям память, если эта память — боль? Может быть, забвение — это милосердие? Может быть, мост не должен соединять всех? Может быть, некоторые нити должны оставаться разорванными?

Ведана подошла к ней и взяла её за руку. Её пальцы были сухими, холодными, но живыми. И она заговорила, тихо, так, что слышала только Мира.

— Я тоже не хотела вспоминать, — сказала Ведана, и её голос дрогнул. — Когда-то у меня был муж. Я забыла его лицо, забыла его голос, забыла его руки. А потом, когда ты пришла, когда камень ответил, я вспомнила. И теперь я не знаю, как жить с этой болью. Потому что я вспомнила не только его лицо, но и то, как он умирал. Как он звал меня. Как я не смогла его спасти. И это знание жжёт меня изнутри, как огонь. И я не знаю, что хуже — забыть или помнить.

Мира смотрела на неё, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, были слёзы. Она поняла, что Ведана права. Память — это не всегда дар. Иногда память — это кара. И она не

имеет права решать за других, что лучше. Она не имеет права заставлять их вспоминать. Она не имеет права быть мостом, который насильно соединяет.

Она повернулась к старику и заговорила, и её голос был тихим, но твёрдым.

— Ты прав, — сказала Мира. — Я не имею права заставлять вас. Я не имею права возвращать вам память, если вы не хотите. Потому что мост — это не приказ. Мост — это приглашение. И тот, кто не хочет идти, имеет право остаться. Я не буду вас заставлять. Я просто буду здесь. И если вы захотите, я помогу. А если не захотите, я уйду. Но я не забуду вас. Потому что мост — это не только те, кто идёт. Мост — это и те, кто остаётся.

Старик смотрел на неё долго, и в его глазах было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее. Это была не благодарность, не радость, а что-то другое. Что-то, что было похоже на уважение.

— Ты — мост, — сказал он, и его голос был твёрдым. — Настоящий. Живой. И я не знаю, вспомню ли я когда-нибудь. Но я знаю, что ты не заставишь меня. И это — самое главное.

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило старика улыбнуться в ответ. Она встала и посмотрела на людей, которые собрались на поляне. Некоторые из них уже дышали вместе с ней, и их нити, серые, тусклые, начали светлеть. Некоторые вспоминали, и их глаза наполнялись слезами, но это были не только слёзы боли, но и слёзы облегчения. Но другие остались в стороне. И Мира не заставляла их. Она просто стояла у камня, и дышала, и ждала. Потому что мост не идёт — он стоит, зовёт, ведёт, держит. Но он не заставляет.

К вечеру те, кто хотел, вспомнили свои имена. Те, кто не хотел, остались в забвении. И Мира поняла, что это правильно. Потому что память — это не всегда дар. Иногда забвение — это защита. И она должна научиться уважать чужой выбор, даже если он кажется ей неправильным. Вельмир подошёл к ней и обнял её, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо.

— Ты сделала это, — сказал он тихо. — Не заставила. Не сломала. Просто была рядом. И это — самое главное.

— Мы сделали, — ответила Мира. — Все. Вместе. Как всегда.

Она посмотрела на небо, голубое, чистое, живое, и в её груди росло что-то, что было похоже на покой. Это была не гордость, не радость, а что-то другое. Что-то, что было похоже на вечность. И она поняла: мост — это не она. Мост — это все. И те, кто идёт, и те, кто остаётся. И те, кто помнит, и те, кто забыл. Все вместе. Всегда.

Мира собирает всех жителей деревни забытых, чтобы вместе распутать нити, но не все хотят вспоминать. Старик говорит: «Мы не хотим вспоминать, потому что помнить — это больно». Мира задумывается: имеет ли она право возвращать память, если это боль? Ведана рассказывает свою историю: она была замужем, забыла мужа, а теперь вспомнила и не знает, как жить с этой болью. Мира понимает, что память — не всегда дар, и решает не заставлять. Она говорит, что мост — это приглашение, а не приказ, и что тот, кто не хочет идти, имеет право остаться. Некоторые вспоминают, другие остаются в забвении. Мира понимает, что должна уважать чужой выбор.

Эпизод 7: «Тень, что крадётся по нитям»

«Тьма не приходит с востока или запада. Она приходит изнутри — из тех трещин, которые ты сам оставил в своей памяти, когда отдавал её другим. Но мост стоит, зовёт, ведёт, держит. И тот, кто стоит, должен уметь видеть тень, которая крадётся по нитям, потому что тень не всегда враг, но и не всегда друг.»

Ночь после соединения нитей опустилась на деревню забытых не как покрывало, а как вода, медленно, неумолимо, заполняя каждую впадину, каждую трещину, каждое пустое пространство между домами. Мира лежала на тюфяке из сухого мха в доме Веданы, и рядом был Вельмир, чья рука покоилась на её талии, тяжёлая, тёплая, живая, но сон не приходил, потому что что-то скребло внутри, не тревога, не страх, а нечто иное, похожее на предчувствие бури, когда воздух становится плотным, а птицы замолкают задолго до первого раската грома. Она

встала тихо, чтобы не разбудить Вельмира, и вышла на поляну, и камень с отверстием светился голубым, ровным, живым, тёплым, и люди спали в домах, и их нити, серые, но уже не тусклые, а с проблесками золота, тянулись к камню, к Мире, к небу.

Она смотрела на них и чувствовала, что что-то изменилось, не в деревне, не в людях, а в мире, как будто где-то далеко, за горизонтом, за скалами, за степью, что-то проснулось, что-то, что спало долго, очень долго, и теперь открывало глаза. Ведана вышла из своего дома, медленно, тяжело, опираясь на клюку, и она не спала, и Мира видела это по её глазам, серым, усталым, но живым, и Ведана подошла, встала рядом, и в этом стоянии было что-то, что заставило Миру почувствовать себя не одинокой.

— Ты чувствуешь, — сказала Ведана, и это был не вопрос, потому что она знала ответ, она знала его уже много лет.

— Чувствую, — ответила Мира. — Что-то идёт, не из-за горизонта, из глубины, из Нави, из-под земли, из-под воды, из-под камня, и я не знаю, что это, но я знаю, что это не добро.

Ведана молчала, и её пальцы на клюке сжались сильнее, и она смотрела на камень, на его голубое свечение, и в её глазах, серых, как пепел, было что-то, что заставило Миру похолодеть, это была не тревога, не страх, что-то другое, что-то, что было похоже на узнавание.

— Он идёт, — сказала Ведана, и её голос был тихим, почти шёпотом. — Пепельный пастырь, не один, с ним те, кого он собрал, те, кто потерял память, те, кто стал пустым, они не нападают, они просто идут, и их присутствие стирает всё, к чему они прикасаются.

Мира закрыла глаза и потянулась к нитям, не к своим, не к нитям людей, не к нитям камня, к нитям мира, и она чувствовала его, далеко, очень далеко, но ближе, чем вчера, он шёл через степь, через пепел, через мёртвую землю, с ним были сотни, серые, пустые, молчаливые, они не хотели убивать, они не хотели мстить, они хотели стереть, всё, до основания, до пустоты, до ничего. Но потом она увидела их лица, и это было самое страшное, потому что она узнала эти лица, она знала этих людей, когда они были живыми, когда они смеялись, когда они любили, а теперь они были пустыми, серыми, мёртвыми, и среди них был он, Пепельный пастырь, но не тот, кого она знала, а кто-то другой, кто-то, кого она считала мёртвым, кто-то, кто должен был умереть много лет назад.

Это был Радомир, тот самый, который ушёл в туман после боя, тот самый, которого считали погибшим, тот самый, который был дедом Лады, и он шёл с Пепельным пастырем, и его глаза были пустыми, и его нити были серыми, и он не помнил, кто он, он не помнил, что у него есть внучка, он не помнил, что он был человеком. Мира открыла глаза и посмотрела на Ведану, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, был страх, настоящий, живой, детский.

— Это Радомир, — сказала Мира, и её голос дрожал, как тростник на ветру. — Он идёт с ними, он стал одним из них, он стал пустотой, и я не знаю, что делать, потому что он — не враг, он — жертва, но он также угроза, потому что он не помнит, кто он, и он будет стирать всё, к чему прикоснётся.

Ведана смотрела на неё, и в её глазах, серых, как пепел, было что-то, что заставило сердце Миры биться спокойнее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на понимание.

— Ты должна решить, — сказала Ведана, и её голос был тихим, но твёрдым. — Идти на зов или остаться, потому что, если ты пойдёшь, ты можешь не вернуться, а если останешься, ты можешь потерять всё, что построила, и это честно, и это страшно, и это жизнь.

Мира обернулась и посмотрела на Вельмира, который вышел из дома и стоял на пороге, и его лицо было каменным, но глаза живыми, и в этих глазах была тревога, которую он не скрывал, и Мира подошла к нему, и она взяла его за руку, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее.

— Это ловушка, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, как камень. — Он знает, что мы придём, он ждёт нас, и если мы пойдём, мы попадём в его руки, и тогда всё, что мы построили, рухнет, и я не хочу этого, я не хочу потерять тебя.

— А если мы не пойдём? — спросила Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Если мы останемся, он придёт сюда, он приведёт их сюда, и тогда всё, что мы построили, рухнет здесь, и мы не сможем ничего сделать, потому что мы будем ждать, а не действовать, и я не хочу этого, я не хочу потерять всё, потому что мы побоялись.

Вельмир смотрел на неё долго, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не ярость, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на решимость.

— Тогда идём, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Не в бой, в разговор, в соединение, в то, что будет после, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и мы должны делать то же самое, даже если не знаем, что будет дальше, даже если боимся, даже если всё рушится.

Мира смотрела на него, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что заставило его сердце биться быстрее, это была не жалость, не страх, что-то другое, что-то, что было похоже на любовь, на веру, на вечность.

— Я не знаю, что там, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым, потому что она не хотела лгать, не хотела прятаться, не хотела притворяться. — Я не знаю, кто ждёт, я не знаю, ловушка это или правда, я не знаю, стоит ли идти или остаться, я знаю только одно: мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и если мы не пойдём, то кто-то другой пойдёт, и этот кто-то может не быть мостом.

Вельмир смотрел на неё, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, потому что это была не тревога, не страх, а что-то другое, что-то, что было похоже на решимость.

— Я знаю, что ты справишься, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Я не знаю, что там, я не знаю, кто ждёт, я не знаю, ловушка это или правда, но я знаю, что ты справишься, потому что ты — мост, а мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто держит, справляется, даже если не знает, что будет дальше.

Мира улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, что заставило его сердце биться спокойнее, и она встала и пошла к дереву, и Вельмир пошёл рядом, и Ясен и Лада подошли следом, и Велес встал у края поляны, и его посох из чёрного дерева лежал рядом на земле, и он смотрел на горизонт, туда, где небо сходится с землёй, туда, где начинается что-то новое, туда, где замыкается кольцо, и в его глазах, серых, но уже не мёртвых, было что-то, что заставило Миру понять: он тоже чувствует это, он тоже видит тень, которая крадётся по нитям.

— Кольцо замкнулось, — сказал Велес, и его голос был тихим, но твёрдым. — Не здесь, не сейчас, но замкнулось, от первой жрицы, через Миру, через Вельмира, через тебя, через них, через всех, через мост, через жизнь, я чувствую, всё, и я знаю, что это не конец, это начало, нового дня, нового моста, новой жизни.

Заря подошла к родителям и взяла их за руки, маленькая, тёплая, живая, и она посмотрела на горизонт, туда, где небо сходится с землёй, туда, где начинается что-то новое, туда, где замыкается кольцо, и в её глазах, серо-голубых с золотыми искрами, было что-то, что было больше, чем детство, больше, чем взрослость, больше, чем всё, это было знание, настоящее, живое.

— Я останусь, — сказала Заря, и её голос был твёрдым, но в этом голосе всё ещё была детская простота. — С бабушкой, с дедушкой, с деревом, я буду ждать, я буду учиться, я буду расти, а вы идите, туда, к ним, к тем, кто ждёт, к тем, кто боится, к тем, кто не знает, вы — мост, мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто стоит, должен остаться, чтобы мост не рухнул.

Мира смотрела на дочь, и слёзы, горячие, тихие, живые, текли по её щекам, и она не вытирала их, потому что не могла, потому что не хотела, потому что они были частью её, частью её боли, частью её любви.

— Я вернусь, — прошептала Мира, и голос её дрогнул. — Обещаю.

— Не обещай, — сказала Заря, и в её голосе была серьёзность, которая не соответствовала возрасту. — Сделай, потому что обещания — это ветер, а дела — это мост, и я хочу, чтобы ты построила мост, а не наговорила ветра.

Мира рассмеялась сквозь слёзы, тихо, тепло, живо, и в этом смехе было что-то, что заставило сердце Зари биться быстрее.

— Сделаю, — сказала Мира. — Всегда.

Она обняла Зарю, крепко, сильно, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем любовь, больше, чем жизнь, больше, чем всё. Вельмир подошёл и обнял их обеих, жену и дочь, и в этом объятии было что-то, что было больше, чем семья, больше, чем род, больше, чем жизнь, это был мост, мост, который они построили вместе, мост, который держал, мост, который не рушился.

Ночью после соединения нитей Мира чувствует, что что-то идёт из глубины — из Нави, из-под земли, из-под воды. Ведана подтверждает: Пепельный пастырь возвращается, и с ним «забытые», те, кто потерял память. Но Мира видит конкретные лица: среди них Радомир, дед Лады, которого считали мёртвым, он стал пустотой. Это создаёт личную связь и повышает ставки. Мира задумывается: стоит ли идти на зов? Может быть, это ловушка? Она спорит об этом с Вельмиром. Вельмир говорит, что не знает, что там, но знает, что Мира справится. Заря остаётся с бабушкой и дедушкой, чтобы мост не рухнул. Мира и Вельмир решают идти. Велес подтверждает, что кольцо времён замкнулось.

ГЛАВА 4: «ТЕНИ ПРОШЛОГО»

«Прошлое не уходит, когда его отпускают, — оно уходит только тогда, когда само отпускает тебя, и тогда тень становится светом, а память — мостом.»

Эпизод 1: «Когда прошлое стучится в ворота»

«Тень не крадётся — она ждёт. Ждёт, когда ты согласишься, что свет победил навсегда. И тогда она делает шаг. Один. Но этого достаточно, чтобы ты вспомнил, что тьма никогда не уходила.»

Три дня прошли как вода сквозь пальцы, неумолимо и безвозвратно, оставляя на коже лишь влажный след воспоминаний, и всё это время деревня забытых готовилась не к битве, а к встрече, потому что Мира знала: то, что идёт, нельзя остановить мечом, но можно остановить словом, если слово будет правильным. Женщины плели обереги не из трав и не из дерева, а из нитей памяти, тонких, серых, живых, и каждая нить хранила чьё-то имя, чьё-то лицо, чью-то песню, и они сидели кругами у домов, и их пальцы двигались быстро и уверенно, а голоса сливались в тихое пение без слов, и в этом пении было что-то древнее, как сама земля, как первый рассвет, как первый мост между двумя берегами.

Мира ходила между ними, не как вождь и не как госпожа, а как та, кто просто идёт рядом, и она касалась стен домов ладонью, легко и почти невесомо, и в этом прикосновении было что-то, что заставляло серые нити людей дрожать сильнее, и она смотрела на детей, которые играли у камня, и в их глазах, серых, тусклых, но уже не мёртвых, что-то просыпалось, что-то, что спало долго, очень долго. Но чем ближе подходил срок, тем сильнее Мира чувствовала, как внутри неё растёт что-то, что было похоже на страх, не за себя, а за всех, кого она любила, и она видела, как подготовка меняет людей: кто-то боялся и прятался в домах, кто-то рвался в бой и точил ножи, а кто-то хотел уйти из деревни, потому что не верил, что мост выдержит.

Вельмир подошёл к ней на третий день и взял её за руку, и его пальцы были горячими и шершавыми, и в этом прикосновении было что-то, что заставило её сердце биться спокойнее, потому что он не спрашивал, что она чувствует, он просто был рядом, как мост, как опора, как жизнь.

— Ты сомневаешься, — сказал он, и это был не вопрос, потому что он знал ответ, он всегда знал ответ.

— Сомневаюсь, — ответила Мира, и её голос был тихим, но честным. — Я сомневаюсь, правильно ли я поступаю, не приведут ли мои решения к гибели тех, кого я люблю, и я не знаю, что хуже: ошибиться или не сделать ничего.

— Ты не можешь знать всего, — сказал Вельмир, и его голос был твёрдым, как камень. — Но ты можешь быть рядом, и ты можешь держать, потому что мост стоит, зовёт, ведёт, держит, и тот, кто держит, не всегда знает, что будет дальше.

На третий день пришли они, и Мира стояла на скале с высеченным ликом, и смотрела вдаль, и она видела их нити, серые, пустые, мёртвые, которые тянулись от горизонта, как щупальца, как корни, как змеи, и их было много, сотни и тысячи, и они шли медленно, но неумолимо, и их присутствие стирало всё, к чему они прикасались. Мира подняла руку, чтобы остановить их, но не для того, чтобы ударить или оттолкнуть, а для того, чтобы понять, и она закрыла глаза и потянулась к их нитям, и она почувствовала боль, не свою, чужую, но такую же живую, и она принимала всё до дна.

Потом появился он, и Мира увидела его и вздрогнула, потому что она узнала его, она знала этого человека, когда-то давно, в храме Забытых, он был жрецом, который помогал ей, который учил её дышать, который говорил ей, что мост — это не стены, а люди, и она считала его погибшим, но он стоял перед ней, живой, но не тот, кем был, а пустой, серый, мёртвый. Его глаза горели тусклым зелёным огнём, и его посох из чёрного дерева был покрыт знаками

Нави, и он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни ненависти, ни злобы, только пустота и усталость.

— Ты пришёл, — сказала Мира, и её голос дрогнул, потому что она не ожидала увидеть его здесь.

— Пришёл, — ответил Пепельный пастырь, и его голос был низким, как гул подземной реки. — Не убивать, не мстить, говорить, потому что ты — мост, а я — тоже, только мой мост ведёт в никуда, а твой ведёт в смерть.

— Я знаю тебя, — сказала Мира, и её голос был тихим, но твёрдым. — Ты был жрецом в храме Забытых, ты помогал мне, ты учил меня дышать, ты говорил, что мост — это люди, а не стены, почему ты стал таким?

Пастырь усмехнулся, и в этой усмешке было что-то, что заставило ветер стихнуть, и он поднял посох, и знаки на нём вспыхнули зелёным огнём.

— Я стал таким, потому что ты создала мост, — сказал он, и его голос был твёрдым, как кремь. — Ты создала чудовище, которое поглощает всё, и я пытался тебя остановить, но ты не слушала, и теперь я должен стереть тебя, потому что ты — источник всех бед, ты — ошибка, которую нужно исправить.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что было похоже на страх, и на понимание, и на что-то среднее между ними, потому что она видела его нити, серые, пустые, и под ними, глубоко, тлел огонёк, слабый, едва живой, но живой, и она знала, что он не злодей, он тот, кто сдался, тот, кто выбрал пустоту вместо боли, и теперь он предлагал ей то же самое.

— Я не уйду, — сказала Мира, и её голос был твёрдым, как кремь. — И ты не сотрёшь меня, потому что я — не мост, я — человек, и я выберу, не ты, не мост, а я.

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.